

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)
Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№1' 2016

Москва ♦ ИСПИ РАН

2016

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев**.

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертных**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзуцев**, член-корреспондент РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (*заместитель главного редактора*), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (*первый заместитель главного редактора*), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (*ответственный секретарь*), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
 - поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

	ЮБИЛЕЙ	
Поздравление ИСПИ РАН		5
	ИСТОРИЯ	
<i>Иванов В. Н.</i> Начало		13
<i>Левашов В. К.</i> Двадцать пять лет неолиберальных реформ и российское общество (Социально-политическая ситуация в российском обществе)		26
	ТЕОРИЯ	
<i>Журавлёв А. Л., Юревич А. В.</i> Проблемы российского патриотизма		56
<i>Сергеев В. К.</i> Воспитание патриотизма как условие государственной целостности, безопасности и процветания России		70
<i>Осадчая Г. И.</i> Модель социальной политики Евразийского экономического Союза		80
<i>Борисова Н. В.</i> Смысл жизни как ключевая проблема науки о человеке: читая В. Н. Дружинина и И. А. Ильина		94
<i>Нестик Г. А., Солдатова Г. У.</i> Основные модели цифровой компетентности		107
<i>Григорьев Ю. Н., Родюков Э. Б.</i> Информационный терроризм и безопасность общества		120
<i>Доброхлеб В. Г.</i> Особенности демографического развития городского населения Российской Федерации		130
	ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Артамонов А. Д., Богданов И. Я.</i> Проблемы бедности в контексте жизненных ценностей россиян		136
<i>Иващенко А. В., Кирилина Т. Ю.</i> Социальная интеграция уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни, ее этапы, механизмы, критерии и показатели		158
<i>Назаров М. М., Кублицкая Е. А.</i> Социальные настроения в столичном мегаполисе: результаты сравнительного анализа		171
<i>Вавакина Т. С., Журавлев А. Л., Позняков В. П.</i> Прагматичность и нравственность как базовые принципы взаимодействия в деловом партнерстве		189

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИСПИ РАН (К ЮБИЛЕЮ)

Дорогие коллеги!

26-го марта 2016 г. Институту социально-политических исследований РАН исполняется 25 лет. За этот небольшой для истории срок Институт занял достойное место в Академическом сообществе. Проводимые им исследования всегда были направлены на изучение самых острых и актуальных проблем современности, а многочисленные публикации, отразившие полученные результаты, получили признание не только в среде ученых, но и широкой общественности.

Редакционный совет и Редколлегия журнала сердечно поздравляют Дирекцию, Ученый совет и коллектив Института со славным юбилеем и желают новых творческих свершений! Мы публикуем некоторые воспоминания и поздравления, связанные с этой датой.

НАДЕЖДА И ТРЕВОГА

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИСПИ РАН

Память возвращает меня к событиям двадцатипятилетней давности, когда до предела обострившаяся политическая обстановка в стране привела к расколу в социологическом сообществе. Идеиное противостояние между учеными привело к разделению Института социологии и к образованию Института социально-политических исследований РАН. За прошедшие годы мы не раз убежились в правильности такого решения, позволившего не только снять напряженность, но и обрести надежду на возрождение фундаментальных научных исследований. Здоровый микроклимат в коллективе вновь созданного института способствовал реализации многих научных идей в разных отраслях социологии, признанных как среди отечественных, так и зарубежных коллег. Важную роль в продвижении этих идей и в объединении социологов сыграл и наш журнал, юбилей которого отмечается в этом году.

На базе перешедших из Института социологии сотрудников сектора социальных проблем молодежи, которым я заведовал в те годы, был образован центр социологии молодежи ИСПИ РАН, также под моим руководством. Уже в самом названии вновь образованного центра, было обозначено новое направление в его де-

тельности — фундаментальная разработка социологии молодежи как отраслевой социологической дисциплины. Работая в этом направлении на протяжении прошедших лет, сотрудники центра С.Н. Быкова, Ю.А. Зубок, Р.А. Мамедов, О.В. Сорокин, И.Н. Староверова последовательно и поэтапно решали эту задачу. При этом осуществлялась широкая координация центра с социологами-молодежниками из других научных учреждений и вузов. С чувством особой благодарности хочу отметить вклад в работу центра Ю.А. Зубок, которая, придя в него в 1993 г., прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника, доктора социологических наук, профессора. В 2003 г., я с большим удовлетворением передал ей бразды правления центром, реорганизованным в новой структуре Института в отдел.

В творческом сотрудничестве нами была осуществлена теоретическая разработка: социально-воспроизводственного, рискологического и социокультурного подходов к социологическому изучению сущностных социально-групповых особенностей молодежи, определяющих специфику ее взаимодействия с обществом; концепции ее социального развития; механизмов ее социальной интеграции и социальной регуляции в условиях социальной неопределенности; духовной жизни молодежи, ее правовой и политической культуры; сущности молодежного экстремизма, тенденций и форм его проявления; социокультурного механизма формирования и воспроизводства ее отношения со сверстниками, к семье, к труду, к образованию, к власти, как к объектам социальной реальности; доверия в саморегуляции ее социальных взаимодействий. Эти разработки базировались на результатах всероссийских социологических исследований, проводимых в мониторинговом режиме, начиная с 1990 г., в 12 регионах страны, среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Полевая часть исследований осуществлялась в сотрудничестве с Институтом общественного мнения «Квалитас», возглавляемым его директором — Н.А. Романович, с которой нас связывает многолетняя совместная научная работа.

Разработанные теоретические подходы легли в основу целостной концепции социологии молодежи. Ее положения нашли отражение в 16 монографиях и получили воплощение в структуре учебника «Социология молодежи» (Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. М.: Норма 2011). Результатом научного сотрудничества с социологами Московского гуманитарного университета (бывшего института молодежи) и Российского государственного социального университета стало издание первого в мировой практике энциклопедического словаря «Социология молодежи».

(Социология молодежи. Энциклопедический словарь. / Отв. ред. Зубок Ю.А., Чупров В.И. — М.: Academia, 2008), в концепции которого также отражен данный парадигмальный подход.

К сожалению, полученные результаты часто достигались не благодаря, а вопреки научной политики, проводимой в стране в этот период. Зарплата ученых на уровне неквалифицированного рабочего, отсутствие финансирования на проведение исследований (гранты, не покрывавшие и половину необходимых расходов на исследования, которыми, к тому же удостаивались лишь немногие — не в счет), постоянные сокращения, в результате которых в научных подразделениях остались по 3–4 сотрудника — эти и многие другие проблемы не способствуют развитию фундаментальной науки. Но тот абсурд, с которым столкнулась академическая наука в последние два года, вообще не поддается логическому объяснению.

Оставаясь оптимистом, хочется надеяться, что понимание роли науки, как ГЛАВНОГО условия сохранения независимости и развития страны, придет вместе с желанием не на словах, а на деле отказать от имитации деятельности в этом направлении.

МЫ ЧЕСТНО ТРУДИЛИСЬ ВСЕГДА И ВО ВСЕХ УСЛОВИЯХ

Староверов В.И., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

На четвертьвековом творческом пути нашего Института мне наиболее памятные начальные годы его становления. Оно проходило в весьма неблагоприятных для его жизнедеятельности условиях.

Напомню, что мы организаторы ИКСИ-ИСИ-ИСАН были буквально выдавлены из нашего родового гнезда рьяными поборниками горбачевской перестройки за наше нежелание обосновать его капитулянтскую прозападную политику. Исследовательская программа Г.В. Осипова, вокруг которой мы группировались, предусматривала обоснование объективных социальных показателей и индикаторов. А это предполагало объективный характер наших исследований и в тех условиях априори их патриотический характер.

По одобренным ПАН условиям нашего выделения в самостоятельную структуру, мы сохраняли право использовать на пари-

тетных началах созданную нами материально-техническую базу ИСАН, — вычислительный центр, типографию, библиотеку... Ведь так получилось, что среди нас было большинство его старожилов. А среди оставшихся оно состояло из пришедших «на готовое» ва-рягов. Но пользовавшиеся поддержкой известного коллабора-циониста А. Н Яковлева «кукушата» нарушили это соглашение, и нам пришлось строить свой институт, как говорить, без единого гвоздя в заглавнике.

Более того, потрафляя желанием Яковлева и фондов Сороса, Форда и других НКО, грантами в которых они обильно пользова-лись, наши коллеги начали буквально травить коллектив ИСПИ, его патриотическую позицию, следуя духу популярной тогда у горбачевистов речевке «патриотизм — последнее прибежище не-годяя». В доносительском раже лидер ИС РАН в погромной ста-тье в «Известиях», известного либерала Голембиовского закле-мил нас «красно-коричневыми», а Г.В. Осипова главным идеоло-гом националистических сил. Его коллега тогда же опубликовал, по сути, политический донос в Вестнике АН (номер 64/9, 1994, с. 794). Противопоставляя «ведьмаку» Осипову своего соратника по клану «наших», а заодно рептильно расстилаясь перед власть имущими.

В докладе на пленарном заседании Международной конферен-ции по социальной структуре (Вологда, октябрь 1994 г.) я сказал, что впервые за последние 40 лет столкнулся с ситуацией, когда один ученый взял на себя несвойственную науке функцию пред-ставлять коллеге и целому коллективу коллег политические обви-нения. Обычно это было всегда заботой следственных органов, прокуратуры, политического руководства страны (Россия накану-не XXI века. М., 1985, с. 33).

Не обращая на эту травлю внимания, мы работали в том же духе, как продолжаем работать поныне: добросовестно, продуктивно. Кстати, о вышеназванной конференции: это был последний всесо-юзный научный форум по проблематике социальной структуры. Он был проведен по инициативе Отдела социальной структуры и соци-альной стратификации, которым я руководил. Статус Международ-ного он получил потому, что к этому времени СССР был развален и наши коллеги из бывших союзных республик стали посланцами са-мостоятельных государств. Кроме того, в нем участвовали ученые из Англии, Вьетнама, Сирии.

К форуму мы издали два сборника будущих докладов и со-общений. К сожалению, итоговый труд по его результатам из-за нашей тогдашней нищеты издать не удалось. Но в целом свою

позитивную роль этот форум сыграл: в частности, показал, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, мы продолжали честно трудиться.

25 лет ИСПИ РАН

Ирина Борисовна Орлова, доктор философских наук, профессор

Двадцать пять лет — это жизнь целого поколения. За эти годы в ИСПИ появилось много новых людей, в том числе молодых, которые не знают о том, как родился ИСПИ РАН. Между тем «родовые муки» длились два с половиной года. Именно столько времени понадобилось, чтобы добиться разделения Института социологии на две самостоятельные научные структуры: ИС и ИСПИ. Я в ту пору, понимая, что события происходят беспрецедентные, вела подробный дневник, записывая происходящее в Институте социологии АН СССР. Когда-нибудь я опубликую эти записи полностью, а пока приведу лишь отдельные фрагменты с некоторыми пояснениями.

13 сентября 1988 г. Объявлен конкурс на замещение должности директора ИС АН СССР. Г.В. Осипов, подавший документы, считался основным претендентом, которому предстояло пройти процедуру «демократического избрания». (Тогда уже начинался «разгул демократии», и директоров избирали всем коллективом). За неделю до окончания срока подачи заявлений, конкурс был отменен. Почему? Об этом мы узнали на срочно созванном общем собрании, на которое прибыл В.Н. Кудрявцев и представитель из ЦК КПСС. Представитель сказал, что «с целью подготовки к реорганизации и перестройке института» *вводится* должность «директор-организатор», на которую *назначается* В.А. Ядов. На вопрос о том, а как же конкурс, выборы, он ответил, что «им лучше видно, что нужно коллективу». Г.В. Осипов в это время находился в командировке в Польше, где и узнал новость.

Октябрь 1988 г. Привезен В.А. Ядов. Объявил, что он «директор-диктатор». Сразу же повесил на дверь кабинета табличку «Директор», ни о каком «организаторе» уже не упоминалось. Определенная часть сотрудников, возмущенная приходом Ядова, начала шумно выходить из прежних отделов и объединяться в новые группы.

Январь 1989 г. В. Ядов, несмотря на договоренность с Г. Осиповым о «совместном научном сосуществовании», о руководстве двумя научными программами (Ядову заниматься общеакадеми-

ческой, а Осипову — отделенческой), Ядов подает в Ученый совет заявку на обе: и на отделенческую программу тоже. Г.В. Осипов в свою очередь представляет свой вариант отделенческой программы. В ответ начинаются организованные попытки заблокировать осиповскую программу и тем самым вообще лишить его возможность заниматься научной работой.

1 марта 1989 г. Программу Г.В. Осипова утвердили на Отделении философии и права наряду с ядовской. Две параллельные программы. Начинается распределение людей по Программам. В нашу Программу вошли 170 человек. Массу сил пришлось потратить на юридическое оформление элементарных вещей: списки участников по проектам программы, подсчет финансов по каждому проекту. Все наталкивалось на жесткое сопротивление со стороны кадровиков и бухгалтерии ИС.

Пояснение. Я была тогда Ученым секретарем Программы Г.В. Осипова. Поэтому у меня сохранились все документы, письма, тексты. Программа называлась **«Социальное развитие советского общества в условиях перестройки: показатели и тенденции»**. В ней разрабатывались методология реформирования страны — без ее слома за «500 дней». Вопреки внедренному суждению «Иного не дано» (была такая популярная книга «прорабов перестройки»), рассматривались альтернативные варианты возможного развития страны в зависимости от меняющихся условий, варианты реформирования, а не разрушения. Были предложены конкретные показатели, которые служили инструментом контроля за происходящими изменениями, что позволило бы направлять события в желаемое русло...

22 июня 1990 г. Никак не можем выделиться с Программой из ИС в самостоятельную структуру. Ядов, узнав, что крупный Отдел В.Н. Иванова присоединяется целиком к Программе Г.В. Осипова, позвонил в КГБ и потребовал не допустить передачи Отдела.

Пояснение: Вот так мы прожили два с половиной года, напоминая супругов, принявших решение о разводе, и продолжающих жить в одной квартире. В основе противоречий — не личностный, а глубокий мировоззренческий раскол, противоположные взгляды на цели реформирования, на перспективы развития страны.

Эпопея развода завершилась только **26 марта 1991 г.**, что стало днем рождения нового Института социально-политических исследований Российской академии наук, в котором мы наконец-то получили возможность спокойно работать. Сколько за это время сделано, написано! Но этот обзор, я думаю, сделает уже кто-нибудь другой.

НАШ ЮБИЛЕЙ

Рогачев Сергей Владимирович, председатель редакционного совета журнала «Наука. Культура. Общество», доктор экономических наук

Юбилей — большое, значимое событие для коллектива. В дни юбилея хорошо вспомнить прошлое, вспомнить пройденный путь. А нам есть что вспомнить.

Само формирование Института было не обычно. Его основу составила группа ученых Института социологии во главе с будущим директором нового Института академиком Г.В. Осиповым, решившими создать новый научный коллектив.

Президент АН СССР М. Келдыш в свое время очень емко сформулировал задачи науки: решение крупных народно — хозяйственных задач на основе глубоких теоретических разработок. По-существу, наш институт воплощает в жизнь эту концепцию знаменитого ученого и организатора науки. Для этого достаточно посмотреть научные отчеты и другие труды Института. Кроме того, труды Института являются примером научной принципиальности и добросовестности.

Важная принципиальная черта исследовательской деятельности коллектива Института — это стремление к интеграции различных научных дисциплин, в. т. числе социологии и политологии. (Собственно к этому обязывает и само название института). В рамках Института проводятся защиты по политическим наукам. В исследованиях делаются выводы на базе интеграции социологии и политологии, что расширяет горизонты исследования.

Деятельность Института характеризует чрезвычайно высокая издательская активность, чему способствует и создание собственного издательского центра. Изданы весьма интересные коллективные и индивидуальные монографии, многие из которых являются уникальными. Институт имеет свой журнал, пока не «ваковский», но будет таким.

Хочу отметить еще одну важную черту в деятельности ИСПИ РАН — стремление руководства Института создать комфортную, благоприятную обстановку для работы в Институте.

За 25 лет коллективом ИСПИ РАН было сделано много. Проведены актуальные исследования. Изданы общественно значимые научные труды. Защищены докторские и кандидатские диссертации. Институт пользуется большим заслуженным авторитетом в Академии наук и органах власти. Мы вступаем в новый, далеко не простой, новый период своей деятельности с большим накоплен-

ным потенциалом. Важно не только сохранить его, но и значительно приумножить! Желаю всем нам новых творческих свершений. С юбилеем, коллеги!

С ЮБИЛЕЕМ

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН

С ИСПИ РАН судьба меня связала в 1998 году, когда я приехал для защиты кандидатской диссертации в диссертационный совет, которым руководил Л.Л. Рыбаковский. Я познакомился с людьми, фамилии которых были мне, как аспиранту, известны только из книг. Но моему удивлению не было предела, поскольку все знаменитые ученые в ИСПИ РАН оказались очень простыми и общительными людьми. С тех пор уже вся моя последующая жизнь и карьера была связана с ИСПИ РАН. Была очная докторантура. Работа в качестве заведующего отделом. Затем Леонид Леонидович передал мне руководство Центром социальной демографии. Хочу отметить очень важную черту Л.Л. Рыбаковского — умение поддерживать и давать дорогу молодым. И еще важный момент — это дух коллективизма, которым пронизана для меня работа в Центре социальной демографии и ИСПИ РАН. По сути своей, наш коллектив — маленькая семья, где тебя поддержат, помогут, посоветуют.

Также особенно хочется отметить роль академика Г.В. Осипова. Геннадий Васильевич задает всегда очень высокую планку во всем — в работе, научных исследованиях, эстетическом восприятии мира. И к этому хочется стремиться, соответствовать этой высокой планке. У ИСПИ РАН особый эстетический и академический дух. Сюда приятно приходить, здесь хочется работать. А иногда не хочется и уходить отсюда. Сюда меня тянет.

С момента начала моей работы в ИСПИ РАН многое сделано и прожито вместе с коллективом. Выпущены статьи, книги, проведены конференции, пройдены экспедиции и командировки, подготовлены аспиранты, сделаны проекты и гранты. Коллектив наш разрастается и обновляется, несмотря на все сокращения, идущие «сверху». Мои аспиранты уже стали сотрудниками, коллегами.

Хочется пожелать нашему коллективу и коллективу ИСПИ РАН еще многих лет жить и работать вместе как единый механизм, как одна семья.

Иванов В.Н.

«НАЧАЛО»

(ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ЛЮДИ И ГОДЫ. ЗАПИСКИ СОЦИОЛОГА»)¹

Иванов Вилен Николаевич, первый зам. директора ИСПИ РАН (1991–2005 гг.),
член-корр. РАН, д.ф.н., профессор

*Сколько печалей вокруг многоликих,
Сколько проблем, сколько горя и бед.
Можно ль увидеть какой-то просвет?
Можно! Осмыслив лишь опыт великий
Наших ошибок и наших побед.*

26 марта 1991 года решением Президиума АН СССР был создан Институт социально-политических исследований. Его первым директором был назначен Г.В. Осипов (ставший в этом же году академиком РАН). Я был назначен первым зам. директора по науке. Был сформирован, как показало время, вполне работоспособный Ученый Совет Института. В его первый состав вошли:

Алексеев Николай Илларионович	Матросов Владимир Мефодьевич
Андреев Эдуард Михайлович	Мерзликин Николай Васильевич
Андреенков Владимир Георгиевич	Москвичев Лев Николаевич
Андрееenkova Нина Владимировна	Орлова Ирина Борисовна
Богданов Игорь Яковлевич	Осипов Геннадий Васильевич
Бондаревский Григорий Львович	Рукавишников Владимир Олегович
Гречихин Владимир Григорьевич	Рыбаковский Леонид Леонидович
Дмитриев Анатолий Васильевич	Смолянский Владимир Григорьевич
Добреньков Владимир Иванович	Староверов Владимир Иванович
Дороговцев Михаил Федорович	Старостин Иван Федорович
Егоров Анатолий Григорьевич	Торшин Александр Порфирьевич
Иванов Вилен Николаевич	Тощенко Жан Терентьевич
Капто Александр Семенович	Хлопьев Александр Тарасович
Ковалева Татьяна Васильевна	Чупров Владимир Ильич
Коваленко Юрий Петрович	Яковлев Станислав Дмитриевич
Левашов Виктор Константинович	Яковлев Николай Николаевич
Липицкий Василий Семенович	Яновский Рудольф Григорьевич

¹ См.: Иванов В.Н. Люди и годы: записки социолога — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016 г. — 288 с.

Решение Президиума было вызвано рядом обстоятельств, о которых достаточно подробно написано в работах Г.В. Осипова. Одной из главных причин была гражданская позиция нового директора Института социологии РАН д. ф. н., В.А. Ядова, его слишком рьяное стремление «помогать Горбачеву». Об обстоятельствах создания нового института член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич писал: «В недрах ИС АН СССР обострилась давно назревшее противостояние ученых патриотической, государственнической ориентации сво главе Г.В. Осиповым и ученых радикально-демократическо ориентации. Последнюю после незаконной отмены конкурса возглавил назначенный директивными органами и. о. директора В.А. Ядов. Мои сложившиеся научные интересы и мировоззренческая ориентация полностью соответствовали направлению деятельности ИСПИ АН СССР (затем РАН)». Подобный подход был свойственен и многим другим сотрудникам Института социологии.¹

Наш «развод» в В.А. Ядовым был достаточно обоснован. Еще Конфуций предупреждал, что «люди идущие различными путями, не могут работать вместе»².

Расставание с Институтом, в котором я проработал без малого 17 лет, из которых пять с половиной директором Института было не простым. Это были годы напряженной творческой работы, годы исканий и хочется сказать, «побед», хотя это может быть и звучит слишком пафосно. Но победы и достижения бесспорно были. Многие в эти годы было сделано впервые и сделано в расчете на перспективу. Показательно и то, что директор Института в октябре 1984 г. был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, а в августе 1986 г. — орденом Дружбы народов.

В новый Институт, возглавляемый Г.В. Осиповым, в полном составе (за исключением двух докторов наук) перешел и коллектив бывшего закрытого отдела, отдел самого Геннадия Васильевича и некоторые другие подразделения Института социологии.

Институт был образован де-юре. Нужно было создать его де-факто. Началась сложная многосторонняя научно-организационная работа. Но в 1991 году мне пришлось ее прервать дважды. В первый раз в апреле месяце, в самом разгаре начатой работы. Дело в том, что 1991 год был объявлен ЮНЕСКО годом памяти Елены Петровны Блаватской. Как бы нынешняя читающая публика ни относилась к ее творчеству, принимала или не принимала его, но нельзя не признать, что это была очень одаренная, неординарная

¹ См.: Первые десять лет. М., 2001. С. 23–24.

² См.: Конфуций. Суждения и беседы. Санкт-Петербург, 2008. С. 160.

натура. Ее теософское учение и сегодня имеет немало приверженцев, а ее доктрина «корневых рас» вызывает споры и по сей день.

Неожиданно для меня я получил приглашение от Оргкомитета Международного форума «За духовное единение человечества (Дни памяти Е.П. Блаватской)» участвовать в его работе и, более того, возглавить одну из секций. Предложение показалось мне интересным, и я дал согласие. В апреле 1991 года этот форум состоялся в г. Сочи. Его непосредственными организаторами явились международный Центр нетрадиционной и народной медицины «Кавказ», Сочинский городской Совет народных депутатов, Сочинский научно-исследовательский центр АН СССР, Российское теософское общество, Философское общество СССР, Академия медицинских наук, религиозные организации.

Форум получился весьма представительным. На его открытии выступили депутаты Верховного Совета СССР Е.А. Гаер, Н.Н. Медведев, летчик-космонавт СССР В. Севастьянов, председатель правления Экофонда СССР Э.В. Гирусов, религиозные деятели, ученые-медики. Наибольший интерес вызвал доклад на тему: «Блаватская и Рерихи о назначении России». На форуме явно ощущалось, что представители традиционно-материалистического мировоззрения пребывают в некоторой растерянности, в то время как представители эзотерического знания чувствовали себя весьма вольготно. Участники форума приняли решение об образовании Всесоюзного теософского общества, об учреждении Международного координационного совета и Ассоциации «За духовное единение человечества». Лейтмотив многих докладов состоял в обосновании тезиса, что Вселенная есть живое, разумное существо, что духовная разобщенность людей — это аномалия, что необходимо единство людей с планетой, единство со Вселенной, иначе гибель будет неизбежной. Раздавались призывы перестроить мышление, отказаться от признания первичности материи, признать наличие высшего космического разума.

Мы с Ю.М. Бирюковым (старшим научным сотрудником института, кандидатом юридических наук) регулярно посещали все пленарные заседания, и нужно признаться, что нередко чувствовали себя «белыми воронами». Но постепенно втянулись, освоились и кое-что научились понимать. В процессе работы конференции было много интересных бесед с ее участниками, на которых затрагивались вопросы религии, происхождения Вселенной, влияние космоса на нашу повседневную жизнь.

Вспоминается один любопытный эпизод. На одном из заседаний нашей секции присутствовала представительница какой-то

окультиной науки. Когда я рассказывал о наших достижениях в изучении массового сознания, она вдруг спросила меня, учитываем ли мы в своей методике влияние космоса на сознание людей. Мне пришлось признать, что в нашей методике этот фактор не учитывается. Тогда последовало весьма энергичное утверждение, что такая методика несовершенна и получаемые на ее основе данные недостоверны.

После форума осталось ощущение «мировоззренческого плюрализма», каких-то иных подходов к реальности, нового соотношения веры и знания. Конечно, в чем-то серьезно убедить и что-то серьезно изменить в моем мировосприятии идеи форума не могли, но определенно интерес вызвали.

Во второй раз отвлечься от основной работы в Институте пришлось в октябре 1991 года. Мне и д.с.н. И.А. Сосуновой пришлось приглашение принять участие в научной конференции, посвященной 50-летию Швейцарской социологической ассоциации в Ньюшателе, где мне предстояло сделать доклад о состоянии социологической науки в нашей стране. Приглашение было нами принято. Благодаря инициативе Ирины Александровны мы изыскали необходимые средства и вылетели в Цюрих, где нас должны были встречать. Но, увы, никакой встречи не было, денег тоже, и мы оказались в аэропорту Цюриха, как говорили раньше, «без кола и двора». Но все обошлось. Во время полета И.А. Сосунова познакомилась со своей соседкой и всю дорогу с ней о чем-то оживленно беседовала. Оказалось, что ее собеседница летела в Цюрих к дочери в гости, а муж дочери работал в Торгпредстве. Он и встретил свою тещу на машине. А теща настолько прониклась симпатией к Ирине Александровне, что предложила нам проехать с ними до Цюриха и решить все наши проблемы. Мы так и сделали. В Цюрихе мы позвонили в Ньюшатель и узнали, что нас ждут завтра прямо в Ньюшателе, а не в Цюрихе. Наши гостеприимные хозяева купили нам билеты на поезд, и мы отправились в Ньюшатель, где нас встретили на вокзале. Дальше все обошлось без приключений. Через корреспондента местной газеты мы отправили в Цюрих деньги за билет и наши традиционные московские сувениры. Корреспондент была изумлена поступком наших земляков, потративших свои деньги на незнакомых людей, уверяя нас, что швейцарцы бы так не поступили. У нас не было оснований ей не верить.

Доклады наши на конференции вызвали большой интерес, мы тоже узнали для себя много полезного, особенно по вопросам федеративного устройства страны.

Следует отметить, что Ирина Александровна Сосунова относится к той категории людей, на которых можно положиться в любом серьезном деле. Во вновь созданном Институте она работала вначале как старший научный сотрудник, затем как зам. руководителя Центра социологии национальных и региональных отношений, затем как зав. отделом социальной экологии регионов. Как исследователь, она отличалась высокой профессиональной компетентностью и добросовестностью. Принимала непосредственное участие в пионерских работах по социологическому изучению проблем конверсии оборонного комплекса, в разработке концепции информационной безопасности России, в разработке Федерального закона «Об участии в Международном информационном обмене». Активно выступала в средствах массовой информации.

Наиболее значимых научных результатов она добилась в области социальной экологии. Во многом, благодаря ее работам, заметно изменился в лучшую сторону подход к социально-экологическим проблемам органов государственного управления. Ей было доверено руководство плановыми научно-исследовательскими проектами в рамках различных государственных Федеральных программ (в частности, «Экология России», «Экологическая безопасность России», «Институализация социально-экологических интересов различных слоев и групп российского и белорусского общества на стадии трансформации», «Теоретико-методологические и методические основы социальной экологии как сферы социологического знания»). Важным результатом проведенных исследований явилась, в частности, одобренная Коллегией Минприроды России, Концепция социально-экологического мониторинга — используемые до настоящего времени оригинальные методики изучения общественного мнения по вопросам социально-экологической безопасности и т. д.

Разработанные в руководимом ею отделе идеи получили также отражение в научных монографиях и учебных пособиях. В частности, были опубликованы монографии: «Российская космонавтика: социальная отдача и социально-экологические проблемы в зеркале общественного времени» (2004), «Методология и методика общественного участия в подготовке и принятии экологически-значимых решений» (2006), «Методология и методы современной социальной экологии» (2010), «Экология предметного мира: концептуальные основы и социальная практика» (2014).

И.А. Сосунова принимала активное участие в проведении всероссийских и международных социологических конгрессов и конференций, являясь членом Международной социологиче-

ской ассоциации и Европейской социологической ассоциации. В 2012 году она была избрана вице-президентом Российского общества социологов.

Начало 1992 года было особо значимым в жизни вновь созданного Института.

Прошло менее года со времени нашего создания, как доклад директора Института был поставлен на Президиуме РАН. Доклад академика РАН Г.В. Осипова был построен на результатах широкомасштабных мониторинговых исследований, проведенных Институтом по представительной выборке. Он отличался доказательностью и эмпирической обоснованностью выводов, главный из которых состоял в том, что проводимый курс реформ — бесперспективен, что нужны радикальные изменения, иначе страну ожидают катастрофические потрясения.¹

На заседание Президиума (кроме Президента и членов Президиума) были приглашены и социологи из Института социологии, в том числе и директор института профессор В.А. Ядов. Последний всем своим видом, репликами и вопросами демонстрировал своё неприятие доклада и несогласие с докладчиком. Оценки выступавших разделились. Но в целом доклад был оценён как смелый и объективный.

Первый коллективный труд Института социально-политических исследований РАН под названием «Реформы: мифы и реальность» вышел в свет в 1993 году и положил начало серии трудов, составивших некую научную целостность, получившую в последующем название «Летопись реформ».

Конец 80-х — начало 90-х годов характеризовался активизацией националистических проявлений в стране, что не могло не вызвать беспокойства во властных структурах и в научной среде.

Характерно в этой связи выступление на Пятой сессии Верховного Совета СССР по проблемам преодоления межнациональных конфликтов заместителя Председателя Комитета Верховного Совета СССР по науке С.М. Рябченко, отметившего, в частности, что

¹ Три года спустя в новом выступлении на Президиуме РАН Г.В. Осипов в частности отметил: «Сегодня, три года спустя, можно констатировать, что социальная катастрофа произошла, и сейчас страна живет в условиях ее трагических последствий. Об этом свидетельствуют показатели социально-экономической безопасности, устойчивости развития общества, динамики уровня и качества жизни населения. Три года назад в докладе выделялись два возможных пути развития России.

Первый — «повторение старых этапов генезиса капитализма, начиная с эпохи первоначального накопления, сопровождающегося многочисленными тяготами и бедствиями для широких масс населения»

И второй — «максимальное использование всего того, что было достигнуто в прошлом (включая советский период) в области материального и духовного производства, — предполагающий сочетание рыночных отношений и планового хозяйства. Несмотря на предостережения ряда ученых, реформы пошли по первому пути». (см. подробнее: Академик Г.В. Осипов — патриарх социологии. Москва; 2009 г., С. 310)

Последнее привело к тому, что трансформация российского общества приобрела антагонистический характер со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«практика последних лет показывает: межнациональная рознь в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии и в других регионах нашей страны не получает достойного отпора... Считаю, что нам мало заслушать здесь перечень тех или иных событий, разбираться, кто и что конкретно сделал сегодня либо вчера. Нам необходимо заслушать вопрос о подходах и методах решения национальных конфликтов, констатируя то, что используемые в нашей стране до сих пор как на союзном, так и на республиканских уровнях методы решения конфликтов оказались неплодотворными. Мне кажется, что если мы не разработаем концептуального подхода в решении подобных конфликтов, то они будут множиться».¹

На сессии было поручено Совету национальностей приступить к разработке общей концепции механизма преодоления межнациональных конфликтов.

По просьбе председателя Совета национальностей Р.Г. Абдулатипова и председателя Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Г.С. Таразевича руководимый мною Центр изучения социально-политических процессов Института социологии подключился к этой работе. Ее первые результаты я доложил на заседании Комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР по национальной политике и межнациональным отношениям.

Мой доклад был оценен как фрагменты будущей концепции механизма преодоления межнациональных конфликтов. В этом же ключе выступил д.ю.н., профессор В.П. Казимирчук (Институт государства и права АН СССР).

После наших докладов состоялся обмен мнениями, в котором приняли участие член-корр. АН СССР А.В. Брушлинский, д.и.н. Л.М. Дробижина, д.ф.н. М.В. Иордан, д.ю.н. Ю.А. Тихомиров, д.и.н. В.А. Тишков и другие. Подводя итог заседания, председатель Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Г.С. Таразевич отметил полезность этой встречи и необходимость продолжить работу в этом направлении и опубликовать материалы данного обсуждения (что и было сделано довольно быстро).

Проделанная в этом ключе работа явилась, по существу, своеобразным стартом. Полученные нами в ходе исследований данные сослужили хорошую службу в последующем, в частности в подготовке Всесоюзной научно-практической конференции и совещания, оформившего создание общественно-политического движе-

¹ См.: Бюлл. №1 Совм. заседания Совета Союза и Совета национальностей. 18.02.91, С. 3.

ния «Сотворчество народов во имя жизни» (Сенежского форума) и в последующем в работе над концепцией государственной национальной политики.

Вот как пишет об этом один из создателей этого движения к. филос. н. А.П. Котов: «Осень 1991 года. По инициативе Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации и лично его председателя Рамазана Абдулатипова в подмосковном пансионате «Сенеж» прошло совещание представителей национальных общин и религиозных конфессий, а также администраций республик, краев, областей и районов России. В «Сенеже» собрались около трехсот человек. При этом была представлена практически вся Россия: примерно 90 национальностей Российской Федерации. Были там и представители других тогдашних республик Советского Союза.

На это совещание были приглашены Председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Хасбулатов и Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Рафик Нишанов.

Как раз в то время в Завидове шло обсуждение проблемы Союзного договора и на Сенежском совещании много говорили на эту тему.

Сам факт созыва этого совещания был очень значимым, и все присутствующие это понимали. Поэтому по инициативе некоторых участников конференции было принято решение создать некую организацию. Это не было заранее заготовленным решением, у предполагаемой структуры даже названия не было. Это был как бы экспромт — вполне в стиле Рамазана Абдулатипова. Именно он высказал такую идею в своём выступлении. Он предложил создать общероссийское движение, целью которого было бы способствовать национальному возрождению, «национальному сотворчеству» народов России. Поэтому и было предложено назвать эту организацию «Сотворчество народов во имя жизни».

Однако «Сотворчество народов во имя жизни» — это слишком длинное название. Кому-то пришла в голову идея назвать организацию просто — «Сенежский форум». Проголосовали. При этом ни на кого не накладывалось никаких обязательств, никаких постов не распределялось. Финансы тоже не делили, потому как их попросту не было. Может быть, поэтому все голосовали единодушно: создать всероссийское движение «Сотворчество народов во имя жизни» (Сенежский форум)».¹

¹ НАШ ДОМ. Информационный листок. 2001. № 1.

Я был избран заместителем Председателя Координационного совета движения и в течение ряда лет работал в этом качестве.

Подготовленное на основе наших исследований и с учетом мнения участников конференции, было принято «Обращение к гражданам России». Оно отражало сложную социально-политическую ситуацию в стране и нашу общую озабоченность. Многие из того, о чем было сказано в нем, не утратило своей актуальности сегодня. Привожу его текст полностью:

ГРАЖДАНЕ РОССИИ!
УВАЖАЕМЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Мы, участники движения «Сотворчество народов во имя жизни» (Сенежский форум), обеспокоенные сложившейся в стране обстановкой, чреватой угрозой для существования Российского государства, обращаемся к вам с призывом сплотиться и предпринять конкретные шаги по сохранению единства и целостности.

Созданное многими поколениями россиян, не пожалевших своего труда и жизни во имя могущества Родины, российское государство оказалось перед реальной угрозой расчленения на отдельные части, обособленные полуфеодалные государства, нежизнеспособные и незащищенные. Абсолютизация принципа национального самоопределения вплоть до отделения, противопоставление интересов различных наций и регионов, усиление местничества, сепаратизма и национализма — представляет сегодня главную опасность единству и целостности нашего государства.

Всё это усугубляется переживаемыми страной экономическими трудностями, спадом производства, снижением жизненного уровня основной массы населения, обнищанием одних и неоправданным обогащением других, социальным расслоением общества, появлением слоя людей, ориентированных только на личное богатство и малозаботящихся о стране в целом.

Россиянам всегда были свойственны патриотизм, коллективизм, взаимопомощь, уважительное отношение ко всем народам, к их образу жизни и культуре. Сейчас эти лучшие качества подвергаются серьезным испытаниям.

Нельзя закрывать глаза на то, что в мире и сегодня есть силы незаинтересованные в мощном российском государстве, видящие в нем опасного конкурента не только экономического, но мировоззренческого.

К сожалению, такие силы есть и в нашей стране. Наш призыв к сплочению и межнациональной консолидации — это не призыв к поиску врагов «внешних и внутренних», это не очередной призыв

к «повышению бдительности», — это выражение озабоченности и тревоги о нашем настоящем и будущем, о сохранении всего того, что нам досталось в наследство от наших отцов, дедов и прадедов.

Сегодня есть возможность не допустить на территории России трагической судьбы Союза ССР. Эту возможность нельзя упустить. Пассивность и попустительство национал-экстремистам и национал-популистам чреваты тяжелыми, гибельными для России последствиями. Мы знаем, что против выхода из состава России республик выступает абсолютное большинство россиян во всех её городах и селах. Это внушает надежду на то, что общими усилиями нам удастся избежать распада и смуты, провести реформирование народного хозяйства, создать эффективную социально-ориентированную экономику и укрепить гражданское и национальное согласие в стране.

Не допустим, чтобы рвущиеся к власти, не считающиеся с коренными интересами российских народов люди развалили великую державу, поставили её в зависимое от других государств положение, превратили её в колонию, в поставщика дешевой рабочей силы и сырья для развитых стран.

Или мы будем едины и активны в своем стремлении сохранить великое многонациональное сильное российское государство, или мы смиримся с готовящейся для нас участью и покорно последует за теми, кому не дорога Россия и её будущее.

Осознаем же свою ответственность перед ныне живущими и будущими поколениями россиян и развернем широкое, охватывающее все социальные и национальные группы движения за сохранение единого, целостного Российского государства, за укрепление его экономического, оборонного и культурного могущества.»

В статье для журнала «Актуальная политика» я писал: «...С уверенностью можно сказать, что найдена удачная форма объединения усилий учёных, политических деятелей, народных депутатов, представителей общественности в решении проблем гармонизации межнациональных отношений».¹ В статье содержался также вывод о том, что ситуация многофакторной неустойчивости, в которой оказалась страна, обусловлена прежде всего проводимой «верхами» политикой.

Переход к рыночным (капиталистическим) отношениям в начале 90-х годов начался в условиях дезинтеграции массового сознания, свидетельствующей о социально-психологической неготовности абсолютного большинства населения к такого рода

¹ См.: Иванов В. Н. Сенежский форум. Актуальная политика. 1993. №2–6. С. 58.

переходу. Эту неготовность подтверждали в частности результаты социологического исследования, проведенного сотрудниками Института социально-политических исследований РАН в апреле-мае 1991 года.¹ Было опрошено 716 рабочих и специалистов на трех государственных предприятиях: шадринском автоагрегатном заводе, тамбовском заводе «Электроприбор» и московском НПО «Торий». Опрашиваемым был задан вопрос: «По какому пути должна развиваться наша страна в ближайшей перспективе?»

В зависимости от типа политической ориентации все опрошенные разделились не четыре группы, каждую из которых характеризуют определенные социальные качества.

Наибольшее число респондентов из предложенного набора ответов выбрали — «по пути развитых капиталистических стран Запада к обществу свободного предпринимательства» (30,5% опрошенных, в том числе 29,1% рабочих и 32% специалистов). Среди них больше, чем среди всех опрошенных, мужчин, молодежи, высококвалифицированных рабочих, рядовых специалистов, а также людей, стремящихся организовать собственное дело, жителей крупного и среднего городов. Эти лица поддерживают введение частной собственности без ограничения масштаба и сферы ее распространения. Как правило, их не пугают перспектива социального расслоения общества и безработица. Их общую позицию довольно точно сформулировал один из респондентов, написавший в анкете: «Старая система доказала свою полную неэффективность и неспособность к обновлению. Давайте попробуем жить по законам, обеспечивающим во многих странах более высокий уровень жизни. Вперед, к победе капитализма!»

Из многочисленных бесед с респондентами и в процессе анализа их ответов на открытые вопросы анкеты сложилось впечатление, что представители рассматриваемой категории — это, как правило, люди, делающие ставку на свою энергию, знания, предприимчивость, инициативу. Они готовы к борьбе за жизненный успех и в новых социально-экономических условиях рассчитывают не проиграть. Эти люди поддерживают радикальную экономическую реформу, выступают за новые отношения собственности, за быстрое обновление всей нашей жизни. Их выбор сформировался в условиях кризиса административно-командной экономики и ортодоксальной идеологии, отказа от многих экономических и политических догм в процессе переосмысления прошлого и настоящего страны, расширения представления о Западе, а также под влиянием

¹ См. Ю. Ф. Босенко. На пороге рынка // Социс. 1992, №1, С. 70–74.

янием законодательных инициатив, ориентирующих на переход к экономике рыночного типа.

Вторая по численности группа опрошенных высказалась за развитие «по пути обновленного, гуманного, демократического социализма на основе многообразия форм собственности» (17,7%, в том числе 18,1% рабочих и 17,3% специалистов). Среди них выше удельный вес людей старших возрастных групп, низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих и руководителей производства среднего и высокого рангов. Все они испытывают сомнения в сохранении и тем более повышении своего социально-экономического статуса в условиях формирования рынка труда и возможной безработицы. Многие из них уже сейчас ощущают себя людьми бедными и требуют сохранения гарантий в оплате труда, равного для всех социального обеспечения (жилье, путевки, образование, медобслуживание), надежной социальной защиты. В их сердцах чаще находит отклик пропаганда социалистических ценностей, больше сторонников коммунистической идеологии.

Третья группа респондентов предпочитает развитие «по пути смешанной экономики, на котором в основном действуют два сектора — социалистический и капиталистический» (17,3%, в том числе 12,7% рабочих и 22,4% специалистов). Это направление чаще привлекает работающих в крупных городах квалифицированных специалистов старше 40 лет. Смешанная экономика представляется им наиболее реалистическим вариантом постепенного преобразования нашего общества, позволяющим избежать резкого падения жизненного уровня значительной части населения и социального взрыва. Допуская существование капиталистического сектора экономики, представители этой группы по своим политическим ориентациям близки к первой группе. Однако с практической точки зрения этот вариант малоэффективен, поскольку для успеха экономической реформы, по мнению многих советских и западных экономистов, необходимо вводить все элементы рыночной экономики комплексно и одновременно.

Четвертая группа работников высказывалась за «особый исторический путь развития, отличный от пути других стран» (11%, в том числе 10,2% рабочих и 11,8% специалистов). В этой группе выше среднего удельный вес женщин и специалистов малого города. По своему содержанию это скорее не социально-экономический выбор, а эмоционально-патриотическая позиция, политически более близкая к варианту обновленного социализма.

Остальные респонденты согласились с тем, что «в условиях глубокого кризиса страны невозможно определить пути ее дальней-

шего развития» (15,2%) или затруднились ответить (8,3%). Один из них в ходе опроса заметил: «Как выбирать? Социализм — это горько, капитализм — страшно». Это свидетельствует о сохранении в некоторых слоях общества негативных идеологизированных в массовом сознании стереотипов альтернативных моделей развития. В этой группе в два раза больше, чем в среднем по массиву, доля женщин.

В целом анализ полученных результатов исследований позволил сделать вывод, что трудовой народ на пороге рынка не является собой гомогенную общность, а составляющие его социальные группы готовы к переменам неодинаково, возможности их адаптации в новой экономической среде весьма различны. Они определяются социально-экономическим статусом группы, личности, комплексом их половозрастных, профессионально-квалификационных и социально-психологических характеристик, состоянием здоровья. Значительный слой трудоспособных людей объективно — по своим социальным характеристикам, и субъективно — психологически, к рынку не готов и нуждается в социальной защите общества». Однако необходимая в этих условиях защита не состоялась. Состоялась «шоковая терапия».

Левашов В.К.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО (Социально-политическая ситуация в российском обществе)

TWENTY-FIVE YEARS OF NEOLIBERAL REFORMS
AND RUSSIAN SOCIETY

The socio-political situation in the Russian society

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, Москва, Россия, analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

Levashov Victor K., Doctor of Social Sciences, Head of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), e-mail: analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы проведения либеральных реформ в России и особенности экономических кризисов на протяжении последних двадцати пяти лет. Автор высказывает точку зрения на сущность, природу и социальную эффективность проводимых преобразований. Обосновывается вывод о пределах резервов и возможностей выбранной либеральной модели развития экономики. Приводятся данные проводимого под руководством автора социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» об отношении граждан к внутренней политике российского государства и актуальным приоритетам внешней политики. Исследуется потенциал гражданского общества в России.

Abstract. The article deals with the problem of liberal reforms in Russia, in particular, describes the features of the economic crisis over the past twenty-five years. The author expresses the view of the essence, the nature and effectiveness of the social transformations. The conclusion of the limitations and possibilities of the chosen liberal model of economic development is justified. The data from the sociological monitoring «How are you, Russia?» on the attitudes of citizens to the internal politics of the Russian state and the current priorities in the foreign policy are added. Finally, the recommendations to the attention of state authorities are formulated. The potential of civil society in Russia is examined.

Ключевые слова: устойчивое развитие общества; гражданское общество; социальные риски; либеральные реформы; экономические кризисы; социологический мониторинг; потенциал гражданского общества.

Key words: sustainable development; civil society; social risks; liberal reforms; economic crises; sociological monitoring; the potential of civil society.

Дисфункция либеральной модели развития

Двадцать пять лет реформ прошли в череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых являлся результатом не только экономической конъюнктуры, но и результатом системных просчётов и неадекватной экономической политики. Российское общество и государство продолжают испытывать доминирующее воздействие политической идеологии и экономических практик англо-американского либерализма.

В основе политической идеологии англо-американского либерализма, которая уходит своими корнями во времена Войны за независимость США и еще глубже, во времена эпохи Возрождения лежит принцип свободной конкуренции. Политические практики в разных странах создали множество различных гибридных форм либерализма в зависимости от особенности композиции и конкретной реализации социально-политических отношений. Согласно современным взглядам, либерализм в теории и практике выступает против личного и политического абсолютизма во всех формах его проявления: монархической, феодальной, военной, клерикальной или коллективной¹.

Однако в условиях нерегулируемой стихийной конкуренции постсоветской глобальной политической реальности реализация принципов политического и экономического либерализма приводит к росту материальных и духовных диспаритетов и дефицитов, противоречий между человеком, обществом и природой и, в конечном итоге, к неустойчивому развитию. Вот почему, по мнению современных исследователей: «...Главным нервом либерализма является определенная концепция равенства...»². В современном обществе, где «...либерал, выбрав экономический рынок и политическую демократию по исключительно эгалитарным соображениям, обнаруживает, что эти институты порождают неэгалитарные последствия, если не дополнить его схему разного рода индивидуальными правами». Статистика убедительно показывает растущее

¹ Dictionary of Sociology. Edited by Gordon Marshall. Oxford University press. P. 366.

² Дворкин Рональд. Либерализм. <http://kant.narod.ru/dworkin.htm>.

социальное неравенство в глобальном, локальном, страновом, социально-классовом измерении. Растут материальные и духовные диспропорции и диспаритеты в нашем обществе.

В своей североамериканской традиции либерализм был взят в качестве модели развития для России командой российских «либеральных демократов» в начале 90-х годов прошлого столетия. «Победителям» СССР и М.С. Горбачева экономика США на тот момент представлялась наиболее адекватной моделью, демонстрирующей глобальную мощь и успешность развития. Откровенные мемуарные воспоминания членов гайдаровской команды делают неизбежным вывод о том что господствующий сегодня в государстве и обществе номенклатурно-олигархический капитализм стал результатом отнюдь не выверенного научного экономического расчета, а случаем спорадического мышления, невежества и политического цинизма¹. **Сегодня российские граждане живут в обществе, которое никто не планировал, о котором никто не мечтал, которое стало результатом не освобождения, а выживания для большинства из них.**

Для нашей страны и ее граждан социально-политическая и социально-экономическая ситуация усугубляется тем, что выбранная для развития модель либерального капитализма изначально была неадекватна для столь мультикультурной, географически обширной и климатически многообразной страны, объективно требующей вертикального политического участия государства в отстройке и поддержания надежной социальной и технологической инфраструктуры. **В условиях конкурирующих глобальных рынков и ТНК, растущих глобальных диспаритетов и дефицитов материальных и духовных ресурсов конкуренция как системный принцип развития либерального капитализма исчерпала ресурс своего развития, начинает давать сбой и объективно начинает трансформироваться в переходные формы кооперации.**

Современное системное обострение началось в 2007 году на ипотечном рынке США, и затем распространилось на многие секторы мировой экономики. Его особенность заключается в том, что он является первым системным кризисом либерализма после развала мировой социалистической системы. Все мировое хозяйство после 1991 года развивалось, испытывая влияние либеральных идей и практик глобального финансового капитала. Его отличительной особенностью стало минимизация национальных финансовых регуляторов и замещение их не институтами надна-

¹ См. подробнее Авен Петр, Кох Альфред. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. — М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 79–112.

ционального регулирования, а глобальными рынками, в том числе финансовыми, которые якобы функционируют на основе рационального выбора и эффективности. Абсолютизация принципов и практики конкуренции с одной стороны привела к формированию глобальной транснациональной либеральной экономики с явным доминированием стратегий и технологий финансового капитала над производственным, а с другой — к дезинтеграции мировой хозяйственной системы, образованию катастрофического разрыва между реальной стоимостью активов и их спекулятивной стоимостью на мировых финансовых рынках.

Вопреки теориям о «рациональном выборе», «невидимой руке рынка», после развала СССР мировая экономика в основных своих частях превратилась в глобальную спекулятивную финансовую конгломерацию, которая обладает крайней степенью неустойчивости, высокой вероятностью различного рода рисков в отсутствии общих правил поведения на глобальных финансовых рынках.

В настоящее время происходит поиск новых моделей развития, которые бы соответствовали времени глобальных вызовов. Два важных обстоятельства определяют этот процесс. Во-первых, глобальный характер производства и рынков определил конечные границы и масштабы возможных моделей жизнедеятельности. Они уже не могут быть запущены на условиях безграничных ресурсов, вовлекаемых в производство. Такое ресурсное ограничение определяет второе важное обстоятельство. Будущая модель развития не может в своей конструкции и режимах работы копировать модель либеральной экономики США.

Свобода действий американской модели развития обеспечивается несвободой остального мира, т.к. долларовое господство США ставит эту страну в заранее привилегированное положение. Будущая сбалансированная по диспаритетам и дефицитам глобальная модель и режим устойчивого развития будут выстраиваться не только на принципах конкуренции, а кооперации и согласия. Механизмы конкуренции переводятся в режим управляемого регулирования производства и потребления. Конкуренция перерастает в кооперацию в её многообразных формах, которая не может вырастать без отношений доверия как императивного правила новой этики социально-культурного взаимодействия стран, наций, поколений, бизнесов, всего гражданского общества и правового государства.

Доверие как стержневое качество новой этики создает условия для ее системной цельности, в основе которой просматриваются характерные черты русских и российских духовных и производ-

ственных практик — справедливость, коллективизм, религиозная толерантность и патриотизм. В этом отношении российские традиции жизнедеятельности органично корреспондируются с глобальными вызовами, которые в своей остроте и рисках проявления требуют объединения и координации усилий всей мировой цивилизации. В поиске новых форм глобальной солидарности обратимся к последним данным эмпирических исследований рисков устойчивого развития российского общества и государств.

Тревоги общества

Создавая новую российскую политическую мифологию, либерал-реформаторы не перестают повторять об успехах либеральных реформ. Напротив, научное сообщество по-прежнему считает, что общество и государство испытывают системный институциональный кризис. За прошедшие двадцать пять лет противостояние власти и общества по этому и многим другим вопросам приняло хронический характер. «Верхи» и «низы» по-разному оценивают свое экономическое, социальное и политическое положение.

Современная социально-политическая ситуация в российском обществе во многом определяется действием политических, экономических и социальных факторов, которые проявились в предшествующие периоды. Состояние и динамика настроений российского гражданского общества тесно связаны с внешней и внутренней политикой государства, складывающейся под влиянием мировой рыночной конъюнктуры, международных противоречий и санкций, введенных странами Запада.

Результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» показывают, что уровень тревожности массового сознания граждан по поводу своего экономического положения оставался на довольно высоком уровне и практически не поменял своего характера за прошедшие двадцать пять лет. Основной социально-экономической тревогой российского гражданского общества по-прежнему остается дороговизна жизни¹.

¹ В тексте приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия», проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д.соц.н. В.К. Левашов. Исследовательский коллектив: к.соц.н. И.С. Шушпанова, с.н.с. В.А. Афанасьев, с.н.с. О.П. Новоженина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2015 г. проведены при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

К началу 2016 г. доминирующими тревогами массового сознания являлись дороговизна жизни (58%), повышение цен на продукты питания (34%), произвол чиновников (33%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (31%). Далее структура тревожности сложилась следующим образом: безработица (28%), безопасность близких (26%), разделение общества на богатых и бедных (24%), терроризм (23%), экологическая обстановка (22%), падение нравов, культуры (19%), преступность (19%), страх перед будущим (19%), обострение межнациональных отношений (14%), высокая инфляция (14%), наркомания (13%), алкоголизм (13%), ухудшение положения пенсионеров в обществе (13%), закрытие, простой предприятий (13%), экономические санкции против России (10%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (8%), ухудшение отношений с США и Европой (8%), мировой экономический кризис (8%).

Наименьшие значения за все годы проведения мониторинга зафиксированы у следующих показателей: падение нравов, культуры, наркомания, алкоголизм, ухудшение отношений с США и Европой. Максимально высокого значения достиг показатель тревожности «страх перед будущим».

Анализируя динамику тревожности массового сознания за полтора года действий экономических и политических санкций, отметим, что число россиян, обеспокоенных дороговизной жизни, возросло с 45% в июне 2014 г. до 58% в декабре 2015 г. (рост 13 п.п.). Значение данного показателя достигло уровня 2008 г., начала мирового экономического кризиса. Отметим также за данный период рост числа россиян, которых волновала проблема повышения цен на продукты питания (рост 7 п.п.). По данным мониторинга, за полтора года на 8 п.п. возросло количество граждан, которых тревожила проблема безработицы. За тот же период на 4 п.п. возросло количество россиян, обеспокоенных высокой инфляцией. Отметим, что стабилизация значений тревожности по данному показателю в диапазоне 10–12%, наблюдавшаяся с конца 2011 г., сменилась ростом его значения.

В то же время стало заметным снижение тревог граждан по поводу повышения тарифов на услуги ЖКХ. В иерархии тревожности этот показатель переместился со второго на четвертое место. В декабре 2015 г. число россиян, обеспокоенных повышением тарифов на услуги ЖКХ, по сравнению с данными исследования, проведенного в июне 2014 г., снизилось на 7 п.п., а за год — на 4 п.п. На фоне обострения экономического кризиса на второй план постепенно уходят проблемы преступности, наркомании и алкоголизма. По сравнению с результатами мониторинга, проведенного

в июне 2014 г., отмечалось снижение уровня тревог по проблемам преступности (с 24% до 19%), алкоголизма (с 21% до 13%) и наркомании (с 19% до 13%).

Наряду с экономическим положением, российское гражданское общество тревожит высокий уровень противоречий и неприязни между гражданами. Социологическое измерение мнений по альтернативе «противоречия и неприязнь значительны в современном российском обществе» показало следующую картину распределения мнений. **За десять лет измерений заметно снизились противоречия и неприязнь между народом и властью (с 62 до 43%), но ухудшились отношения между верующими и неверующими (с 13 до 21%) и верующими различных конфессий (с 25 до 34%).** В декабре 2015 г. граждане в подавляющем своем большинстве считали, что в российском обществе значительны противоречия и неприязнь между бедными и богатыми (74%) и между низшими и высшими классами (70%). Далее по нисходящей следуют значения индикаторов противоречий и неприязни между: «работодателями и работниками» (46%), «народом и властью» (43%), «людьми различных национальностей» (41%) и «начальниками и подчиненными» (40%). Российские граждане отметили, что сегодня противоречия и неприязнь значительны между верующими различных религий (34%), предпринимателями и чиновниками (28%), младшим и старшим поколениями (26%). На последнем месте — противоречия между верующими и неверующими (21%).

За 3 года экономических потрясений значения индикаторов противоречий между бедными и богатыми, а также между низшими и высшими классами возросли на 6 п.п. каждый. Однако отметим, что по сравнению с декабрем 2014 г. наблюдалось снижение значений индикаторов противоречий между «людьми различных национальностей» (11 п.п.), «верующими различных религий» (7 п.п.), «младшим и старшим поколениями» (9 п.п.), «верующими и неверующими» (6 п.п.), «народом и властью» (5 п.п.), **За годы мониторинга наименьших значений достигли индикаторы противоречий между «народом и властью», «людьми различных национальностей», «предпринимателями и чиновниками» и «младшим и старшим поколениями».**

По мнению респондентов, противоречия в декабре 2015 г. были незначительны между младшим и старшим поколениями (61%), верующими и неверующими (57%), начальниками и подчиненными (40%), народом и властью (39%), предпринимателями и чиновниками (37%), верующими различных религий (36%), работодателями и работниками (34%), людьми различных националь-

ностей (32%), бедными и богатыми (15%) и низшими и высшими классами (13%).

Как отмечалось выше, основными тревогами россиян являлись опасения, связанные с экономическим положением. **За двадцать лет измерений динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ претерпела существенные положительные изменения. Количество граждан отрицательно относящихся к курсу реформ сократилось с 51 до 29%, а положительно оценивающих реформы увеличилось с 11 до 28%.** В декабре 2015 г. положительно относились к курсу проводимых экономических реформ 28% респондентов, отрицательно — 29%, безразлично — 17% и 26% затруднились ответить. Таким образом, реформы оставались вне интересов и внимания 43% граждан, которые потеряли интерес к экономической политике государства, не воспринимают или не понимают ее итоговых результатов.

В июне 2014 г. число россиян, положительно относящихся к курсу проводимых экономических реформ, выросло на 7 п.п. по сравнению с предыдущими замерами, и составило 36%. Затем в течение года величина этого показателя уменьшилась на 4 п.п. За тот же период число граждан с отрицательным отношением к курсу экономических реформ соответственно возросло на 5 п.п. Данная тенденция продолжилась до конца 2015 г. За полтора года число граждан, положительно относящихся к курсу экономических реформ, проводимых руководством страны, снизилось на 8 п.п. с 36 до 28%, а количество россиян с негативным отношением возросло на 9 п.п. с 20 до 29%. Таким образом, количество «оптимистов» и «пессимистов» в обществе сравнялось, а четверть россиян затруднились выразить свое отношение к курсу проводимых экономических реформ.

Распределение мнений респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения, подтверждает наметившуюся в последнее время тенденцию увеличения критического отношения граждан к результатам экономической политики. По данным мониторинга 21% граждан считали, что реформы отвечают интересам большинства населения, 45% имели противоположное мнение и 34% затруднились ответить на вопрос. По сравнению с июнем 2014 г. произошло снижение на 6 п.п. числа граждан, которые считают, что экономические преобразования отвечают интересам большинства населения. На 4 п.п. выросло количество граждан, затруднившихся ответить на вопрос: «Отвечают или нет проводимые экономические

преобразования интересам большинства населения нашей страны?» **В тоже время необходимо отметить, что наблюдения за двадцать три года показывают сохранение позитивной тенденции: число считающих, что экономические преобразования отвечают интересам большинства населения страны увеличилось с 11 до 21%, имеющих противоположное мнение — уменьшилось с 66 до 45%.**

Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым, хотя за двадцать три года проведения реформ произошли значительные изменения в лучшую сторону. С 16 до 4% уменьшилось число граждан, которые по самооценке, живут в условиях нищеты и бедности, с 3 до 15% возросло количество «обеспеченных» — тех, кто может позволить купить себе большинство товаров длительного пользования. Число «ограниченных в средствах» граждан, у которых денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды возросло с 34 до 56%. С 46 до 23% снизилось количество «бедных» — тех, кому денег хватает только для приобретения необходимых продуктов и одежды. Число «богатых», имеющих возможность купить всё возросло с 1 до 3%.

В декабре 2015 г. граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом: 27% респондентов, по самооценке, живут в условиях нищеты и бедности, не доедая (4%) или еле-еле сводя концы с концами, денег им хватает только на приобретение продуктов питания (23%). У 56% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 14% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 3% не отказывают себе ни в чем.

Отметим, что по сравнению с данными исследования июня 2014 г., число «ограниченных в средствах» россиян снизилось на 4 п.п. При этом число «бедных» граждан возросло на 6 п.п. С конца 2013 г. наблюдалась тенденция снижения числа «обеспеченных» граждан с 19% до 14%. В то же время количество «ограниченных в средствах» медленно снижалось. Данные мониторинга показывают, что группа «ограниченных в средствах» граждан растет более высокими темпами, чем группа «обеспеченных» граждан. Таким образом, с начала нового витка кризиса, начавшегося в декабре 2013 г., гражданское общество постепенно беднеет.

Социальное расслоение российского гражданского общества измеряет индикатор классовой самоидентификации **За двадцать лет измерений с 37 до 23% снизилось количество граждан**

относящим себе к низшему классу, а число относящих себя среднему классу увеличилось с 39 до 49%. В июне 2015 г. к среднему классу себя относили 49% россиян, к низшему классу 23%, к высшему — 2%, затруднились ответить 26% респондентов. За прошедший год произошло существенное сокращение числа граждан, относящих себя к среднему классу (на 10 п.п.) и одновременный рост числа россиян, идентифицирующих себя с низшим классом (на 5 п.п.). Можно предположить, что негативные последствия кризиса и санкций сказались на условиях и качестве жизни респондентов. Произошло сокращение группы респондентов, относящих себя к среднему классу. Отметим, что число затруднившихся определить свою классовую принадлежность граждан за год возросло на 7 п.п. и достигло максимального значения — 26%.

Кризис оказал влияние на все стороны жизни, затронув в первую очередь финансовую сферу. Подавляющее большинство российских граждан испытывают денежные затруднения. Улучшения материального положения своей семьи через 5 лет респонденты не ожидают. Согласно данным июньского исследования, только 4% россиян ожидали значительного улучшения материального положения своей семьи через 5 лет. Шестая часть респондентов ожидали улучшения своего материального положения (16%). Рассчитывали на то, что все останется без изменений 18% граждан. Ухудшение и существенное ухудшение ждали соответственно 15% и 5% россиян. Показательно, что затруднились ответить 42% респондентов, что характеризует состояние жизненной неопределенности для столь большого числа граждан.

По сравнению с декабрем 2012 г. на 4 п.п. увеличилось число граждан, считавших, что материальное положение их семьи через 5 лет существенно ухудшится. Количество россиян рассчитывавших, что их материальное положение улучшится, снизилось на 6 п.п., останется без изменений — на 16 п.п. В своих оценках предполагаемых положительных или отрицательных изменений в материальном положении семей через пять лет россияне вернулись к прогнозам десятилетней давности. Значимое различие наблюдается в варианте ответа «останется без изменений (снижение с 23% в 2005 г. до 18% в 2015 г.). При этом число затруднившихся ответить выросло за тот же период с 38% до 42%. В целом положительных тенденций в отношении оценки будущего состояния материального положения их семей у россиян не наблюдалось.

По мнению большинства граждан, мировой экономической кризис существенным образом отразился на материальном положении их семей. По сравнению с декабрем 2013 г. наблюдается

резкое увеличение с 33% до 51% количества граждан, у которых ухудшилось материальное положение семей. Существенно снизилось количество россиян, считавших, что материальное положение их семьи не изменилось (с 51% до 41%).

В декабре 2015 г. главной причиной разразившегося в России экономического кризиса 46% опрошенных граждан считали слабость российской экономики, 40% — падение мировых цен на нефть, 28% — ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства, 26% — ошибки и неправильные действия руководства Центробанка и экономического блока Правительства РФ, 23% — экономические санкции против России, 16% — кризис мировой финансовой системы, 15% — зависимость экономики России от Федеральной резервной системы США, 6% — запрет на ввоз продовольственных товаров в Россию из Евросоюза и США. Затруднились ответить — 14% респондентов.

По сравнению с данными мониторинга, проведенного в июне 2015 г., в сознании россиян произошло изменение представлений о причинах экономического кризиса. В декабре 2015 г. лидирующие места среди причин экономического кризиса стали занимать слабость российской экономики, падение мировых цен на нефть и ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства. Ранее, в июне 2015 г. россияне считали главными причинами кризиса, в порядке убывания: падение мировых цен на нефть, слабость российской экономики, ошибки и неправильные действия руководства Центробанка и экономического блока Правительства РФ, экономические санкции против России. За данный период на 10 п.п. выросло число граждан, разделяющих мнение о том, что слабость российской экономики стала причиной экономического кризиса, и на 4 п.п. увеличилось количество сторонников мнения о том, что причина кризиса в России — это ошибки и неправильные действия руководства Центробанка и экономического блока Правительства РФ. В то же время на 6 п.п. снизилось количество россиян, полагающих, что причиной экономического кризиса в стране стали экономические санкции против России.

Вопрос: «Каковы главные причины разразившегося в России экономического кризиса?» задавался респондентам в 2008–2010 гг. В исследовании, проведенном в июне 2015 г., набор вариантов ответов был частично изменен вследствие нового витка кризиса, начавшегося в декабре 2013 г. Остались неизменными три позиции: «слабость российской экономики», «кризис мировой финансовой системы» и «ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства». Слабость российской экономи-

ки была и осталась самой важной, по мнению россиян, причиной кризиса. Кризис финансовой системы, напротив, переместился в июне 2015 г. со второго места в последние ряды иерархии причин кризиса. Тем не менее, сравнивая полученные данные с результатами более ранних этапов мониторинга, можно заключить, что граждане стали чаще видеть причину экономического кризиса в недостатках российской финансовой системы, в ошибках и недоработках экономического блока Правительства РФ и высшего политического руководства. В 2008–2010 гг. в сознании респондентов лидирующее положение занимали внешние факторы — кризис мировой финансовой системы, последствия кризиса финансовой системы США — наряду со слабостью российской экономики и ошибками и неправильными действиями высшего российского политического руководства.

Кроме экономического кризиса на материальное положение россиян оказывали влияние внешние и внутренние социально-политические события. На вопрос «Как повлияет на Ваше материальное положение участие нашей страны в событиях в Крыму, на Украине, в Сирии?» были получены следующие распределения ответов. Предполагают ухудшение своего материального положения 36% россиян — в связи с событиями в Крыму, 47% — в связи с событиями на Украине, 38% — в Сирии. Около четверти россиян считали, что события в Крыму, в Сирии и на Украине не повлияют на их материальное положение (29%, 26%, 23% соответственно). 33% граждан затруднились оценить влияние на свое материальное положение участие России в событиях в Сирии, 26% — в Крыму и 26% — на Украине. Только 9% россиян считали, что их материальное положение улучшится в связи с событиями в Крыму.

Самой актуальной проблемой российского гражданского общества остается рост бедности населения и расслоение общества по признаку денежных доходов. Судя по самооценкам, в России образовалось общество, в котором живет до 3% очень богатых людей и до 4% очень бедных — нищих. Приблизительно седьмую часть граждан (14%) по самооценке денежных доходов можно отнести к среднему по российским стандартам классу. Подавляющее большинство российских граждан испытывали денежные затруднения. Российское общество постепенно беднеет: за полтора года число «ограниченных в средствах» россиян снизилось, а число «бедных» россиян возросло. За год наблюдалось существенное сокращение числа граждан, относящих себя к среднему классу и рост количества россиян, идентифицирующих себя с низшим классом.

В оценках материального положения своей семьи через 5 лет респонденты разбились на три примерно равные по численности группы: на тех, у кого материальное положение улучшится, останется без изменений и ухудшится. У большинства респондентов вследствие мирового экономического кризиса материальное положение ухудшилось. **Главными причинами экономического кризиса в стране граждане в первую очередь называют слабость российской экономики, падение мировых цен на нефть и ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства. В этой связи для России задача локализации и минимизации эффектов мирового финансового кризиса становится главным фактором устойчивого развития гражданского общества.**

Государство и гражданское общество

Отношение гражданского общества к институтам власти в последние годы во многом определяется антикризисной политикой Правительства РФ и реакцией российского государства на внешнеполитические угрозы и вызовы. В целом проявление данных факторов оказало решающее влияние на динамику и характер отношения российского общества к политическим и социальным институтам РФ.

В декабре 2015 г. структура доверия граждан государственным политическим институтам в порядке убывания выглядела следующим образом: Президент РФ (77%), армия (67%), Правительство РФ (48%), Совет Безопасности (43%), Администрация Президента РФ (41%), Совет Федерации (34%), руководители регионов (29%), Государственная Дума (21%), полиция, суд, прокуратура (16%). **В целом, за двадцать с лишним лет удалось вернуть доверие граждан к большинству институтов власти.**

Среди институтов гражданского общества наибольшим доверием у граждан пользовалась церковь (52%). Далее следовали Общественная палата (21%), общественные организации (19%), профсоюзы (16%), СМИ (15%), партии и политические движения (12%), банковские, предпринимательские круги (9%). За два года экономического кризиса наблюдалось снижение значений доверия граждан средствам массовой информации на 11 п.п., общественным организациям на 9 п.п., профсоюзам на 6 п.п., банковским и предпринимательским кругам на 6 п.п. За данный период увеличение значений доверия россиян отмечалось к Президенту РФ на 25 п.п., армии на 16 п.п., Администрации Президента РФ на 11 п.п., Правительству РФ на 10 п. п, Совету Безопасности на 8 п.п.

За год кризисного периода российское общество стало больше доверять Президенту РФ (рост значений доверия россиян на 7 п.п.), армии (рост на 10 п.п.). Неоднозначная тенденция наблюдалась в отношении граждан к Правительству РФ, Совету Федерации, Государственной Думе, Совету Безопасности, Общественной палате, полиции, суду и прокуратуре, общественным организациям, руководителям регионов, СМИ и банковским и предпринимательским кругам. К середине 2014 г. уровень доверия данным структурам власти и институтам гражданского общества существенно вырос. Однако проводимая этими институтами политика оказалась недостаточно одобряемой российским обществом и значения доверия начали постепенно снижаться. Отметим, что за все годы мониторинга максимальные значения доверия россиян зафиксированы к Президенту РФ и армии, а минимальное — к общественным организациям.

Сравнивая результаты исследования в полугодовой динамике, отметим, что уменьшилось доверие россиян институтам гражданского общества. На 7 п.п. снизилось значение доверия граждан профсоюзам, на 7 п.п. — средствам массовой информации, на 5 п.п. — общественным организациям. Данные структуры оказались не готовы оказать адекватную помощь и поддержку гражданам в сложившихся кризисных условиях и постепенно теряли их доверие. Исключение составила церковь и армия: доверие граждан к ним выросло с 46% до 52% (на 6 п.п.) и с 62 до 67% (на 5 п.п.) соответственно.

По данным мониторинга, в декабре 2015 г. наибольшие значения недоверия наблюдались у банковских и предпринимательских кругов (63%), полиции, судов, прокуратуры (62%), партий и политических движений (52%), СМИ (48%), Государственной Думы (43%). Наименьшие значения недоверия россиян зафиксированы к Президенту РФ (10%), армии (14%), Совету Безопасности (17%) и Администрации Президента РФ (18%).

За все годы мониторинга в декабре 2015 г. наименьших значений в рейтинге недоверия граждан достигли следующие институты и структуры: Президент РФ, армия, Совет Безопасности, Администрация президента РФ, Общественная палата, Совет Федерации и Правительство РФ.

Отметим, что по сравнению с декабрем 2014 г. наблюдалось снижение числа граждан, не доверяющих Администрации Президента РФ (с 27% до 18%), Президенту РФ (с 18% до 10%), Совету Безопасности (с 25% до 17%), армии (с 21% до 14%), Общественной палате (с 29% до 24%), Совету Федерации (с 31% до 27%).

А увеличение значений недоверия россиян отмечалось к общественным организациям (с 30% до 35%) и банковским и предпринимательским кругам (с 59% до 63%). Всего лишь за полгода выросли значения недоверия граждан к СМИ и к банковским и предпринимательским кругам — на 6 п.п., к профсоюзам — на 5 п.п., к полиции, суду и прокуратуре и к общественным организациям — на 4 п.п. За тот же период снижение значений недоверия россиян отмечалось к Общественной палате (с 30% до 24%), к Администрации Президента РФ (с 23% до 18%) и к Совету Безопасности (с 21% до 17%).

Анализ динамики поддержки гражданами политических партий, движений показал, что к настоящему моменту в нашей стране не сложилась социально адекватная партийно-политическая система: 35% россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, а 11% затруднились ответить на вопрос о партийных предпочтениях. В декабре 2015 г. «Единую Россию» поддерживали 22% граждан. Уровень ее поддержки гражданским обществом устойчиво снижается, за два года он упал на 7–9 п.п., за год — на 4 п.п. Уровень поддержки движения «Общественный народный фронт» зафиксирован на отметке 13%. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опроса составляли соответственно 8% и 6%. Значения рейтинга всех остальных политических партий незначительны. Лидером рейтинга поддержки политических партий на протяжении более десяти лет является «Единая Россия». Однако в 2015 г. выросло количество россиян, которые не поддерживают ни одну политическую партию.

Свои политические взгляды респонденты определили следующим образом: 34% — как патриотические, 29% — демократические, 11% — либеральные, 7% — коммунистические, 6% — социалистические, 5% — социал-демократические, 6% — консервативные, 2% — националистические взгляды, 22% затруднились определить свои политические взгляды. Отметим, что за два года число граждан, имеющих патриотические взгляды, выросло с 20% до 34%, заняв лидирующую позицию. В то же время количество сторонников демократической направленности сократилось с 35% до 29%. **Таким образом, сложившаяся экономическая и политическая ситуация как в России, так и вокруг нашей страны вывела на первый план гражданского сознания патриотические чувства и настроения и привела к социально-политической консолидации общества.**

По мнению граждан, В.В. Путин оставался главным политическим лидером страны, способным вывести Россию из

кризиса (67%). Второе место осталось за С.К. Шойгу (23%).

Пятая часть респондентов (18%) не отдали предпочтения никому из политиков. Далее следовали С.В. Лавров (15%), Д.А. Медведев (13%), В.В. Жириновский (7%), А.Г. Лукашенко (5%), Г.А. Зюганов (7%), С.С. Собянин (5%), патриарх Кирилл (3%), М.Б. Ходорковский (3%), А.Л. Кудрин (2%), С.В. Железняк (2%), Г.А. Явлинский (2%), С.М. Миронов (2%) (см. табл. 8). В динамике с декабря 2013 г. рейтинг В.В. Путина вырос на 27 п.п. (с 40% до 67%), а количество граждан, считающих, что в России нет лидера, способного вывести Россию из кризиса, снизилось с 26% до 18%. Вырос рейтинг С.К. Шойгу, зафиксировав наибольшее значение за все годы мониторинга.

Доверие В.В. Путину как лидеру, способному вывести Россию из кризиса, выразили подавляющее большинство респондентов. В декабре 2015 г. его рейтинг достиг максимального значения. Рейтинг Д.А. Медведева в этом качестве, напротив, постепенно снижался. Отметим, что с декабря 2013 г. уровень поддержки Д.А. Медведева как антикризисного лидера колебался от 9% до 13%. За данный период наблюдался существенный рост рейтинга В.В. Путина.

Последней точкой бифуркации рейтингов лидеров стал июнь 2013 г. С этого момента рейтинг В.В. Путина постоянно рос (с 36% до 67%), а Д.А. Медведева стабилизировался в диапазоне от 9% до 13%. В то же время с 32% до 18% снизилось число респондентов, выбравших вариант ответа «нет такого лидера».

По десятибалльной шкале деятельность В.В. Путина на посту Президента России оценивалась выше (7,81 балла), чем деятельность Д.А. Медведева на посту Председателя Правительства (5,68 баллов). Наблюдения показывают, что с конца 2012 г. оба лидера постепенно укрепляли свои позиции. Динамика оценок их деятельности показывает сходную картину, но уровень оценок Д.А. Медведева ниже, чем у В.В. Путина, и разрыв между ними увеличивается.

Российское гражданское общество по-прежнему не видит в лице государства последовательного защитника своих интересов. В декабре 2015 г. 39% россиян считали, что государство защищает в первую очередь интересы богатых. По мнению 37% граждан, государство выражает интересы государственной бюрократии, 26% респондентов убеждены в защите государством интересов всех граждан России, 8% — средних слоев. Затруднились ответить 17% россиян.

Отметим, что за 15 лет мониторинга по показателю «российское государство выражает и защищает интересы всех

граждан России» достигнуто наибольшее значение (26%). Начиная с ноября 2011 г. по данному показателю наблюдалась повышательная тенденция (с 11% до 26%). С июня 2013 г. количество россиян, считавших, что «российское государство выражает и защищает интересы богатых», снизилось с 49% до 39%, достигнув минимального значения. Наблюдалось также снижение числа сторонников позиции: «российское государство выражает и защищает интересы государственной бюрократии» (с 46% до 37%).

Политика и общество

Самочувствие гражданского общества во многом обусловлено проводимой государством политикой. Оценка этой политики отражается в отношении граждан к политической системе общества. Большая часть российских граждан считали, что политическая система страны нуждается в изменениях: многие ее недостатки можно устранить реформами (44%), или необходимо изменить политическую систему радикальным образом (18%). Полностью устраивала политическая система российского общества 24% граждан, затруднились ответить — 14%.

С июня 2013 г. с 13% до 24%, почти в два раза, достигнув наибольшего значения за все годы мониторинга, увеличилось количество россиян, которых полностью устраивает политическая система общества, а доля «радикалов» сократилась с 28% до 18% (на 10 п.п.). Число сторонников реформ выросло в июне 2014 г. и превысило 50%, а затем стало уменьшаться до 44%, вернувшись к значениям 2011–2013 гг.

Развитие гражданского общества невозможно без обеспечения государством основных норм жизни демократического общества. Результаты исследования, проведенного в декабре 2015 г., обозначили мнения респондентов по этому вопросу. Наибольшие значения варианта ответа «обеспечиваются» наблюдались у индикаторов: «свобода политического выбора» (64%), «свобода слова» (60%), «терпимость к чужому мнению» (51%). Далее по уменьшению значений следовали индикаторы: «социальные гарантии» (42%), «соблюдение прав человека» (40%), «личная безопасность» (28%), «равенство всех граждан перед законом» (20%).

В динамике до 2015 г. наблюдался существенный рост значений большинства индикаторов обеспечения государством основных норм демократического общества. Однако этот год внес существенные коррективы, снизив значения некоторых индикаторов.

С начала 2015 г. на 5 п.п. снизилось количество граждан, считавших, что государство обеспечивает «равенство всех граждан перед законом». За прошедшие полгода также уменьшилось число сторонников мнения о том, что государство обеспечивает «личную безопасность» (с 37% до 28%) и «социальные гарантии» (с 53% до 42%). Темпы роста показателя «равенство всех граждан перед законом» явно замедлены по сравнению с остальными показателями.

Отметим еще один немаловажный аспект в развитии демократических основ российского государства. С декабря 2012 г. наблюдается тренд перемены мнений респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества. В значениях индикаторов «свободы политического выбора» и «свободы слова» спад сменился на рост.

Оценка респондентами выполнения российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина выглядит следующим образом. Согласно данным июньского исследования 2015 г. большинство респондентов считали, что государство лучше всего выполняло обязанности по обеспечению «права на выбор профессии» (67%), «права на отдых» (64%), «права на социальное обеспечение и пенсию» (59%), «защиты материнства и детства» (57%), «свободы мысли и слова» (54%), «права на получение информации» (51%).

Считали, что государство выполняло свои обязанности по обеспечению «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» 43% респондентов, «права на бесплатное образование» — 38%, «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» — 33%, «права на жилье» — 31%, «права на благоприятную окружающую среду» — 26%, «равенства перед законом и судом» — 21%.

По сравнению с июнем 2014 г. по некоторым индикаторам выполнения государством своих обязанностей наблюдался рост: «право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (на 6 п.п.), «право на бесплатное образование» (на 6 п.п.), «право на социальное обеспечение и пенсию» (на 4 п.п.), «право на жилье» (на 4 п.п.), «право на судебную защиту прав и свобод гражданина» (на 4 п.п.). Однако в то же время наблюдалось снижение значений индикаторов выполнения государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина: «право на получение информации» (на 9 п.п.), «право на выбор профессии» (на 6 п.п.). По другим индикаторам существенных изменений не наблюдалось. По альтернативе «государство выполняет свои обязанности» за все годы мониторинга значения следующих индикаторов достигли максимума: «свобода мысли и слова», «защита государ-

ством материнства и детства», «право на социальное обеспечение и пенсию», «право на жилье», «право на охрану здоровья и медицинскую помощь», «право на бесплатное образование», «право на судебную защиту прав и свобод гражданина».

По мнению большинства граждан, российское государство не обеспечивало гарантии прав и свобод граждан, связанные с «равенством перед законом и судом» (66%). От трети до половины россиян считали, что государство не выполняло свои обязанности по обеспечению «права на благоприятную окружающую среду» (43%), «права на жилье» (41%), «права на бесплатное образование» (41%), «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» (36%) и «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» (39%).

Скорее выполняли, чем не выполняли российские власти обязанности по созданию условий для «свободы мысли и слова» (54% против 26%), «права на выбор профессии» (67% против 17%), «права на получение информации» (51% против 19%), «права на отдых» (64% против 15%), «защиты государством материнства и детства» (57% против 20%), «права на социальное обеспечение и пенсию» (59% против 21%) и «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» (43% против 36%).

Согласно данным декабрьского исследования 2015 г. большинство респондентов считали, что государство лучше всего выполняло основные обязанности по «обороне страны» (82%), «обеспечению мира и поддержанию мирового порядка» (66%), «налогообложению и взиманию налогов» (61%), «сотрудничеству и укреплению связей с СНГ» (58%).

От половины до трети граждан отметили, что власть выполняла свои обязанности перед обществом по «международному сотрудничеству в решении глобальных проблем» (44%), «защите жизни и прав соотечественников за границей» (40%), «развитию науки, культуры и образования» (39%), «охране прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка» (36%). По оценкам участников опроса, наихудшим образом государство выполняет свои обязанности по «регулированию производства и распределению товаров и услуг» (31%), «охране природы и использованию ресурсов» (28%), «интеграции в мировую экономику» (25%) и «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан» (17%).

За все годы мониторинга в декабре 2015 г. по критерию «выполняется государством» зафиксированы наибольшие значения по следующим индикаторам: «оборона страны», «обеспечение мира и поддержание мирового порядка», «за-

щита жизни и прав соотечественников за границей». А наименьшее значение наблюдалось у индикатора «интеграция в мировую экономику».

За прошедший год возросло число граждан, считающих, что государство выполняет обязательства перед обществом по «обороне страны» (рост на 6 п.п.). Снизилось количество россиян, отметивших, что государство выполняет следующие обязательства перед обществом: «регулирование производства и распределения товаров и услуг» (12 п.п.), «охрана природы и использования ресурсов» (11 п.п.), «интеграция в мировую экономику» (8 п.п.), «обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан» (4 п.п.).

Скорее не выполняет, чем выполняет российское государство обязанности перед обществом по «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан» (66% против 17%) и «охране природы и использования ресурсов» (47% против 28%). Гражданская консолидация проявляется в многообразии своих форм не только внутри государства, но и за его пределами. В частности этот принцип раскрывается в защите государством прав своих граждан за рубежом. Мнение большинства граждан о том, достаточно ли активно российское государство защищает права русских, проживающих за пределами РФ, склоняется в сторону положительного ответа: 42% россиян отмечали активность государства в этой области, 27% граждан высказали мнение о недостаточности активности, а 31% — затруднились ответить.

По сравнению с июлем 2004 г. число граждан, имеющих положительную точку зрения по этому вопросу, увеличилось в 6 раз, а количество респондентов, уверенных в недостаточной активности государства по защите прав русских за границей, снизилось почти в два с половиной раза.

Процесс эффективного развития гражданского общества возможен в условиях обеспечения демократии и соблюдения Конституции, согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Результаты июньского 2015 года исследования показали, что, по мнению многих граждан, источником власти в России являются Кремль и Президент РФ. Считали, что это Кремль (Президент и его доверенные люди) — 42%, 41% — Президент РФ, 30% — бюрократия (чиновники в центре и на местах), 29% — олигархи (богатые люди, контролирующие власть), 17% — правительство, парламент РФ, 12% — многонацио-

нальный народ РФ, а 5% высказали мнение, что Россия управляется из-за рубежа. Затруднились ответить 9% опрошенных.

За 9 лет восприятие гражданским обществом носителя суверенитета и источника власти в России изменилось. По данным исследования в июне 2006 г. россияне отождествляли власть прежде всего с олигархами и бюрократией. А уже в июне 2015 г., по мнению граждан, реальным источником власти являлись Кремль и Президент РФ. Отметим, что число респондентов, считавших, что многонациональный народ — это носитель суверенитета и источник власти, возросло с 4% до 12%. За данный период количество россиян, которые ассоциировали реальную власть с олигархами, бюрократией или считали, что Россия управляется из-за рубежа, снизилось на 21 п.п., 11 п.п. и 12 п.п. соответственно. В то же время количество граждан, для которых реальным источником власти и носителем суверенитета являлся Президент РФ, Кремль и Правительство, возросло на 12 п.п., 5 п.п. и 4 п.п. соответственно.

Демократические реформы в обществе, инициатором которых может быть власть, должны способствовать адаптации внутренней социально-политической среды к назревшим изменениям и новым стандартам жизни, труда, образования и других сфер жизнедеятельности. Их цель, прежде всего, — преобразование, обновление, повышение эффективности функционирования определенной сферы в интересах общества. Однако многие проводимые реформы в России не одобрялись большинством граждан.

Оценивая процесс и результаты проводимых реформ, более половины респондентов не одобрили преобразования в школьном образовании (58%) и жилищно-коммунальном хозяйстве (57%). К реформам в здравоохранении и медицинском обслуживании населения отрицательно отнеслись 49% граждан, в высшем образовании — 43%. Вне поля зрения оказались преобразования в системе Российской академии наук и в работе пригородных электричек. Более половины респондентов затруднились высказать свое отношение к реформам в этих областях.

Более того, большинство граждан высказали мнение о том, что проводимые реформы в жилищно-коммунальном хозяйстве (67%), школьном образовании (59%), здравоохранении и медицинском обслуживании (52%) нанесли больше вреда, чем пользы.

Затруднились оценить степень вреда или пользы реформ в Российской академии наук — 73%, работе пригородного транспорта и электричек — 51%, высшего образования — 47% россиян. Лишь до четверти граждан считали реформы в данных сферах полезными.

Сложный индикатор социально-политической отчужденности гражданского общества и государства отражает отношения между государством и гражданами. По мнению 67% опрошенных, «людям у власти нет никакого дела до простых людей», 41% респондентов считали, что «главное для центральной власти в Москве — это решить свои проблемы за счет областей и республик России». Противоположных взглядов придерживались лишь 8% и 13% респондентов соответственно. Общество по-прежнему в значительной своей части отчуждено от власти. Отчуждение общества от государства в еще большей степени проявляется в сфере политической жизни: 74% респондентов считали, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Только седьмая часть граждан высказали точку зрения о том, что «большинство из нас могут повлиять на политические процессы» (13%).

С декабря 2014 г. снизилось число граждан, считающих, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие». В декабре 2015 г. 37% считали, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (за год снижение на 10 п.п.) и 47% утверждали, что «сколько ни работай, материально-го благополучия себе не обеспечишь».

За двадцать лет наблюдений наблюдалась позитивная динамика по индикаторам «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» — повышение на 17 п.п. По индикатору «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» — снижение на 23 п.п. По индикатору «власти заботятся о жизни простых людей» — позитивная динамика с 1 на 8 п.п. По индикатору «Людям у власти нет никакого дела до простых людей» (67 п.п.) не наблюдалось позитивной динамики. Индикатор «Главное для центральной власти в Москве — это решить свои проблемы за счет областей и республик России» поднимался до 58 п.п. и остановился на 43 п.п. Индикатор «Центр проводит политику в интересах регионов» поднимался до 20 п.п. и остановился на 13 п.п. Индикатор «Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране» поднимался до 18 и остановился на 13 п.п. Индикатор «Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» поднимался до 75 и остановился на 14 п.п.

По данным исследования в декабре 2015 г. респонденты выше всего оценили свое место в обществе по выполняемой работе (5,56 баллов) и по квалификации (5,55 баллов) по 10-ти балльной

шкале. Почти так же высоки значения самооценок респондентов их места в обществе по образованию (5,47 баллов) и по профессии (5,37 баллов). Высокий уровень этих показателей отражает специфику сложившихся представлений в российском обществе в сфере трудовой и профессиональной мотивации. Наиболее низкие значения имели самооценки места в обществе респондентов по качеству жизни, размеру денежных доходов и участию в политической жизни страны — 4,52; 4,07 и 2,67 баллов соответственно. Наименьших значений за весь период наблюдений достигли самооценки граждан своего места в обществе по квалификации и по профессии. Среднее значение индикатора социальной самоидентификации по семи указанным критериям составило 4,74 балла.

Динамика самоидентификации религиозной принадлежности респондентов измерялась в последние двадцать лет. Считали себя соответственно в январе 1995 и декабре 2015 года: православными — 48 и 66% респондентов, неверующими — 32 и 21%, верующими в сверхъестественную силу — 14 и 7%, мусульманами — 5 и 5%, адептами других религий — 1%.

Защита своей гражданской позиции является проявлением зрелости гражданского общества. **Индикаторы протестной активности за двадцать лет в феврале 1994 и декабре 2015 гг. показывали соответственно следующую динамику. Если надо, возьмут оружие, пойдут на баррикады: 13 и 10% граждан. Будут участвовать в забастовках и акциях протеста для защиты своих интересов 11 и 10% россиян, выйдут на митинг и демонстрацию 9 и 13%.** Более мягкие методы борьбы за свои интересы путем подписания обращения к властям выбрали 13 и 14% респондентов. Интересы 3и 13% респондентов достаточно защищены. Не выбрали ничего из перечисленных форм защиты 19 и 20% россиян, 20% затруднились ответить. Отметим, что в годовой динамике на 6 п.п. сократилось число граждан, которые считали, что их интересы достаточно защищены.

Российское общество за двадцать три года реформ сформировало свои уже достаточно устоявшиеся представления о том, какие социальные группы выиграли от приватизации. Динамика мнений от августа 1992 года к декабрю 2015 года менялась соответственно следующим образом. Считали, что в результате приватизации государственной собственности выиграли чиновники и управленцы (16 и 43%). Далее следуют теневые дельцы (35 и 32%), предприниматели (14 и 25%), старая номенклатура (15 и 15%), новая номенклатура (23 и 13%), ма-

фия вне России (14 и 8%), работники торговли (12 и 8%), «я и моя семья» (1 и 7%), иностранный капитал (7 и 7%), «выиграло все общество» (9 и 4%), «интеллигенция, служащие» (1 и 3%), «трудовые коллективы» (3 и 2%), «рабочие, крестьяне» (1 и 1%) и представители стран СНГ (1 и 1%). Затруднились ответить — 18 и 29% респондентов. По сравнению с апрелем 2012 г. года число граждан, считающих, что в результате приватизации государственной собственности выиграли чиновники и теневые дельцы и предприниматели, снизилось на 8 п.п., 4 п. п. и 4 п.п. соответственно. Однако на 9 п.п. возросло число россиян, которые затруднились оценить результаты приватизации.

На протяжении семи лет мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию, преобладало в рамках тезиса: «Россия будет существовать в нынешних границах». Такую точку зрения в июне 2015 г. разделяли 41% граждан. 35% россиян считали, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов. Будущее России 5% респондентов связывали с распадом. Затруднились ответить 18% опрошенных.

По сравнению с данными исследования, проведенного в июне 2011 г., возросло число граждан, которые видят будущее в объединении народов вокруг России (рост 6 п.п.). Наблюдался рост сторонников мнения, что Россия будет существовать в нынешних границах (рост на 4 п.п.). С 16% до 5% снизилось количество граждан, считавших, что Россия обречена на дальнейший распад. **Отметим, что с 1992 г. по 2003 г. во мнении граждан превалировала точка зрения об объединении народов вокруг России. Далее акцент сместился: наибольшее число россиян стали считать, что будущее России — это существование в нынешних границах.**

В целом, социально-политическая устойчивость российского общества, начиная с июня 2011 г., стала повышаться. К июню 2014 г. интегральный индекс социополитической устойчивости достиг положительного значения (0,57) и вошел в зону стабильного развития. Однако в декабре 2014 г. значение индекса снизилось и снова оказалось в зоне кризисного развития. В декабре 2015 г. индекс социополитической устойчивости составил — 5,1.

Потенциал гражданского общества

Степень развития гражданского общества в той или иной стране проявляется как социальная реальность в многообразии признаков. Среди них выделяют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество

не может возникнуть. Во-первых, в социальном государстве, которым согласно Конституции РФ является Россия, потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан, которые считают, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан, т.е. в интересах демократического общества. С этим признаком соотносится второй признак — совокупность мнений респондентов, о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране. Третий актуальный признак, по которому в обществе не прекращаются острые дискуссии — в чьих интересах в стране проведена приватизация? Четвертый признак — самоидентификация среднего класса по семи характеристикам: образование, профессия квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике. Пятый признак — прямая самоидентификация среднего класса. Шестой признак — самооценка денежных доходов населения. Седьмой признак — выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан. Агрегирование значений семи индикаторов даст значение индекса гражданского общества, существующего в России. Особо подчеркнем, что все социологические измерения производятся на основе мнений населения о различных сторонах жизнедеятельности гражданского общества.

Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составляет 6,7%. В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества.

Вокруг этого сущностного ядра можно выделить, наблюдать и измерять другие характеристики, стороны жизнедеятельности гражданского общества. В своей теоретической конструкции ядро и оболочки составляют концептуальную модель гражданского общества, тогда как совокупность измерений ядра и оболочек дает эмпирическую модель гражданского общества в России.

Одной из таких важнейших сторон жизни современного гражданского общества является обеспечение государством норм демократической жизни в обществе.

Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе составлен из семи признаков — совокупности мнений граждан о соблюдении равенства всех граждан перед законом, личной безопасности, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Средняя величина индекса обеспечения

государством норм демократической жизни в обществе за весь период наблюдений составила 11,3%.

Вторая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной **индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом**, который составлен из индикаторов: регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, развитие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Средняя величина индекса выполнения государством своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила — 13,8%.

Третья оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной **индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека гражданина**: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, право на жилье, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на бесплатное образование, право на судебную защиту прав и свобод гражданина. Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина за весь период наблюдений составила — 15,3%.

Наконец, четвертая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется с помощью **индекса мнений граждан о развитии гражданского общества** как оценка гражданами восьми сущностных критериев развития гражданского общества: правовое государство — господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан, право собственности — владение, пользование и распоряжение имуществом, политическое и идеологическое разнообразие политических партий, общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан, открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом, свобода слова — право граждан без ограничений выражать свое мнение, демократия, свобода политического выбора, самоуправ-

ление — инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д. Средняя величина индекса развития гражданского общества составила за весь период наблюдений — 24,8%.

Эмпирическую модель развития гражданского общества в нашей стране можно построить в форме концентрических окружностей, площадь каждой из которых отражает числовое значение индексов ядра и оболочек. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующих.

Динамики представленных индексов демонстрирует повышательную тенденцию, т.е. российское гражданское общество расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны — 75,2%. К современному историческому моменту развития российское гражданское общество в конкретных социально-политических формах своего бытия прошло приблизительно четверть вечного пути к идеальному гражданскому обществу.

Полученные данные позволяют в выбранных измерениях составить представление о потенциале гражданского общества. Гражданское общество в России достигло пока скромного потенциала. Конечно, абсолютное гражданское общество в 100% значении всех признаков вряд ли когда-либо и кому-либо удастся построить. Но социополитический гражданский процесс в своем развитии будет всегда стремиться приблизиться к пространству идеального гражданского общества. На этом пути государству и обществу предстоит преодолеть целый ряд устойчивых устаревших политических стереотипов негативного мышления и действия.

Заключение. Эффекты реформ и кризисов

Главный эффект неолиберальных реформ и экономических кризисов, которые в России совместились и переросли в настоящее время в системный институциональный кризис реформ, заключается в том, что российское общественное сознание и большая часть политического класса постепенно избавились от ряда иллюзий, которые были сформированы в предыдущие годы. **Главная из них — об императивном позитивном эффекте либеральных реформ.** Долгое время в обществе и политическом классе доминировало мнение, что вступив на путь либеральных рыночных реформ, Россия автоматически получает гарантии стабильного устойчивого экономического развития в будущем. Социально-политическая реальность 2016 года доказала, что на уровне

политического класса это суждение явилось стратегическим заблуждением, а на уровне общественного и массового сознания иллюзией — результатом политической наивности и манипуляций. Постепенно пришло понимание той ситуации, что никто не ждал Россию на мировых рынках с распростертыми объятиями. Современная система мирохозяйственных связей продолжает в целом функционировать на принципах жесткой экономической конкуренции. Когда необходимо, эта экономическая конкуренция за ресурсы и рынки перерастает в военно-политическое противостояние.

За тридцать лет перестройки и рыночных реформ, с момента их провозглашения на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1985 году страну, экономику и общество по крайней мере шесть раз сотрясали экономические и финансовые кризисы. Последний мировой экономический кризис 2008 года, который чуть не обрушил мировую финансовую систему, к 2015 году укрепил в общественном сознании мнение, что страна потеряла экономический суверенитет, а их надежды на то, что неолиберальные реформы принесут стабильность и процветание являются иллюзией. Граждане поняли, что их благосостояние теперь напрямую зависит от мировой политической конъюнктуры, а государство и общество стали стратегически уязвимы в своем выборе путей развития.

Вторая иллюзия, с которой рассталось российское общественное сознание — это комплекс вины, неполноценности, несправедного исторического социального, политического прошлого. На протяжении последних трех десятилетий в российском обществе искусственно культивировался комплекс политической вины, как русских, российских царей, так и советских вождей. Преследовалась цель руинизации русской российской истории, слома политической воли и сноса на свалку всего слоя русской политической культуры. Но оказалось, что при живом народе — носителе этой культуры это невозможно осуществить, не разорвав страну и русский мир на части с кровью и огромными человеческими потерями. **Граждане почувствовали и поняли, что превращение иллюзии «побеждённой России» в реальность означает конец мирной жизни, а значит и конец страны в её нынешней геополитической и геоэкономической конфигурации. Общество не согласилось с таким замыслом.**

К началу 2016 года, несмотря на продолжающийся кризис развития, мы наблюдаем процесс социально-политической консолидации на Кавказе, в Крыму и в целом в стране. Этот процесс не закончился и является результатом динамики русской, советской, российской политической культуры в единстве знаний, убежде-

ний и действий. Особенностью этой культуры является то, что она сформировалась в условиях многовекового внешнего политического давления. Русский российский национальный политический характер сформировался в условиях материальных и духовных ограничений на просторах северных территорий, проходя через периоды кризисов и мобилизаций. Закалка победами и поражениями, политическими зимами и оттепелями укрепила стремление к воле, независимости и свободе. Ядром этой культуры, стержнем этого характера является стремление к суверенитету на этом обширном евразийском пространстве. В этих качествах проявляется фундаментализм русского мира.

Его разрушение до основания — очень трудоёмкая работа. Она требует колоссальных материальных и временных ресурсов. В настоящее время нет оснований полагать, что удастся стратегически собрать и направить эти ресурсы в нужное место и в нужное время. **В силу такого понимания актуальной социально-политической ситуации произошло разрушение еще одной иллюзии о том, что Запад или США одержали победу в «холодной войне».** Россия осталась самой большой страной на планете с ядерным оружием и громадным ресурсным и человеческим потенциалом. На её территории нет оккупационных войск. Рационально ли в этом случае говорить о её разгроме и какой-либо победе? Вряд ли. Навязываемый принцип «горе побеждённому» оказался неприменим к нашей стране. Российское общественное сознание не приняло эту пропагандистскую установку и поняло, что только опора на собственные силы даёт стране гарантии на будущее независимое развитие.

В условиях продолжающегося кризиса в обществе наблюдается процесс материальной экономии и мобилизации. В первую очередь граждане экономят на основных фондах: отложены покупки новых квартир, дач, машин и дорогостоящей техники. Пришлось отказаться от заграничного отдыха и запланированного ремонта. Актуализировались тревоги потери работы, повышения цен на продукты питания и услуги, роста тарифов ЖКХ, транспорта, расходов на детей, образование. Экономят граждане, которые получают заработную плату в рублях, без привязки к доллару. Получатели долларовых заработных плат и дивидендов — выиграли, привычек не меняют, стиль жизни остался прежним. И такое положение начинает раздражать часть элиты и граждан. К внутренней политике у населения растёт недоверие. В частности, усиливается критика в адрес антикризисной политики экономического блока правительства РФ.

Оппозиция совершила концептуальную ошибку, начав по западным традициям и технологиям кампанию против политических личностей, в частности против В.В. Путина. В общественном сознании политический образ В.В. Путина накрепко связан с образом российского государства. Такова особенность политической традиции и актуальной политической культуры. Глобальные политические тенденции развития событий в Сирии, на Ближнем Востоке, США, Китае не позволяют говорить о возможном снижении политического авторитета В.В. Путина, команде которого удаётся достаточно оперативно и эффективно отвечать на краткосрочные угрозы.

Спусковым крючком всех европейских революций и переворотов являлась провальная логистика хлеба и продовольствия в столицах. Граждане вышли против власти на улицы в Париже в 1789 году, в Петрограде в 1917 году, и в Москве 1991 году. Представить что-то подобное в современных условиях Российской Федерации в Москве, где Администрация Президента РФ, Правительства РФ и ФСБ тщательно и аккуратно отслеживают и контролируют проблему продовольственной безопасности, вряд ли возможно.

В целом, в начале 2016 года общество и государство, несмотря на кризис и санкции, находились в состоянии динамического социально-политического равновесия. Гражданское общество в своём большинстве устойчиво продолжает поддерживать В.В. Путина и проводимый им политический курс, накапливая вопросы о перспективах своего будущего устойчивого социально-политического и социально-экономического развития.

Журавлёв А.Л.,
Юревич А.В.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

PROBLEMS OF RUSSIAN PATRIOTISM

Анатолий Лактионович Журавлёв, член-корреспондент РАН, директор
ФГБУН Института психологии РАН

Юревич Андрей Владиславович, член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель директора ФГБУН Института психологии РАН

Anatoly Laktionovich Zhuravlev, associated Member of RAS, director of the
Institute of psychology of Russian academy of sciences

Yurevich Andrei Vladislavovich, associated member of RAS, professor, deputy
director of the Institute of psychology of Russian academy of sciences

Аннотация: При всей идеологической нагруженности понятия «патриотизм» и обилием связанных с ним жизненных ассоциаций, этот феномен должен быть объектом научного изучения, в котором в настоящее время чувствуется острая потребность. Авторы показывают, что патриотизм — многосоставное понятие и явление, а основными составляющими его ядра являются: 1) чувство любви к Родине, 2) готовность приносить в жертву личные интересы общественным, 3) соответствующее поведение, 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом соответствующие компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в непростых отношениях друг с другом, что усложняет понимание патриотизма и его применение к различным ситуациям, которые разбираются в статье. Рассматриваются также результаты эмпирических исследований патриотизма, проясняющих это понятие, демонстрирующих важные свойства и специфику российского патриотизма и позволяющих сформулировать ряд его закономерностей.

Abstract: To the author's view patriotism has to be the object of scientific investigation which is strongly needed in modern times despite the ideologization of this concept and abundance of mundane associations linked to it. The authors demonstrate that patriotism is multifaceted concept and phenomenon and the main components of its core are: 1) feeling of love to the Motherland, 2) readiness to sacrifice the personal interests in favor of the collective ones, 3) appropriate behavior, 4) identification with the Motherland, its history and population. At the same time these components of patriotism are ambiguous and demonstrate complex relations with each other what complicates the interpretation of patriotism and application of this concept to different situations which are under the analysis in the article. The results of empirical investigations of patriotism which elucidate this concept, explicate important features and specific character of Russian patriotism, form the path for formulating of some of its regularities are studied as well.

Ключевые слова: патриотизм, основные компоненты, любовь к Родине, поведение, личные и общественные интересы, альтруизм, идентификация, эмпирические исследования

Key words: patriotism, main components, love for the Motherland, behavior, personal and collective interests, altruism, identification, empirical investigations

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант №14 - 18-0327.

Понятие патриотизма

Проблема патриотизма, точнее, комплекс связанных с ним проблем, все более явно попадает в нашей стране в фокус общественного сознания, что связано и с традиционно высокой значимостью патриотизма для нашего общества, и с попытками ее занижения псевдолиберальной идеологией 1990-х гг., и с острой потребностью в общенациональной идее, и с обострением отношений нашей страны с Западом, и с очевидными недостатками отечественной системы воспитания, и с другими подобными факторами. Отмечается, что важнейшей проблемой духовной жизни нашей страны является возрождение ценностей и идей, среди которых главной была и остается идея патриотизма, что в современных российских условиях, когда происходят изменения практически во всех сферах социально-экономической, политической и духовной жизнедеятельности, только она, став объединяющей силой, может способствовать возрождению национальных ценностей и традиций российского общества, выходу нашей страны из состояния затянувшегося поиска основ своего существования [9]. Отдается должное и тому, что «Патриотический потенциал — это фактор жизнеспособности индивида, социальной группы и общества» [там же, с. 49], «Патриотизм выступает в качестве одного из факторов развития общества, атрибутов его жизнеспособности» [8, с. 107], для государства популяризация патриотических настроений является объективной потребностью на пути укрепления национального единства и безопасности в полиэтническом и полирелигиозном пространстве [3, с. 69], т.е. патриотизм рассматривается как альтернатива межнациональной и межрелигиозной напряженности.

Приняты федеральные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Безусловную ценность патриотизма подчеркивают в своих выступлениях и лидеры религиозных объединений, в частности, патриарх Кирилл и председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин.

В настоящее время патриотизм является самым активно развивающимся направлением общественной мысли [2, 3, 13]. При этом отчетливо проявляется тот факт, что патриотизм, при всей эмоциональности и публицистичности связанных с ним ассоциаций, может и должен быть объектом *научного*, причем *междисциплинарного* изучения [12, 18]. А трактовка патриотизма в рамках обыденного сознания, перенос в науку закрепленных за этим понятием бытовых и идеологических ассоциаций, препятствуют собственно научному изучению этого непростого и неоднозначного явления. В результате отчетливо обозначается потребность в научном анализе патриотизма.

Нет недостатка и в *определениях* патриотизма. Например, «В нашем понимании патриотизм — это искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям и историческому прошлому России. Патриотизм — это последовательная и твердая защита законных интересов и прав всего российского народа и каждого гражданина, национально-государственных интересов нашей страны. Патриотизм — это реальные действия, направленные на достижение благополучия каждого гражданина России и всей страны в целом. Патриотизм — это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность к его защите вплоть до самопожертвования» [9, с. 33].

По мнению В.В. Путина, «настоящий патриотизм» — это «глубокое осознание личной причастности к судьбе страны, гражданская ответственность и стремление посвятить России, своим согражданам свой талант, готовность всегда быть со своей Родиной и в минуты торжества, и в периоды испытаний и невзгод» (Цит. по: [8, с. 107]).

Д.А. Медведев называет патриотизм одной из пяти главных ценностей российского народа. По его мнению, патриотизм — это вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре [11].

В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» (Цит. по: [2, с. 20-21]).

Исследователи патриотизма отмечают, что такие характеристики, как верность своей стране, уважение к ее истории и традициям, внимание к достижениям народов в прошлом и настоящем состав-

ляют ядро государственного понимания патриотизма [3]. Патриарх Кирилл подчеркивает, что ядро истинного патриотизма — «стремление приносить пользу не только себе лично, но и содействовать благу других и, в первую очередь, благу своего Отечества» (Цит. по: [3, с. 69]). Важными чертами *истинного патриотизма* он также считает жертвенность, искреннюю веру, самоотверженное служение Богу, Отечеству и ближним [там же]. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, утвержденных на состоявшемся в 2000 г. в Москве Архиерейском соборе, перечисляются конкретные формы выражения патриотизма: защита Отечества от неприятеля, труд на благо отчизны, забота об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления, сохранение и развитие национальной культуры, народного самосознания [там же]. Выделяются и такие первостепенные слагаемые патриотизма, как любовь к Родине, готовность пожертвовать во имя ее блага собственными интересами, уважение и почитание истории своей страны [там же].

В «Википедии» патриотизм определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя (*особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям*) с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа» [7]. Подчеркнем в данной связи, что привычное в быту понимание патриотизма как *любви к Родине* является явно недостаточным. Он предполагает также, во-первых, *поведенческий* компонент — готовность действовать на благо Родине даже в ущерб своим личным интересам, т.е. своего рода патриотический альтруизм, не только абстрактную готовность совершать соответствующие действия, но и их реальное совершение: «Истинный патриотизм — это любовь к Родине в действии» [8, с. 100]. Во-вторых, чувство гордости своей Родиной — ее историей и культурой. В-третьих, психологически очень важное чувство идентификации со своей страной, ее историей и ее народом (народами) — чувство: «это моя страна, моя история и мой народ». Возможно, различные компоненты патриотизма можно свести к одному — *преданности* человека своей Родине, но в целях его аналитического изучения целесообразно не укрупнять, а, наоборот, дифференцировать этот феномен. А в качестве основных составляющих «ядра» патриотизма, на кото-

рые наслаиваются его многочисленные компоненты, можно выделить: 1) чувство любви к Родине. 2) готовность приносить в жертву личные интересы общественным, 3) соответствующее поведение, 4) идентификацию со своей страной, ее историей и ее народом.

Вместе с тем отмечается, что «Патриотизм — слово, вызывающее в целом позитивные эмоции у большинства россиян, но «заезженное» и не всегда правильно понимаемое» [9, с. 48]. В частности, патетические воззвания о любви к Родине и о величии русского народа вряд ли возможно принимать как должное проявление патриотизма [там же]. Очевидно, подобные — вербальные — проявления патриотизма должны сопровождаться его поведенческими проявлениями. Отмечается, что «Патриотизм, единый по своей сущности, в то же время многообразен в своем проявлении и осуществлении» [8, с. 89], соответственно, можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена [там же]. Все большее распространение приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую *ценность*, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты [8]. При этом «до сих пор не определено конкретное содержание патриотизма как ценности, не исследована ее взаимосвязь с другими близкими ей ценностями, явно недостаточное внимание уделяется изучению реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций, и особенно в процессе социализации и деятельностной реализации личности, социальной группы в условиях современной России» [8, с. 102], а одним из шагов на пути к решению проблемы *самоидентификации* российского социума должно стать обсуждение вопроса о сути патриотизма, о его соотношении с национализмом, шовинизмом, интернационализмом и космополитизмом [там же, с. 64]. Т. е. эта проблема, при всей ее важности для общества и для самых разных научных дисциплин, находится лишь на первых стадиях ее *научной* проработанности.

Эмпирические исследования патриотизма

В условиях предельной идеологизации темы патриотизма и ее обсуждения преимущественно в абстрактной плоскости естественный интерес представляют его эмпирические исследования. Отметим сразу же, что к ним надо относиться с большой осторожностью и в виду идеологизированности данной темы, и потому, что эти исследования выполнялись в прежние годы, предшествующие вхождению Крыма в состав России и другим важным событиям,

вызвавшим, по разным оценкам, рост патриотических настроений в российском обществе. Соответственно, можно предположить, что выявившийся в них уровень патриотизма наших сограждан, по сравнению с настоящим временем, существенно *занижен*. Вместе с тем они представляют, как минимум, исторический интерес, а также важны в плане выявления взаимоотношений между различными слагаемыми патриотизма.

По данным «Левада-Центра», в 2000 г. слово «патриотизм» вызывало положительные эмоции у 57% респондентов, 22% испытывали как позитивные, так и негативные эмоции, когда в очередной раз слышали с экрана телевизоров или по радио что-либо «про патриотизм» — видимо, потому, что в таких ситуациях к эмоциональным коннотациям данного понятия добавлялись ассоциации, вызываемые российскими СМИ и конкретными политиками, каждый десятый реагировал на него с неудовольствием или раздражением, 11% затруднились с ответом [1]. Эти данные свидетельствуют о том, что отношение к патриотизму в нашем обществе было неоднозначно и «зависимо от контекста», что вполне естественно.

Согласно тем же данным, 50% наших сограждан видели патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей, 47% — в уважении традиций, 30% — в работе с полной отдачей по своей специальности. Гораздо менее значимы для россиян оказались публичные и политические формы патриотизма, такие как голосование на выборах за патриотические партии и политиков соответствующей ориентации, празднование исторических событий и юбилеев, участие в работе патриотических объединений. Т. е. проявилась «бытовая привязка» патриотизма — к формам деятельности, идущим на пользу нашему обществу, и их приоритет перед «символическими» формами патриотизма. Причем первое было более характерно для граждан с высшим и незаконченным высшим образованием, а второе — для людей с образованием ниже среднего [1].

Обращает на себя внимание и тот факт, что 60% респондентов понимали под патриотической политикой «возрождение России как великой державы», и только 35% — «защиту прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами» (там же). Подчеркнем еще раз, что опрос проводился до вхождения Крыма в состав России, которое сопровождалось масштабной и эффективной кампанией по внедрению второго — «надгосударственно» — понимания патриотизма.

Представляют интерес и результаты опроса, проведенного в 2006 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Отвечая на открытый вопрос: «Какого человека можно назвать патриотом?», 27%

опрошенных ответили, что таковым, по их мнению, является человек, который любит свою Родину, переживает за нее и за ее граждан — «полностью преданный своей стране», «думают не о себе, Родина у них на первом месте», «болеет за свой народ», «который переживает за свою Родину», «патриот — человек, любящий свою страну, несмотря на ее недостатки». 9% респондентов выбрали «деятельный» вариант патриотизма, ответив, что патриотом можно считать человека, который делает что-либо полезное для своей страны и ее народа: «приносит пользу народу, Родине», «старается для своего народа», «тот, кто заботится о благополучии страны и о людях». 7% предпочли проиллюстрировать свои представления о патриотах упоминанием конкретных политических и общественных деятелей — от А.Д. Сахарова до В.В. Жириновского, нередко называя и президента России [4].

Опрошенные говорили также о таких признаках патриота, как готовность к самопожертвованию ради своей страны (6%), участие в сражениях за Родину или несение воинской службы (4%), гордость за свою страну (4%), а 3% отметили, что патриотом можно считать того, кто не хочет уезжать из России, очевидно, отказывая в этом статусе эмигрантам.

В данном исследовании респонденты оценивали также значимость ряда *критериев* патриотизма. Наиболее бесспорным из них оказалось отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть истинным патриотом. 70% респондентов сказали, что нельзя считать патриотом человека, не знающего истории своей страны, 69% отказали в чувстве патриотизма тем, кто уклоняется от службы в армии, 56% отказали в патриотизме тем, кто стремился уехать жить и работать в другую страну. Иные признаки, такие как участие в выборах, знание гимна своей страны, предпочтение отечественного искусства зарубежному и др., оказались менее значимыми (31–45% ответов).

57% опрошенных сочли патриотами самих себя, а 30% — не сочли. Чаще прочих считали себя патриотами представители старшего поколения (65%) и люди с высшим образованием (69%). При этом первые более строго, чем в целом респонденты по выборке, относились к обсуждавшимся критериям патриотизма, а вторые — наиболее мягко [4].

По данным ФОМ, чувство гордости от осознания себя гражданином России в начале 2010-х гг. возникало у пятой части (21%) опрошенных, у 36% с этим была связана обида за страну, а у 17% ощущение себя гражданином России вообще не вызывало ника-

ких чувств [см. 5]. По данным совместного исследования Института социологии РАН и ИСПИ РАН, 37% часто и 48% иногда испытывали стыд за нынешнее состояние страны [1].

При этом обнаруживались и любопытные феномены, демонстрировавшие специфику российского патриотизма. Например, сравнительное исследование, проведенное в 1990 г., показало, что доля граждан, которые гордились быть гражданином своей страны, у нас была ниже, чем в западноевропейских странах (все-го 53%), однако доля готовых сражаться за свою страну — выше, чем в большинстве из них, и выше, чем доля испытывающих чувство гордости (66%) [9]. Т. е. для наших сограждан было характерным сознание «своей страной не горжусь, но воевать за нее буду», не характерное для европейцев.

Вообще опросы того времени демонстрировали невысокий уровень патриотизма в современной России. Так, в десятке наиболее значимых ценностей отсутствовали такие, которые были бы связаны с общероссийской групповой идентичностью, — «Родина», «патриотизм», «Национальная культура» и др. [6]. А в еще более раннем исследовании выяснилось, что среди качеств, приписываемых респондентами русскому человеку, патриотизм оказался лишь на 8-м месте (по количеству упоминаний), причем его упомянули лишь 9,5% опрошенных [16]. Оценки более позднего времени тоже сводились к констатации «депатриотизации сознания наших сограждан» [8, с. 52], «затянувшегося духовного кризиса, поразившего общество, одним из проявлений которого стало значительное снижение уровня патриотического сознания россиян» [там же, с. 160]. Симптоматично и то, что в современной российской Конституции термины «патриот» и «патриотизм» вообще отсутствуют, а понятие «Родина» встречается лишь 1 раз [6]. В то же время трудно не согласиться и с тем, что «патриотические чувства есть у большинства людей, и это подтверждают многочисленные социологические опросы» [там же, с. 27].

Показательным феноменом является и «социальное расслоение» патриотических чувств. Так, в начале 2000 гг. патриотические суждения поддерживали 51,5% бедных россиян (что, впрочем, тоже немного) и лишь 22,4% богатых [14].

Однако с начала 2014 г. ситуация существенно изменилась: стал наблюдаться значительный подъем патриотизма, связанный с рядом известных обстоятельств: «в последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» [8, с. 345]. Согласно опросам «Левада-центра», во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81% россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализа-

тором второй волны патриотизма стало вхождение Крыма в состав России. У 88% респондентов это событие вызвало положительные эмоции — одобрение, гордость за страну, чувство торжества справедливости, радость. Однако, по мнению экспертов, «патриотический эмоциональный всплеск», вероятнее всего, продлится недолго: для долгосрочного эффекта нужны успехи внутри страны, в частности, в социальной и экономической сфере [10].

Еще ранее — в феврале 2014 года эксперты Института современной России при содействии социологов «Левада-центра» провели опрос, направленный на выяснение того, как россияне понимают патриотизм. Опрос показал, что большинство россиян считают, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране. Именно так 68% россиян ответили на вопрос «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?». По мнению 27% опрошенных, «быть патриотом» означает работу (действие) во благо страны, 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Несколько чаще выбирали эти два варианта ответа респонденты с высшим образованием. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве случаев видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% молодежи патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% — стремление к изменению положения дел в стране. Исследование показало, что в целом, по сравнению с 2000 годом, когда был проведен аналогичный опрос, представления россиян о патриотизме практически не изменились. Однако количество респондентов, отметивших, что понятие патриотизма включает работу во благо страны, уменьшилось на 8%, и на 6% сократилось число россиян, связывающих патриотизм с необходимостью защиты страны от любых нападков и обвинений [10].

Опрос показал также, что для подавляющего большинства россиян — 84% — патриотизм означает «глубоко личное чувство», при этом, по мнению опрошенных, каждый человек сам должен определять, что патриотично, а что нет, только 9% опрошенных считают, что определение патриотизма находится в руках государства. Впрочем, респонденты в возрасте от 55 лет и пенсионеры несколько чаще отмечали, что государство должно определять, что патриотично, а что нет [там же].

По мнению значительного количества опрошенных, патриотизм далеко не всегда означает поддержку власти. С мнением о том, что «Патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была», в той или иной степени согласились чуть более 23%, а 82% не со-

гласились с мнением о том, что те, кто критикует действующий режим, не являются настоящими патриотами [там же], т.е. получила подтверждение возможность «критического патриотизма».

Ответы респондентов были соотнесены и с пониманием патриотизма как чувства гордости за свою страну. Как показал опрос, россияне большей частью гордятся природными богатствами России (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Гораздо меньшее количество наших сограждан испытывает чувство гордости за достижения страны в социальной и экономической сфере: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 5,2% — системой образования, 5,4% — экономическими успехами и, еще один тревожный показатель, — только 7,9% россиян гордятся *своими согражданами* [10].

Среди существующих интерпретаций данного исследования отметим, в связи со сказанным выше о возможности различных форм патриотизма, что «патриотизм в России принимает различные формы», а также то, что «большинство россиян считает, что патриотизм — это глубоко личное чувство, не поддающееся системному регулированию сверху» [там же].

В преддверии Дня России — 11 июня 2014 г. — ВЦИОМ представил данные еще одного опроса — о том, какие чувства россияне испытывают к нашей стране, кого считают патриотами, а кого — нет [19]. Отвечая на вопрос о том, кто *не* является патриотом, большинство респондентов — 84% — выразили мнение о том, что, прежде всего, это человек, не чувствующий любви к России. Две трети опрошенных — 68% — полагают, что патриотом не может быть тот, кто хочет переехать в другую страну. Еще 66% россиян считают главным проявлением непатриотических чувств уклонение от службы в армии. 66% уверены, что истинный патриот никогда не будет давать или брать взятки, 63% — что он не будет уклоняться от уплаты налогов. Для 65% опрошенных главным признаком, отличающим истинного патриота, является знание государственной символики России. 53% респондентов считают, что патриотом не может быть человек, имеющий счета за границей, 52% — что им не может быть человек, работающий в некоммерческой организации, которая финансируется из-за рубежа. Для 51% опрошенных отсутствием патриотизма является отказ от участия в выборах, тогда как 40% участников опроса с этим не согласились. 47% респондентов полагают, что гражданин, публично высказывающий мнение, противоположное государственной позиции, не является патриотом, а 44% убеждены, что он все же может искренне

любить свою страну и быть ей преданным. Мнения респондентов о том, как охарактеризовать человека, имеющего двойное гражданство, также разделились: 48% думают, что его можно назвать патриотом, а 43% с этим в корне не согласны. По мнению 62% опрошенных, желание вступить в брак с иностранцем не означает, что человек не может питать патриотических чувств к своей стране, а не согласны с этим 30% респондентов. 65% опрошенных также не видят препятствий для того, чтобы назвать патриотом человека, работающего в иностранной фирме, с чем не согласны 29% участников опроса [19].

Рассмотренные результаты эмпирических исследований патриотизма позволяют сделать ряд *общих выводов* относительно природы этого понятия и его восприятия нашими согражданами.

Они в целом подтверждают адекватность приведенных выше определений патриотизма, в частности, *чувства любви к Родине как его основы*, и демонстрируют, что восприятие патриотизма гражданами в общем строится в русле существующих определений, хотя в различных ситуациях на первый план выходят те или иные его аспекты. Вместе с тем эмпирические исследования дают основания для некоторых уточнений.

1. Для граждан особенно существенен поведенческий компонент патриотизма — патриотическое поведение для них имеет куда большее значение, чем патриотические речи и заявления. При этом существенное значение для многих из них имеют и такие «поведенческие» проявления патриотизма, как воздержание от дачи взяток, исправная уплата налогов и отсутствие эмиграционных намерений.

2. Как уже отмечалось, достаточно выражена «локальная привязка» патриотизма в виде соответствующего отношения не только к своей Родине, но и к своей семье, своим детям, своей профессии и т.д. Как отмечают социологи, «Сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями ... Самоопределение «мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела» доминирует в нынешнем российском обществе» [17, с. 62].

3. В восприятии россиян патриотизм включает не только социальный, но и «физический» компонент — в виде бережного отношения к родной природе. В данной связи возникает вопрос о возможности считать патриотами тех наших многочисленных сограждан, которые выбрасывают мусор где попало, загрязняют окружающую их природную среду и вообще ведут себя на родной земле так, как будто это не их родная земля.

4. Часто понятие патриотизма персонифицировано, ассоциируется с конкретными личностями и иллюстрируется их примерами.

5. Патриотическое отношение к нашей стране часто сочетается с критическим отношением к ней и острой неудовлетворенностью ее нынешним состоянием. Эмпирически подтверждается распространенность «критического патриотизма», а полная удовлетворенность происходящим в стране скорее выглядит как индикатор неразвитости, как минимум, когнитивной составляющей патриотизма. «Истинное отношение патриота к своему Отечеству характеризуется как конструктивно-критическое и творчески созидательное» [8, с. 103–104].

6. Такой атрибут патриотизма, как чувство гордости за страну, не носит «тотального» характера и очень избирательно проявляется в отношении различных сторон состояния страны и разных фрагментов ее истории. Это делает данный показатель патриотизма очень неопределенным и нуждающимся в уточнениях в каждом конкретном случае.

7. Подтверждается необходимость выделения различных видов патриотизма, а также, при сохранении общего ядра, цементированного, например, любовью к Родине, обнаруживается большое количество его трактовок. Констатируется и то, что «патриотизм в России принимает различные формы» [8, с. 348].

8. Существует большой разброс мнений в отношении частных проявлений патриотизма (непатриотизма), таких как двойное гражданство, работа в иностранной фирме, готовность вступить в брак с иностранцем и т.п. Может возникнуть намерение вообще исключить подобные обстоятельства из числа критериев патриотизма, однако большое количество респондентов, придающих им значение в данном качестве, не позволяет этого сделать.

9. Достаточно заметное место в феноменальном поле наших сограждан, наряду с понятием патриотизма, занимает и понятие непатриотизма,¹ а то, кто является патриотом, нередко определяется от противоположного — кто им *не* является. Вместе с тем, как обычно бывает в подобных случаях, трудно судить о том, являются ли патриотизм и непатриотизм полюсами единой школы, как и о том, означает ли непатриотизм лишь отсутствие качеств, свойственных патриотам, или же наличие каких-то особых «непатриотических» качеств.

¹ Иногда в качестве антипода патриотизма рассматривается «национальный негилизм» [8, С. 6].

Результаты эмпирических исследований также демонстрируют, что, несмотря на «спонтанный рост патриотизма в результате таких событий, как включение Крыма в состав России или успешное выступление россиян на Сочинской Олимпиаде, *необходимы целенаправленные меры по повышению уровня патриотизма в нашем обществе*. Тем более, что, как отмечают исследователи, «многие молодые люди понимают необходимость патриотизма, но патриотами становиться не спешат» [8, с. 146].

Возрождение патриотизма

Регулярно отмечается, что одним из главных ресурсов возрождения патриотизма в российском обществе является *система образования*, поскольку образовательная сфера относится к числу ведущих, определяющих институтов воспитания в обществе и государстве. Констатируется и ее крайне неудовлетворительное состояние в этом плане вследствие пережитых ею псевдолиберальных реформ, «отстранение школы от воспитательной функции» [9, с. 81]. В результате «возрождение патриотизма в системе образования и воспитания подрастающего поколения, откуда он был сметен мутными потоками «перестройки», является одной из первостепенных и неотложных задач» [там же, с. 77].

Вместе с тем «Процесс воспитания патриота — процесс непрерывный» [8, с. 156] и не должен заканчиваться в школе. В частности, предлагается дополнить перечень принципов государственной службы принципом патриотизма [там же, с. 160]. Выделяются и три основных компонента патриотического образования: патриотические знания, патриотические навыки и патриотическое действие [8, с. 153]. А среди препятствий воспитанию патриотизма отмечаются отсутствие общенациональной идеи и декларативный характер патриотического воспитания, антипатриотичность СМИ, отсутствие эффективных мотиваций к патриотическому поведению [там же, с. 163]. Большие надежды возлагаются на итоги выполнения Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» и другие подобные меры. Очень хотелось бы, чтобы эти надежды оправдались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2011.

2. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
3. *Зверев В.О., Морозов А.А.* Патриотизм как нравственная ценность в политике России и социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. №1. С. 67–70.
4. Кто такой патриот? // Социальная реальность. 2007. №6. С. 65.
5. *Мытиль А.В., Дудченко О.Н., Иноземцева В.Е.* Кому и зачем нужна профессиональная психологическая помощь? М., 2013.
6. Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012. Т. I, II.
7. Патриотизм // Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Патриотизм>
8. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И.В. Бочарникова. М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2015.
9. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: АЛЬФА-М, 2013.
10. Подмена понятий: патриотизм в России: <http://www.levada.ru/27-05-2014/rodmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii>. Дата обращения — 29.05.2014.
11. Послание Президента Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ // Рос. Газета. 2008. 6 ноября.
12. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
13. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
14. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004.
15. *Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ, 1998.
16. *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. Москва: Механик, 1996.
17. *Симонян Р.Х.* Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №3. С. 60–71.
18. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
19. Что значит «быть патриотом»? : <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857>. Дата обращения — 29.05.2014.

Сергеев В.К.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА КАК УСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ, БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОЦВЕТАНИЯ РОССИИ

Сергеев Владимир Кириллович, к. ист. н., д. с. н., заслуженный работник культуры РФ, dr-sergeev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются состояние, воспитание и роль патриотизма как важнейшего консолидирующего, созидательного фактора в развитии российского государства и общества, прослеживается динамика патриотического сознания россиян как отражение социальных, политических и экономических реалий в стране и в мире.

Abstract: The questions of the status, the problems of education of patriotism and its role as an important consolidating and creative factor in the development of the Russian state and the society are considered in this article. The article observes the dynamics of Russian patriotic consciousness as a reflection of the social, political and economic realities in the country and in the world over.

Ключевые слова и словосочетания: патриотизм, патриотическое воспитание, национальная идея, объединяющая идеология, пропаганда, преемственность традиций, государство, общество, личность.

Keywords and phrases: Patriotism, the patriotic education, the national idea, the uniting ideology, the propaganda, the continuity of the traditions, the state, the society, the identity.

*«Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»
Александр Пушкин*

*«Важно, чтобы ты был готов умереть
за свою страну; но еще важнее,
чтобы ты был готов прожить жизнь
ради ее.»
Теодор Рузвельт*

Россия, постепенно выбираясь из кризиса, все уверенней входит в фазу подъема, возвращаясь в число ведущих держав мира, все тверже отстаивает на мировой арене интересы свои и своих союзников, которых становится больше и больше. Но это вовсе не значит, что уменьшается число врагов, конкурентов, недоброжелателей. Нынешний этап развития государства требует от гражд-

дан максимальной концентрации энергии, консолидации, любви и верности родному Отечеству, веры в то, что Россия была, есть и будет державой мирового значения.

Характерной особенностью международных отношений в конце XX — начале XXI столетий стало их обострение, милитаризация, военная экспансия США и стран НАТО с целью свержения неугодных им режимов, получения доступа к энергоресурсам, сохранения доминирования на мировой арене. Тем же целям служат и финансирование и организация «цветных революций» по периметру российских границ.

Зарубежная и отечественная либеральная пропаганда дезинформирует общественность развернули настоящую пропагандистскую войну, навязывая россиянам мнение, что на их родине все плохо, пугая граждан грядущим тоталитаризмом, разлагая подрастающие поколения, проповедуя настроения нигилизма, космополитизма, пренебрежения к родному Отечеству, внушая комплекс вины старшим поколениям, искажая, рисуя в черных тонах советский период развития государства, разобщая старшее и младшее поколения россиян, что негативным образом сказывается на их самосознании и мироощущении, противодействует консолидации граждан России для решения важнейших исторических задач.

Так готовы ли сегодня россияне духовно противостоять существующим угрозам?

В 90-е годы минувшего столетия государство и народы России понесли не только колоссальные материальные, но и духовные потери. Враги России свою экспансию начали не с боевых действий на фронтах, а с разложения душ россиян, прежде всего молодежи. За минувшие годы мы понесли огромные потери духовного, идеологического характера. Провозглашенный либералами лозунг «деидеологизации» всех сфер жизни был коварной, ведущей к разрушению страны политической уловкой.

Объединение, духовный подъем российского общества возможны только на основе великой и возвышенной общей цели, краткая формулировка которой называется общенациональной идеей, а развернутая форма — государственной идеологией.

Именно высокая идея и патриотизм помогали россиянам и в мирное, и в военное время — в борьбе с литовскими, польскими, французскими, японскими, немецкими и иными захватчиками. И в годы Великой Отечественной войны, советским людям любовь к Родине и сплоченность помогали выстоять и победить врага, а изгнав его, в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство

страны, вывести ее на рубежи самых передовых стран мира. Преисполненные ответственности за судьбу родного Отечества, миллионы людей делали свое дело: отправляли корабли в космос, развивали культуру и искусство, крепили оборонную мощь государства.

И сегодня россияне коллективным разумом осмысливают происходящие в стране и в мире события и процессы, вырабатывая стратегию выживания и возрождения в условиях усиливающегося прессинга извне. В этой непоколебимой уверенности в себе и в своей стране, в осознании своей исторической миссии и великой будущности России и сокрыта созидательная национальная идея. Та идея, реализовывать которую предстоит нынешнему и последующим поколениям россиян.

Однако у отравленной либеральной пропагандой части молодых россиян в значительной степени были утрачены такие традиционные нравственно-психологические черты, как созидательный романтизм, патриотизм, самоотверженность, вера в добро и социальную справедливость, стремление к самосовершенствованию и поиску идеала, к реализации не только личных, но и социально значимых интересов и целей. События 90-х годов повлекли за собой девальвацию таких понятий, как гражданский долг, ответственность перед обществом, патриотизм.

Разрыв межпоколенных связей создал угрозу духовной, нравственной деформации сознания подрастающих поколений. Основными причинами этого являются забвение историко-культурных традиций, развал системы патриотического воспитания, хотя последнее служит одним из ведущих направлений воспитания и должно выступать неотъемлемой составной частью всей деятельности по формированию у подрастающих поколений готовности к выполнению важнейших социальных функций в различных сферах жизни государства и общества.

Сравнивая ключевые события разных исторических эпох, при различных общественно-политических условиях можно увидеть, что тем общим, что помогало России и россиянам выжить и победить, были высшие патриотические чувства народа, его сплоченность, способность поступиться благами настоящего ради великого будущего.

Сегодня, как никогда раньше, Россия нуждается в эффективной системе патриотического воспитания. Политические и экономические реформы не могут быть успешными, если образование, культура, просвещение молодых поколений россиян будут лишены столь необходимого компонента, как воспитание патриотического

сознания. Однако реальная работа в этой сфере возрождается недопустимо медленно.

Основными факторами, негативно влияющими на процесс возрождения патриотического воспитания, являются: отсутствие концептуальных подходов, целостной программы и достаточного финансирования деятельности, связанной с воспитанием патриотического сознания россиян. Зачастую государством в должной мере не пресекается вредная, разлагающая сознание людей, антигосударственная деятельность ряда партий, политиков, средств массовой информации, рисующих прошлое и настоящее нашего государства и народа исключительно в черных, мрачных тонах, воспитывающих подрастающие поколения в духе нигилизма, космополитизма, преклонения перед Западом. Недруги России стремятся лишить молодежь исторической памяти, гордости за свою страну — основ патриотического чувства, тем самым лишив Россию перспективы возрождения как великой державы.

С другой стороны, очевидны низкий уровень, формализм в деле пропаганды патриотизма со стороны работников образования, просвещения, культуры и искусства; отсутствие массовых молодежных общественных организаций и движений, ставящих перед собой в числе приоритетных задачу патриотического воспитания молодежи; недостаточно внимания к проблеме преемственности патриотических традиций.

Одним из важнейших элементов государственности, гарантом сплоченности общества, его стабильности и поступательного развития, способности защищать свои интересы от внешних угроз являются Вооруженные Силы и военно-промышленный комплекс России. Однако наши доморощенные либералы прозападной формации постоянно навязывают общественности мнение о том, что России не нужна большая и мощная армия, так как в современных условиях у нее нет врагов. Это ложное утверждение, рассчитанное на непосвященного обывателя. У каждого государства есть как реальные союзники, так и потенциальные враги, в том числе и у России. Об этом, в частности, свидетельствуют события последних лет — организация государственных переворотов и революций по всему периметру российских границ, размещение войск НАТО в ряде стран бывшего СССР и Варшавского договора, события в Сербии, Иране, Египте, Ливии, Сирии...

На протяжении всей истории армия и флот были оплотом российской государственности, а государство и народ ничего не жалели для своих Вооруженных Сил. Создание мощной армии, способной защитить россиян от любого агрессора, восстановление

традиций любви и уважения народа к ней — первостепенная государственная задача и одновременно мощный стимул воспитания патриотизма.

Тема патриотизма, патриотического воспитания всегда была в сфере внимания Московского института социально-культурных программ и Института социально-политических исследований РАН. Отмечая развал работы по патриотическому воспитанию россиян и, в этом контексте, москвичей, в 90-е годы, исследователи констатируют начало процесса возрождения этой деятельности, как на государственном, так и на общественном уровне, с начала 2000-х годов и, в особенности, в последние годы, что положительно сказалось на состоянии патриотического сознания граждан.

Результаты проводившихся совместно исследований свидетельствуют, что если в 1987 году, до развала СССР, патриотами считали себя 93% опрошенных, то в 2001 году, в период упадка страны, патриотов было лишь 39%, в 2003 году, когда страна стала вновь набирать силу, число считающих себя патриотами возросло до 59%. А к 2015 году, когда страна сплотилась в условиях организованного США переворота и гражданской войны на Украине, когда в результате волеизъявления народа к России присоединился Крым, когда Вооруженные Силы России продемонстрировали свою боевую мощь в Сирии, когда в условиях развернутых в отношении России западными странами санкций начали стремительно развиваться российская экономика и сельское хозяйство, доля респондентов, считающих себя патриотами выросла до 75%, такое же число участников опроса отметили, что гордятся своей Родиной, а более 78% — тем, что являются гражданами России.

Чувство патриотизма, любви к Родине — воспитывается и развивается вместе с развитием, становлением самой личности, заходясь в раннем возрасте и трансформируясь под влиянием множества факторов. Время, которым подросток, молодой человек располагает по своему усмотрению, принято называть свободным. Анализ его структуры дает представление о степени социализации личности, ее образовательном и культурном уровне, ценностных ориентациях, чертах характера.

Патриотизм, активная гражданская позиция, любовь к родному Отечеству, гармоничное сочетание личных и общественных интересов — необходимые, жизненно важные условия развития личности, формирования ее идеалов, мировоззрения, норм поведения, социализации. На формирование чувства патриотизма человека оказывают воздействие множество различных факторов — семья, школа, те или иные общественные организации, в

деятельности которых он участвует, средства массовой информации, уровень жизни, уверенность в завтрашнем дне, знание истории родной страны, уровень культуры, мощь и авторитет государства в мире и т.п.

Человек, лишенный чувства патриотизма, духовно ущербная, недоразвитая личность. Поэтому воспитание патриотизма граждан — задача такая же важная и необходимая, как развитие медицины, образования или укрепление оборонной мощи государства. Патриотизм — это то, что дает человеку уверенность в настоящем, связывает его с прошлым его страны и его рода, и помогает ему в созидании будущего.

Можно выделить следующие разновидности патриотизма: государственный (державный) патриотизм, социально-психологический (эмоционально-чувственный), национальный (русский, чувашский, татарский и т.п.), местный (по отношению к малой родине), советский, военно-политический, религиозный, имперский и т.д.

Все эти разновидности патриотизма могут сочетаться в человеке в той или иной степени, в тех или иных пропорциях, но в любом случае он является духовно-нравственной основой личности, важнейшим ресурсом ее созидательной энергии, а значит и важнейшим фактором развития общества и государства. Патриот — это человек, любящий страну, в которой родился, своих соотечественников, бережно относящийся к языку, на котором говорили его предки и говорит он сам, изучающий и гордящийся традициями и обычаями своего народа, его героическим прошлым и созидательно, по хозяйски относящийся к настоящему родного Отечества.

Именно поэтому первейшая задача государства — воспитать патриота. Именно поэтому первейшая задача разрушителей государственных основ — убить в человеке патриота.

Недоброжелатели России придумали множество способов, изобрели изощренные технологии по дискредитации патриотизма и патриотов. Исследователь этой проблемы, И.М. Ильичева систематизирует эти методы следующим образом: отрицание патриотизма как свойства «негодяев», как анахронизм или даже как вовсе не существующее понятие; извращение сущности патриотизма, сведение его лишь к местному, оценка его как интимного, отождествление его лишь с государственной идеологией, постановка знака равенства между патриотизмом и национализмом или оценка патриотизма как не поддающегося воспитанию; клевета на носителей патриотизма — на всех русских, на ветеранов, на гениев русского народа, на прошлое России, преклонение перед американским.

Смена политических акцентов и тенденций, наполнение новым содержанием российской действительности привели в 90-е годы к противоречивым трактовкам таких понятий, как «Родина», «патриотизм», «национализм». В либеральной среде оказавшихся в то время во власти и в чести «западников» и в большинстве СМИ того времени они получили негативную окраску. С их подачи такая негативная трактовка стала внедряться в обыденное сознание.

В «путинскую эпоху» 2000-х годов политическая и экономическая ситуация стала меняться к лучшему. Страна начала подниматься с колен, рос ее авторитет на международной арене. Новые люди пришли к власти в стране, новые лица появились на экранах телевизоров. И дела, и слова стали иными. Уходит в прошлое официальная либеральная ложь, лицемерие и клевета на русский народ, российскую историю и действительность. Люди стали смотреть на мир своими глазами, а не через кривые зеркала западной и доморощенной прозападной пропаганды. В это новое время и началось возрождение массового патриотизма россиян.

Что же подразумевают респонденты сегодня под понятием «патриотизм»?

На 1-м месте — национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу (24%); на 2-м — любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни (18%); на 3-м — стремление трудиться для процветания Родины, чтобы она была самой авторитетной, мощной и уважаемой страной в мире (17%); на 4-м — бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения (15%); на 5-м — интернационализм, готовность к сотрудничеству с представителями других наций и народов в интересах России (8%); на 6-м — отрицание какого-либо значения национальной принадлежности как устаревшего в современном мире понятия, поскольку все мы — «просто земляне», граждане мира (5%); на 7-м — патриотизм как политический инструмент манипулирования личностью и обществом в интересах правящей элиты государства (5%); на 8-м — патриотизм лишь как романтический образ, литературная выдумка (3%); другое мнение — 1%.

Деятельность по патриотическому воспитанию, пропаганде национальных ценностей культуры, литературы, искусства, достижений в сфере экономики, мощи и исторической славы вооруженных сил должна рассматриваться в динамике как процесс, обладать всеми признаками сложной, комплексной постоянно действующей и развивающейся системы.

История страны, в которой ты живешь, героические события прошлого, самоотверженные подвиги дедов и отцов являются живительными источниками патриотического воспитания, патриотического сознания и гражданственности для подрастающих поколений. Школой мужества, героизма, испытанием силы воли, мужества и любви к Родине для миллионов граждан России на фронте и в тылу стали события Великой Отечественной войны. Опыт, представления и оценки сегодняшних событий в стране и мире представителями этого поколения, без сомнения, полезны делу современного обустройства новой России.

«Необходимо, не жалея сил, предельно аргументировано разоблачать и разоблачать фальсификаторов, где бы они ни окопались. Это наш святой гражданский и научный долг! Ведь пепел фашистских лагерей по-прежнему стучит в нашу грудь...» — пишет академик Г.В. Осипов. — И эта работа приобрела первостепенное значение именно сейчас, когда против России широким фронтом развернулась широким фронтом организованная США и странами НАТО гибридная война, а все ближе к нашим границам подступает самая настоящая, полномасштабная война с применением всех видов современного оружия.

«США уже не в первый раз демонстрируют свою убежденность в том, что международное право для них в настоящий момент — это не более чем право сильного.» — справедливо отмечает депутат Государственной Думы РФ, выдающийся артист и настоящий патриот Иосиф Кобзон.

Сложившиеся на сегодня развитие отношений между новой Россией, европейскими странами и США в полной мере можно назвать кризисными. Горбачевско-ельцинские заигрывания с Западом оставили после себя весьма плачевные результаты, колоссальные материальные и духовные потери. Да иначе не могло и быть.

Геостратегические интересы России, европейских стран и США во многом не совпадали в минувшие годы, не совпадают и сегодня. И за усыпляющей политической риторикой невозможно скрыть реальных действий и намерений наших вчерашних «друзей» и «партнеров». Стало очевидно, что России не обойтись без собственной, самостоятельной внешней политики, она «обречена» самой историей быть великой державой.

На вопрос о том, сможет ли Россия стать снова великой державой, наши респонденты в 72% случаев дали положительный ответ, 18% — затруднились с ответом и лишь 7% — дали ответ отрицательный.

Число россиян, которые гордятся тем, какое политическое влияние Россия имеет в мире, с 2013 года выросло с 45% до 70%, а поддерживающих российскую армию и признающих ее мощь — с 48% до 80%.

По мнению 57% респондентов, для объединения общества и скорейшего экономического прорыва нужна спланирующая и мобилизующая народ национальная идея. Какая именно? Обобщающим фактором ответов наших респондентов является стремление к коллективизму, соборности, возрождению государственного патриотизма. Совсем не нашлось места крайнему индивидуализму, усердно культивируемому в России либеральными демократами.

Новая Россия представляется людям как страна, которой гордятся и которую любят, в которой господствуют социальная справедливость, благополучие, мир и добрососедские отношения с другими странами. Картина рисуется весьма идеалистическая, но окрашенная любовью к Родине с оттенками ностальгии по лучшим временам СССР. Однако при этом никто не хотел бы возвращаться ни в советское, ни, тем более, в «перестроечное» или «постперестроечное» прошлое. Россияне устремлены в будущее, считая при этом, что в это будущее необходимо захватить с собой, все то лучшее, что было накоплено минувшими поколениями россиян.

Для решения современных проблем патриотического воспитания, возрождения патриотического сознания россиян необходимо вспомнить и осмыслить истоки массового патриотизма в период индустриализации страны, в годы войны, а затем восстановления разрушенной фашистами экономики, мировых достижений в сфере науки, образования, медицины, промышленности, социальной защиты. Государственная политика должна стремиться к тому, чтобы каждый человек осознавал свое место в этой новой жизни, гордился своим прошлым и был уверен в будущем. Именно народная память о великом прошлом и вера в справедливое будущее способны объединить нацию сегодня. Так формируются национальное самосознание и такая великая объединяющая идея, как патриотизм.

Еще в июне 2003 года Президент России В. В. Путин сказал очень точно: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия, — это, конечно, патриотизм. Нам недостаточно вспоминать, какими мы были великими, талантливыми и красивыми. Надо, чтобы мы и сегодня были такими».

За истекшее с тех пор время в этом направлении было сделано много. Но еще больше предстоит сделать. Для решения задач,

стоящих сегодня перед страной, необходимы объединенные усилия всего народа. «У нас не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. — повторяет сегодня снова президент. — Это и есть национальная идея».

Что ж, народ голосует «За!». Объединяющая патриотическая идеология, исторически основанная на высокой духовности, как это было и раньше, сегодня вновь востребована всеми слоями российского общества. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты наших исследований. И государственные и общественные структуры обязаны объединенными усилиями систематизировать этот процесс, направив его в созидательное русло.

Нет, не утратили своего великого смысла слова Владимира Маяковского: «Отечество славлю, которое есть».

Но трижды — которое будет!»

Библиография:

1. *В. Н. Иванов, В. К. Сергеев.* Всегда Великая Победа. — М.: Серебряные нити, 2006. — 240 с.
2. *В. Н. Иванов, В. К. Сергеев.* «Русский мир» и социальные реалии. — М.: Серебряные нити, 2008. — 330 с.
3. *И. М. Ильичева.* Введение в психологию духовности. — М.: МПСИ, 2006. — 350 с.
4. *Б. Ю. Кагарлицкий.* Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. — 576 с.
5. Война и мир: роль духовной культуры в воспитания патриотического сознания. Материалы научно-практической конференции. — М.: Серебряные нити, 2006. — 143 с.
6. Научные труды Московского института социально-культурных программ. Т. I. — М.: «Академика», 2008. — 616 с.
7. *Николай Ефимов.* О патриотах, негодях и Родине / Независимая газета от 24 июня 2000 г.

Осадчая Г.И.

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

THE MODEL OF SOCIAL POLICY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Г.И. Осадчая, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по научной работе, заведующая сектором методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции ИСПИ РАН, Москва, e-mail: osadchaya111@gmail.com

G.I. Osadchaya, doctor of Social Sciences, professor, deputy director of the Institute for Socio-Political Studies of Research, Head of Sector of the research methodology of socio-political processes of Eurasian integration ISPR RAS, Moscow, e-mail: osadchaya111@gmail.com

Аннотация: В статье обоснованы роль и место социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС в обеспечении эффективности интеграции, предложены методологические основания разработки социальной модели евразийского союза и её социального измерения, раскрыта сущность модели наднациональной социальной политики и её влияния на социальные политики государств-членов ЕАЭС, обоснована первоочередная необходимость согласования социальных действий в области политики занятости ЕАЭС, предложены меры по актуализации социальной политики России в обеспечении свободного движения рабочей силы, как основного принимающего государства и общества.

Abstract: In the article the role and place of social interaction EAEC member countries in ensuring the effectiveness of integration, proposed the development of methodological foundations of the social model of the Eurasian Union and its social dimension, reveals the essence of the model of supranational social policy and its impact on social policy states — members of the EAEC, justified the need for primary coordination of social action in the field of employment policy EAEC, proposed measures to mainstream social policy in Russia in ensuring the free movement of labor as the main host state and society.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, эффективности интеграции, социальная модель, социальное измерение, наднациональная социальная политика, политика занятости, свободное движение рабочей силы.

Key words: social interaction, the efficiency of integration, social model, the social dimension, supranational social policy, employment policy, free movement of labor.

Заметным событием в новейшей истории мира стало создание Евразийского экономического союза, который начал свою работу 1 января 2015 года. В базовом документе, определяющем, порядок интеграции — Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) — декларированы приоритетные цели:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики¹.

В качестве интеграционной модели утверждена институциональная модель, предусматривающая скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза в соответствии с основными принципами и целями Союза; создание наднациональной системы управления (Высший Евразийский экономический совет, включая вспомогательные органы: советы руководителей государственных органов Сторон, рабочие группы, специальные комиссии; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд Евразийского экономического союза) и утверждение бюджета Союза. В документе определен вектор интеграции, предполагающий только её экономическое измерение.

Достижение интеграционных целей, с нашей точки зрения, призвано сформировать новое поле представлений не только о едином экономическом, но и социальном пространстве, евразийской социальной безопасности, наднациональной социальной политике и социальной политике стран, вошедших в новое интеграционное объединение, социальной защите населения.

Обращаясь к мировой практике интеграционных процессов, в том числе к наиболее успешному опыту последних десятилетий — созданию мощной интегрированной европейской зоны — ЕС, можно с уверенностью утверждать, что успех евразийской интеграции детерминирован социальным становлением ЕАЭС, эффективным социальным взаимодействием его государств-участников. Экономические задачи невозможно решить вне решения социальных, а

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ [Дата обращения 3 марта 2015 г.]

социальные эффекты проекта не станут следствием действия рыночных рычагов. В экономической интеграции участвуют люди, поэтому евразийская социальная модель не может не быть частью интеграции. Укрепление солидарности, сотрудничества между народами при уважении их истории, культуры, традиций, гармоничное развитие и сближение стран¹ [6], признаваемые основанием для создания союза, требуют понимания необходимости разработки концепта социальной политики евразийского союза, социального направления евразийской интеграции, обоснования методологии социального измерения.

Сегодня, к сожалению, в отечественной науке и практике роль и место социального взаимодействия государств-членов Союза недооценивается, не ведется разработка его концептуальной конструкции, как действенного наднациональным способа реализации интеграционного процесса, инструмента социальной безопасности ЕАЭС. Поэтому определение конкурентоспособной социальной перспективы, разработка форм социального направления интеграции, являющихся условием расширения социальной базы, важны теоретически и практически.

С нашей точки зрения, для построения модели социальной политики продуктивными являются идеи: происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина; социального государства Т. Маршалла; необходимости вмешательства государства средствами социальной политики в разрешение конфликтов Т. Парсонса; правового государства Д. Локка, Вольтера; подконтрольности государства гражданскому обществу Р. Найера; государственного регулирования рыночной экономики Д. Кейнса; об особенностях восточных стран и, прежде всего, России, в которой, в отличие от западно-европейских стран, где при ослаблении государства на поверхность выходит гражданское общество, при ослаблении государства — рухнет все, А. Грамши.

Важный материал для построения модели социального взаимодействия государств-членов ЕАЭС, а также гражданского общества стран — содержится в работах российских коллег: В.В. Антропова (2006); Ю.А. Борко (1975), О.В. Буториной (2006), Л. И Глухарева (1995), М.В. Каргаловой (1999, 2010), А.Ф. Храмцова (2005), Л.В. Церкасевича (2003) и других.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.).
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ [Дата обращения 3 марта 2015 г.].

Интерес по проблемам разработки наднациональной социальной модели имеют работы зарубежных коллег, анализирующие становление и развитие европейской социальной политики: М. Араха, Е. Д. (1998), Брозе (2005), Р. Баубока (1994), Б. Дикона (1997), К. Коукера (2000), Д.П. Розанваллона (1997), Д. Сиджански (1998).

Сложность решения этой задачи состоит в том, что все государства-члены ЕАЭС имеют свои национальные особенности социальных моделей, определяемые институциональным своеобразием, разным уровнем экономического развития, разными экономическими возможностями в обеспечении населения определенным уровнем и качеством жизни. При всей общности исторических корней, население стран-членов ЕАЭС обладает значительными особенностями в культуре, повседневных практиках, менталитете, что также обуславливает специфику социальной сферы стран, как пространства реализации социальной политики.

Модель наднациональной социальной политики представляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках определенной наднациональной стратегии данного интеграционного объединения. Именно она определяет роль субъектов наднациональной и национальной социальной политики, (государства, семьи, бизнеса, неправительственных организаций, гражданского общества), характер социально-трудовых отношений, принципы перераспределения национального дохода, обеспечения достойных стандартов жизни в условиях рыночной экономики, нейтрализации рисков в интересах повышения уровня и качества жизни населения интеграционного объединения. Модель наднациональной социальной политики включает в себя общие для всех государств-членов ЕАЭС элементы социальной политики, отличающие Евразийский экономический Союз от других интеграционных объединений. В её нормативной базе закрепляются, устанавливаются минимальные значения показателей, выступающих индикаторами, стандартами социального благополучия и справедливости в ЕАЭС. Модель социального взаимодействия призвана эффективно сочетать межгосударственное целеполагание, национальные формы принятия решений и межправительственные практики. Принципиально важно, чтобы на уровне ЕАЭС было утверждено нормативное представление о том, что социальная политика, реализующая принципы социальной справедливости и социального выравнивания способствует достижению экономических целей ЕАЭС.

Важной частью модели социального взаимодействия стран-членов ЕАЭС и условием ее успешной реализации является социальное измерение интеграционных процессов. Его задачей является оценка социальной эффективности и социальных последствий объединительных процессов в режиме мониторинга. Структура социального измерения опирается на 3 группы показателей: ресурсные, процессуальные и результативности, включая объективные и субъективные, нормативные и фактические, оптимальные и минимальные. 1 группа — финансовое и информационно-технологическое обеспечение, инфраструктурная среда социальной сферы (объемы финансирования социальных программ, количество и качество элементов социальной инфраструктуры (медицинской, образовательной, социального обслуживания), кадрового обеспечения социального воспроизводства населения). 2 группа — управленческие, меры принятые для достижения целей евразийской интеграции (принятые документы, количество реализуемых программ, количество и качество мероприятий, направленных на решение реальных (конкретных) социальных проблем). 3 группа — самая важная, с точки зрения, оценки социальной эффективности интеграционных процессов. Она позволяет дать характеристику изменений в жизни населения, оценить движение к поставленной в Договоре о создании евразийского экономического союза цели (рождаемость и смертность, миграция, занятость и безработица, уровень жизни, доходный и имущественный статус, жилищные условия, доступность качественных услуг, социально-психологическое самочувствие, социальные удовлетворенность, ущемленность, напряженность, идентичность, толерантность, конфликтность). Показатели 1 и 2 групп могут здесь рассматриваться как факторы результативности.

Интегральными показателями являются: «здоровая средняя продолжительность жизни» и «социальная солидарность» (социальное единство или более привычная, используемая в дискурсе о европейской интеграции — социальная сплоченность).

К числу обобщающих мы относим показатель «здоровая средняя продолжительность жизни» потому, что именно в нем фокусируются все условия жизни, именно он характеризует её качество и не только материальные условия, но и социально-психологические.

Показатель социальной солидарности (социального единства или социальной сплоченности) также является комплексным, характеризующим успехи интеграции, наднационального социального взаимодействия и национальных социальных политик. Степень интеграции группы, общности, общества, обществ включает

характеристику уровня единства ценностных ориентаций, прочности межличностных, межэтнических взаимоотношений, толерантности в системе межэтнического взаимодействия, доверия / недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам, наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. При этом внутrigрупповые связи, показывающие степень совпадений оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, являются показателем меры социальной сплоченности социума интеграционного объединения в целом.

Очевидно, что мониторинг имеет смысл при отслеживании динамики показателей эффективности интеграционных процессов в ЕАЭС в каждой отдельной стране и сравнимости их в межстрановом варианте, соотношении реальных показателей с утвержденными нормативными индикаторами. Наиболее чувствительными показателями социальной реальности к интеграционным изменениям являются: ВВП на душу населения; уровень безработицы; номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; месячная минимальная заработная плата; денежные доходы в среднем на душу населения, субъективные оценки удовлетворенности различными сторонами жизни, поддержка идеи создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического Союза, трудовой миграции в рамках ЕАЭС, идентичность, ценностные ориентации, прочность межличностных, межэтнических взаимоотношений, толерантность в системе межэтнического взаимодействия, доверия / недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам, наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. Хотя мы понимаем, что на изменении их значений могут сказаться и другие факторы. Но они могут быть интерпретированы в ходе анализа.

В настоящее время для наднационального социального взаимодействия государств-членов ЕАЭС особенно важна политика занятости. Именно она обеспечивает реализацию приоритетных целей Договора — формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза, свобода движения рабочей силы, создает предпосылки для роста материального благополучия людей, независимо от страны проживания и обеспечивает финансирование социальной политики.

Рынок труда, представляет собой сложную динамическую социально-экономическую систему, в ткань которой включены многообразные отношения, взаимоотношения и взаимодействия его субъектов. Процесс его формирования в рамках ЕАЭС не прост и очень противоречив.

Свобода движения рабочей силы в пределах нового интеграционного сообщества открывает дополнительные возможности для человека в профессиональной самореализации, повышении уровня и качества своей жизни. Некоторые выгоды свобода перемещения рабочей силы в ЕАЭС может принести и работодателям (увеличение гибкости рынка труда; возможность более оптимально управлять трудовыми ресурсами; снижение производственных издержек). Для государства и принимающего общества преимущества этого положения договора могут быть связаны с увеличением возможностей рынка труда, ростом доходов в бюджет за счет повышения сбора налогов; легализации миграции, с более эффективным решением демографических проблем в принимающем регионе (приток молодых на рынок труда будет способствовать улучшению возрастной структуры населения принимающего общества).

Но возможны и негативные последствия. Можно ожидать роста спроса на рабочие места; увеличения конкуренции рабочей силы в отдельных регионах принимающих стран; появления социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; увеличения социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; роста ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний; националистических проявлений; правонарушений; усиления давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов. Могут иметь место риски социальной дестабилизации.

Формирование рынка труда ЕАЭС потребует от каждого государства-члена ЕАЭС обеспечения равных прав на: трудоустройство; оплату труда; социальную защиту; других социально-правовых гарантий всем участникам этого процесса.

Как показывает наш анализ, вектор миграции, связанной с переездом на постоянное место жительства, и трудовой миграции направлен сегодня и, по прогнозам экспертов, несмотря на экономические сложности, будет направлен из всех государств-членов ЕАЭС в Россию.

Так, начиная, с посткризисного 2010 года, миграционный обмен со всеми государствами-членами ЕАЭС активизировался только у

России и только Россия имеет миграционный прирост за счет мигрантов из этих стран.

По экспертным оценкам и данным эмпирических исследований и мы можем утверждать, что среди населения стран ЕАЭС россияне обладают самым низким потенциалом пространственной мобильности.

Подтверждением этого вывода служат результаты репрезентативного опроса россиян, проведенного ИСПИ РАН в ноябре 2014 года. На вопрос «Хотели бы Вы воспользоваться возможностью, предоставляемой договором между Россией, Беларусью и Казахстаном о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения рабочей силы, и выехать в поисках постоянной или временной работы за пределы своего места жительства?» Выразили желание переехать в другой регион России — 14%, в республику Беларусь — 5%, в республику Казахстан — 3%. Условиями такого переезда названы (вопрос множественный): обеспечение достойной заработной платы — 58%; предоставление служебного жилья — 35%; содействие в приобретении жилья в собственности — 30%; наличие государственных программ, содействующих переезду — 21%; гарантии карьерного роста — 15% и профессиональной самореализации (работа по специальности) — 14%. Относительное большинство (30% от числа респондентов), допускающих возможность своего переезда в другой регион или республику в качестве предпочтительной, назвали заработную плату от 70 до 100 тыс. рублей¹.

Миграционный потенциал РБ оценивается белорусскими экспертами как более высокий. По мнению специалистов Белоруссии² миграционные процессы могут усилиться в силу: реализации планов по сокращению излишней численности работников белорусских предприятий; сохранения разрыва в заработной плате работников при равной квалификации между Россией и Беларусью; усилению кризисных явлений в экономике Беларуси.

Эксперты из Казахстана полагают, что несмотря ни на какие санкции, ни на усложнение правил трудоустройства в России, создание ЕАЭС в перспективе может повлиять на объемы миграции в

¹ Опрос проведен в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (Руководитель проекта Осадчая Г.И. Регистрационный номер: 115071470024) в ноябре 2014 года по общенациональной репрезентативной выборке. Было опрошено 1044 человек, проживающих в 8 федеральных округах, в городах и сельской местности в возрасте от 18.

² Заяц Д. Белорусские гастрабайтеры: кто они, почему нелегалы и сколько зарабатывают. Белорусские Новости. 4 ФЕВРАЛЯ 2013.

сторону их увеличения, а также и на модели трудоустройства казахстанцев в России.¹

В связи с вхождением Армении в состав ЕАЭС, эксперты РА также ожидают увеличения миграционных потоков из Армении в Россию. Отметим, в ходе нашего исследования, эксперты России, оценивая потенциал пространственной мобильности граждан всех государств-членов ЕАЭС, полагают, что миграционный потенциал постсоветского пространства в целом исчерпан.² Миграционный обмен при сохранении социально-экономической и социально-политической ситуации будет поддерживаться на том же уровне. При этом лучшие возможности для возрождения индустриального потенциала страны имеет РБ, так как здесь сохранена материальная база и инженерные кадры. В условиях возникновения потребности производства товаров для ЕАЭС именно в Белоруссии может возникнуть потребность в рабочей силе. В этом случае миграционных потоки могут развернуться в эту сторону.

Как показывает статистика общее число граждан Белоруссии, Казахстана, Киргизии, находящихся в России в последние два года незначительно выросло, Армении — колеблется вокруг значения 450 000 человек. Правда в последние месяцы (после вступления в ЕАЭС) отмечается значительный рост числа трудовых мигрантов. Только за декабрь 2015 года он составил 2%.³

Внутренняя социальная политика России должна действовать в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагируя на новые условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике. Одной из главных проблем России, ограничивающей мобильность кадров, является неразвитость социальной инфраструктуры: системы арендного жилья, нехватка детских садов, слабое развитие легальной системы доступных социальных услуг, а значит, необходимо планомерно решать и эту проблему.

Нам предстоит развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции, которые включают в себя:

1. формирование сети рекрутинговых агентств (государственных, частно-государственных или частных) для поиска работы, трудоустройства, обеспечения информацией

¹ Россию ждет наплыв мигрантов из Армении. <http://www.islamnews.ru/news-147051.html> [Дата обращения 1 декабря 2014 г].

² Осадчая Г. И. Динамика миграционных процессов из Армении и Грузии в Москву // Осадчая Г. И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян М.: Издательство РГСУ, 2013, С 323– 413.

³ Динамика трудовой миграции из Средней Азии в Россию. Время Востока. <http://www.easttime.ru/news/tsentralnaya-aziya/dinamika-trudovoi-migratsii-iz-srednei-azii-v-rossiyu/10583>. Дата обращения 12 января 2016 г.

Таблица 1. Общее число иностранцев, находящихся в России (чел.)

		Находятся в России январь 2014 года http://www.rbc.ru/society/04/02/2015/54d0c05e9a7947df123f23e1	Находятся в России январь 2015 года http://www.rbc.ru/society/04/02/2015/54d0c05e9a7947df123f23e1	Находятся в России на 12.01.2016 http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnosheni_inostrannih_grazh
1.	Армения	435 661	480 017	467 450
2.	Казахстан	571 527	597 559	636 005
3.	Белоруссия	390 564	517 828	618 823
4.	Киргизия	524 877	544 956	553 910

по социальной защите, консультаций по законодательству для трудовых мигрантов;

2. создание общей информационной базы по вопросам занятости населения и вакансий рабочих мест в странах ЕЭП и СНГ; о потребностях в рабочей силе с разбивкой по регионам, отраслям и специальностям, квалификационным характеристикам (в потенциальной стране приема), а также предложения рабочей силы (в странах исхода);
3. создание открытой, доступной, постоянно обновляемой и бесплатной базы данных вакансий, содержащих информацию о рабочей силе, правилах въезда и пребывания на территории стран-участниц ЕАЭС;
4. создание сети социальных центров для поддержки трудовых мигрантов и их правовой защиты, развитие общественных объединений самих мигрантов, участие профсоюзов и конфедераций работодателей в защите профессиональных прав мигрантов;
5. обеспечение сотрудничества этих организаций с работодателями и государственными органами по вопросам обеспечения свободного перемещения рабочей силы;
6. оптимизацию системы найма, развитие социальной инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в принимающих странах, системы защиты прав трудящихся-мигрантов;

7. обеспечение взаимодействия экспертных сообществ и институтов гражданского общества государств-членов ЕАЭС.

Есть и еще проблемы, которые следует иметь ввиду при формировании рынка труда ЕАЭС. Как показывают наши исследования (февраль 2015 г.),¹ 32,0% респондентов не поддерживает или скорее не поддерживает трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Практически треть полагает, что межэтнические отношения, сложившиеся в районе их проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза можно охарактеризовать как напряженные или враждебные. Отметим, что ответы на эти вопросы имеют больший негативизм среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопросы... (в % от опрошенных)

	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС?			
Да + Скорее Да	53%	50%	33%
Нет + Скорее Нет	32%	43%	46%
Затрудняюсь ответить	14%	7%	21%
Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?			
Дружеские + Мирные	61%	46%	44%
Напряженные + враждебные	29%	47%	45%
Затрудняюсь ответить	10%	7%	11%

Респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, создает угрозу безопасности регионов, вытесняет местных жителей с престижных рабочих мест. Это требует, с нашей точки зрения, создания системы информирования населения, позитивного мнения вокруг идеи интеграции, формирования этнокомплементарных отношений в российском социуме, поскольку от этого также зависит успех реализации евразийского проекта.

¹ Опрос проведен в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (Руководитель проекта Осадчая Г. И. Регистрационный номер: 115071470024) в феврале 2015 года по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах, 69 субъектах РФ, 138 населенных пунктах). Опрошены 1,5 тыс. человек в возрасте от 18 лет.

Очень важно, чтобы «евразийство» стало не только идеей элит, но и идеей общества. Пока, по данным нашего опроса, только половина россиян, проживающих в городах с населением свыше 100 тысяч (5 из 10 респондентов, при 28,0% затруднившихся, 12,0% — против) поддерживают идею создания экономического союза.¹ Конечно, это достигается не общей риторикой о значимости интеграции, а доверием к власти, социальными гарантиями. Люди должны быть уверены, что их интересы в процессе интеграции будут соблюдены. Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями; позитивную информацию о соседях по союзу, на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т.п. Никакая деятельность в рамках ЕАЭС не возможна без поддержки людей. Социальная база евразийского интеграционного объединения может способствовать преодолению сепаратизма национально ориентированной элиты, является залогом его успешного строительства.

Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС важно в рамках социальной политики провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания языка, необходимо усилить внимание к билингвальной языковой подготовке.

Страны ЕАЭС, безусловно, призваны учесть европейский опыт (и позитивный и негативный) решения социальных проблем в процессе интеграции. Так, Жан Тироль, лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 года, отмечает: «Мы немного упустили историческую возможность создать бюджетную Европу... Если говорить о рынке труда, то в США у рынка труда, в целом, одинаковые законы и в Калифорнии, и в Нью-Йорке. Но в южной Европе и в северной Европе это совсем не так. Мы должны были бы создать бюджетную Европу со схожими законами для рынка труда, для банкротств и тому подобного. Мы этого не сделали, а потом было сложно. И поэтому сегодня я слабо представляю, к сожалению, — хотя я хотел бы, чтобы это произошло, — что северная Европа согласится поделиться своей системой социального обеспечения безработных, своими бюджетами и прочим с южной Европой».²

¹ Опрос проведен в рамках реализации ГЗ ИСПИ РАН по теме «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (Руководитель проекта Осадчая Г.И. Регистрационный номер: 115071470024) в апреле 2014 года по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах). Были опрошены 1 тыс. человек в возрасте от 18.

² Лауреат «Нобелевской» по экономике не верит в бюджетное единство ЕС. // <http://ru.euronews.com/2014/10/17/nobel-winner-jean-tirole-speaks-out-in-favour-of-a-european-budget/> [Дата обращения 25 января 2015 г.] .

Важно иметь ввиду и реальные социальные практики ЕС, где составным элементом компетенции ЕС, наряду с общей политикой ЕС по регулированию различных аспектов экономической деятельности, является политика обеспечения занятости и политика в социальной сфере. Миграционная политика изначально представлялась как обслуживающая единый рынок. Здесь она представляет собой систему институциональных и политических рамок, в которых ключевая роль отводится совместной охране общественной границы ЕС. Подобная логика требует установления одинаковых правил въезда, выезда, выдворения иммигрантов, их передвижения.¹

Становление евразийской модели социальной политики, безусловно, длительный процесс. Оно будет происходить на всех этапах евразийского развития. Путь от осмысления важности собственной социальной политики ЕАЭС до её правового оформления, продуманного комплекса мер, формирования социальных институтов и руководящих органов управления реализацией социальной стратегии Евразийского Союза это путь экономического и политического успеха ЕАЭС, инструмент обеспечения социальной безопасности и мира. Надеемся, что он будет опираться на научно-обоснованные рекомендации и социальное взаимодействие стран-членов ЕАЭС приобретет стройную правовую и организационную формы, прочно войдет в социальную практику ЕАЭС.

Литература

1. Буторина О., Захаров А. О научной основе евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. №2 (27), 2015. С. 52–68.
2. Газетов В. И. Социальная доктрина Европейского Союза и механизмы ее реализации // Вестник военного университета. 2007 №3 (11). С. 29–35.
3. Даргель В. Наднациональная составляющая в миграционной политике Евросоюза // Власть. 2011, №12, С. 154–158.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ [Дата обращения 3 марта 2015 г].
5. Заяц Д. Белорусские гастрбайтеры: кто они, почему нелегалы и сколько зарабатывают. Белорусские Новости. 4 ФЕВРАЛЯ 2013.
6. Евразийская интеграция: теоретико-методологические и практические аспекты // Под общей ред. Г. В. Осипова и Г. И. Осадчей. М.: ИСПИ РАН, 2015.

¹ Потемкина О. Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №4, С. 42–51.

7. Лауреат «Нобелевской» по экономике не верит в бюджетное единство ЕС. // <http://ru.euronews.com/2014/10/17/nobel-winner-jean-tirole-speaks-out-in-favour-of-a-eurozone-budget/> [Дата обращения 25 января 2015 г.].
8. *Каргалова М.* Социальная политика как один из инструментов построения европейской безопасности. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2006. Выпуск 3 (19), С. 13–15.
9. *Качурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Потенциал пространственной мобильности безработных в России. СоЦИС. — №2, 2012, С. 40–53.
10. Динамика трудовой миграции из Средней Азии в Россию. Время Востока. <http://www.easttime.ru/news/tsentralnaya-aziya/dinamika-trudovoi-migratsii-iz-srednei-azii-v-rossiyu/10583>. Дата обращения 12 января 2016 г.
11. Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления. СОМСОП. Персонал МИКС №4-5 2005. — С. 7–9.
12. Обзор основных событий и решений по региональной политике Европейского Союза. Юбилейный выпуск обзора. Август 2014. http://files.grupspaces.com/EUSBSR/files/794741/v4yxvylAwDkTUNmzzALt/COMM_NATIVE_COM_2013_468_REPORT_FROM_COMMISSION_EN_V2_P1_728757.pdf/ [Дата обращения 15 мая 2015 г.].
13. *Осадчая Г.И.* Динамика миграционных процессов из Армении и Грузии в Москву // Осадчая Г.И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян М.: Издательство РГСУ, 2013, С 323–413.
14. *Потемкина О.* Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №4, С. 42–51.
15. Россию ждет наплыв мигрантов из Армении. <http://www.islamnews.ru/news-147051.html> [Дата обращения 1 декабря 2014 г.].
16. *Садовская Е.* Трудовая миграция из Казахстана. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema03.php> [Дата обращения 1 декабря 2014 г.].
17. *Ткачук С.* Евразийский союз: на пути к обретению конкурентоспособности // Экономические стратегии. №2 (128) 2015. С. 25–41.

Борисова Н.В.

**СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК КЛЮЧЕВАЯ
ПРОБЛЕМА НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ:
ЧИТАЯ В.Н. ДРУЖИНИНА
И И.А. ИЛЬИНА**

(посвящается 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина)

REASON FOR BEING AS THE KEY PROBLEM OF HUMANICS:
READING V.N. DRUZHININ AND I.A. ILYIN
(the article is dedicated to the 60th anniversary after the birth
of V.N. Druzhinin)

Борисова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Института психологии Российской
академии наук (РАН)

Borisova Natalya Vladimirovna, Cand. of Sc. (Psychology), Senior Research
Assistant of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
(RAS)

Аннотация: Статья посвящена научному и поэтическому творчеству известного российского психолога В.Н. Дружинина (1955–2001). Обращение к поэзии ученого раскрывает его экзистенциальные устремления, позволяет по-новому увидеть глубину его личности. Звучащие в поэтических произведениях «вечные» вопросы перекликаются с философско-психологическими идеями И.А. Ильина (1883–1954). Показана преемственность смысложизненных идей в российском менталитете. Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО РФ №0159-2016-0002.

Abstract: The article focuses on scientific and poetic works of the famous Russian psychologist V.N. Druzhinin (1955–2001). Addressing the scientist's poetic works reveals his existential aspirations, showing the depth of his personality in a new way. Eternal questions asked in his poetic works correlate with psychological ideas of I.A. Ilyin (1883–1954). The succession of point-of-life ideas in the Russian mentality is shown.

Ключевые слова: психология, творчество, духовность, менталитет, духовная личность, смысл жизни, вера, любовь, совесть, патриотическое самопознание.

Key words: psychology, creative works, spirituality, mentality, spiritual personality, reason for being, faith, love, conscience, patriotic self-cognition.

Смысл жизни для русских мыслителей — самая острая и волнующая тема. Обратимся к тому, как проблему смысла жизни реша-

ли два наших талантливых соотечественника, принадлежащих разным поколениям: И.А. Ильин (1883–1954) — выдающийся ученый, мыслитель, философ, публицист и общественный деятель, представитель русского религиозно-философского ренессанса XX в., на долю которого выпало тяжелейшее испытание — быть изгнанным из России за расхождение с курсом власти большевиков в августе 1922 г.; и известный психолог, талантливый поэт — В.Н. Дружинин (1955–2001). Оба жили в сложнейшие, переломные для нашего Отечества периоды, периоды масштабной и мучительной ломки политических, общественных, культурных реалий. Трагизм происходящего на родной почве придавал их творческим исканиям еще большую глубину.

О Дружинине-ученом известно многое [21, 23, 24, 25], о Дружинине-поэте почти ничего, в то время как его поэтическое творчество высоко оценивалось современниками. Поэт Григорий Поженян писал о В.Н. Дружинине: «стихи — это его первая любовь и, смею надеяться, последняя. Он истинный поэт и настоящий мастер» [4, с. 3]. Поэзия В.Н. Дружинина затрагивает важнейшие темы человеческого бытия — смысл жизни, любовь к родине. В поэтической форме эти вопросы раскрываются удивительно глубоко. По мнению Г.И. Маркелова, поэзия обрисовывает психологическую сторону своих произведений почти с исчерпывающей полнотой. Словесные образы могут приспособляться ко всем изгибам человеческой души, могут выражать почти всю глубину ощущений. В этом отношении поэзия своей определенностью психологического воздействия превосходит все другие формы художественного творчества [17].

Оказавшись в изгнании в двадцатых годах XX века, И.А. Ильин писал: «Как тяжко утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... Для меня навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании... От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... Как если бы я ослеп...» [12, с. 255]. Мыслитель называл русскую революцию величайшей катастрофой не только в истории России, но и в истории всего человечества, величайшим государственно-политическим и национально-духовным крушением. В его работах мы находим пророческие мысли относительно духовного кризиса человечества и нашей страны.

В.Н. Дружинин — человек другого поколения, не покидавший родину, в 1986 г. написал следующие строки, которые передают сходные боль и чувство невозполнимой утраты:

Ни слаще, ни горше, ни плоше,
Ни лучше сказать не могу!
Бредет утомленная лошадь,
По грудь утопает в снегу.
Гулящею стала зазноба,
А сани — поленницей дров,
Седок замерзает в сугробе,
И глушит ямщик полуштоф.
Здесь падает снег прошлогодний,
Здесь крутит сапожник кино!
За все ли нам стыдно сегодня?
А завтра не все ли равно:
Спиваться народным умельцем,
Иль нищим стоять на углу?
Затрепанной книгой Уэльса
Россия уходит во мглу... [4, с. 115].

Судьба родины и судьба человека — центральные темы поэтического творчества В.Н. Дружинина. Поиск духовных корней, тоска по ним остро звучат в его произведениях. Дружинин-поэт всматривается, вслушивается в нечто утраченное, как будто пытается обрести самого себя, надышаться теплом родного дома. Осмысливая сущность национального единения людей, И.А. Ильин приходит к выводу, что самое глубокое единение возникает из созвучного духовного уклада. *Духовный уклад* вырабатывается исторически из «эмпирической данности»: внутренней (раса, темперамент, душевные способности и т.д.), и внешней (природа, соседи и т.д.). Благодаря творческой обращенности к сфере божественного внутренняя и внешняя «эмпирическая данность» одухотворяются. Каждый народ осуществляет этот процесс по-своему. «Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет» [8, с. 363]. В результате возникает единый *национально-духовный акт*.

Дружинин-поэт:

Здесь стены кровью вражьей
И нашей не политы —
Спокойны двухэтажные
Дворцы митрополита.
Под вековым молчанием
Седых колоколов
Туристок восклицания,
Кружение голов.

По опустевшим пажитям
Гремит железо «Нив»...
«Товарищ, не подскажите,
Где продают финифть?»

Но я веду экскурсию
Наперекор вранью
Туда, где гибнут русские
Деревни — на корню.

В бревенчатые храмы,
Дошчатые дворцы,
Где нашей русской драмы
Начала и концы [4, с. 35]

И.А. Ильин раскрывает сущность патриотизма. Для истинного патриотизма характерна не простая приверженность к внешней обстановке и формальным признакам быта своего народа, но любовь к его духу. Патриот исходит из признания объективного достоинства, присущего его родине. Любить родину — значит любить в ней то, что действительно заслуживает любви. И.А. Ильин указывает, что духовное сокровище родины живет в душе человека. Тому, кто не чувствует этого, надо обратиться к своему собственному духу и узнать в духовном опыте — «духовное лоно своего народа». Этот процесс И.А. Ильин называет актом патриотического самопознания.

Дружинин-поэт:

Погода предгрозовая.
В России — собачья тоска.
В России жиреет, зевая,
Безлюднейший город — Москва.

В чиновники сонной эпохи
Продавший себя человек,
Я плюну на охи и вздохи.
Отправлюсь в последний побег.

Туда, где в дождливой неволе
Кудесит шальной ветерок,
Где родина гибнущим полем
Лежит у обочин дорог [4, с. 23].

По мнению И.А. Ильина, революция в России произошла в результате того, что в русском народе помрачилось *духовное самосознание* и ослаб *инстинкт национального самосохранения*. Народ должен чувствовать в глубинах своей души свое единство, свою неразрывную связь и сопринадлежность, свою самобыт-

ность. По убеждению И.А. Ильина, «национально-русский» духовный акт сложился под влиянием четырех факторов: природы, славянской души, веры и исторического развития. Ведущим формирующим фактором национальной культуры является *религиозно-духовный фактор* — христианство греческо-византийского происхождения. Эту веру И.А. Ильин считает главной и определяющей для русских, так как она духовно руководила народом в течение столетий, закладывая основания его культуры.

Дружинин-поэт:

Знать бы на роду,
Отдать последний долг:
По кладбищу бреду
Российских городов.

А над моей землей
Зима белым бела,
А над моей землей
Звонят колокола.

По будущим звони
И прошлым временам,
По Рыбинску, Твери
И прочим именам!

Январский колкий снег
Горит в моей горсти,
Но нам уже не сметь
Свою страну спасти.

Нам с этой болью жить,
Не уступая ей,
И убережь своей
Надеждой сыновей [5, с. 18].

С точки зрения И.А. Ильина, М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин первыми поняли своеобразие России, ее отличие от Европы. Несмотря на то, что Россия и Западная Европа формировались под воздействием общих христианских истоков, веками росло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер... Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле» [22, с. 130].

Дружинин-поэт:

Черных лимузинов рокот,
В черных вывесках дома.
Где оно, окно в Европу,
Нас сводившую с ума?... [4, с. 44].

Чувство патриотизма для И.А. Ильина — одна из характеристик духовной личности, важная составляющая на пути обретения смысла жизни, духовных поисков человека. Но в жизни людей эти вопросы подчас оказываются на обочине сознания. Дружинин-психолог так описывает жизнь обычного человека: «Настоящее должно миновать как можно быстрее. И события, этапы жизни мелькают, как километровые столбы в окне экспресса. Достижение конца каждого этапа не приводит к снятию напряжения, ибо за ним еще один этап, и, кажется, что дорога уходит в бесконечность...» [3, с. 49].

Дружинин-поэт:

Жизнь с изнанки —
Забота о хлебном куске.
Все воздушные замки
Строятся на песке... [4, с. 38].

Человек, погруженный в повседневность, считает В.Н. Дружинин, защищен от страха смерти. Это самый надежный механизм защиты — возможность погрузиться в заботы и обязанности, не думая о смысле жизни. А когда впереди уже чернеет пропасть, человек останавливается в растерянности: время прошло. Он готовился к настоящему, подлинному существованию, но дорога уже пройдена, а обратного пути нет.

Дружинин-поэт:

Нам всем пора сойти с ума
От человеческого дерьма,
Поднять в подъездах мертвый вой
И биться в стенку головой.
Меняем совесть на рубли
И поцелуи на плевки... [4, с. 85].

Об этой жизненной опасности писал И.А. Ильин. Мир чувственных явлений держит человека в зависимости и подчинении. Постоянно воздействуя через телесные потребности, этот мир проникает в него, порождая чувственные влечения, прихоти, ведущие к постоянной неудовлетворенности и зависимости, делая его жизнь

ничтожной и низменной. Но в душе человека есть сила, всегда встающая против низведения духовной природы, уверен И.А. Ильин. Душа человека способна чувствовать, что этот мир не его родина и что «никакие дары этого мира не могут удовлетворить ее». Душа томится среди приходящего, в служении тщетному и пустому.

Дружинин-поэт:

Блуждаю по пустыне —
Живу в первопрестольной.
Глотаю воздух синий,
На выхлопах настоящий.

Считаюсь по поэтам,
По юбилейным датам,
Но, кажется, когда-то
Уже видал все это:

Осоловевший город —
Врата земного рая,
Где сумасшедший голубь
Метался вдоль трамвая... [4, с. 37].

Долг человека, утверждает И.А. Ильин, в том, чтобы жить и действовать согласно духовному зову. Его голос указывает на возможность и обязательность иного, независимого от чувственности, самоопределения, на необходимость иной жизни — такой, которая не увлекает человека в пассивную и слепую чувственную растерянность, но «прикрепляет» все его силы к единому, внутреннему, духовному средоточию. Следование этому голосу дает человеку свободу абсолютного *духовного самоопределения*.

В работах И.А. Ильина человек рассматривается как вершина творения, источник всех процессов и изменений, происходящих в мире. Следуя постулатам христианской антропологии, мыслитель выделяет в человеке три ипостаси: «дух», «душу» и «тело». При этом он подчеркивает, что в каждом человеке заложена *способность и потребность* осуществлять гармонию духа, души и тела. Человеческая душа, указывает И.А. Ильин, состоит из осознаваемых и неосознаваемых содержаний, слагаемых в непрерывный поток переживаний. *Душа* — это вся совокупность того, что происходит в сознании и бессознательном на протяжении всей жизни: чувства, болевые ощущения, состояния, воспоминания, впечатления и т. д. К области духа он относит лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание красоты, на совершение добра. Духовным И.А. Ильин называет такое состояние души, которое явля-

ется восприятием, переживанием и осуществлением высшей, объективной ценности. ««Духом» мы назовем душу только тогда, когда она живет своими главными силами и глубокими слоями, устремляясь к тому, что человек признает высшим и безусловным благом. Следовательно, «дух» — это, прежде всего, то, что значительно в душе» [12, с. 22]. Но «значительное» часто не совпадает с тем, чем человек предпочитает наполнять свою частную жизнь. И.А. Ильин подчеркивает, что люди нередко интересуются пустяками, приковываются к второстепенному, ориентируются на то, что «приятно», дорожат тем, что не заслуживает ни любви, ни признания.

Дружинин-поэт:

Отвечая за дело и слово,
 Пусть душа наша будет чиста:
 Выбор прост меж веревкой пеньковой
 И кровавою мукой креста.
 Выбор есть — оправдаются люди
 Философией зла и добра.
 Выбор сделай — найдутся Иуды,
 Если слышится звон серебра... [5, с. 26].

Внутренне неустроенная в своих стремлениях душа ищет спасения в господстве над внешним миром, но тщетно. О «человеке действия», «самоактуализирующейся личности», «человеке, сделавшим себя» В.Н. Дружинин пишет как о людях, выбравших путь «внешней жизни». Человек, стремящийся к достижениям, навязывает себя окружающему миру: ведь любая цель лежит вне его. Цель как предполагаемый и желаемый результат действия требует постоянного напряжения сил. Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. Жизнь становится погоней за горизонтом. Вся психология, по мнению В.Н. Дружинина, построена на фундаменте *функционализма*: психика служит для регуляции деятельности и поведения [15, 16], которые направлены на достижение результата. Именно в таком контексте он активно изучал общие способности и интеллект человека [6, 14, 18, 19, 20]. Человек приходит в мир, чтобы решать в нем свои задачи. Пафос активности, преобразования: «Все выше, выше и выше!» — порождает слепоту.

Дружинин-поэт:

Время ножевых новостей,
 Время нежилых городов,
 Холод опустившихся рук.
 Время переполнило нас.

Кончится гравюрой Калло —
Корчится на фонаре тишина.
Полусонных вздох.
Потаенный шаг
От стены к стене.
Перестук часов
От страны к стране,
От тюрьмы к тюрьме.
Из равнодушных тел
Время ушло, как кровь [40, с. 79].

Стержнем, базовой характеристикой человеческой жизни И.А. Ильин считает *веру*. Человек не может жить без веры. «Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить; ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [11, с. 90]. Верить, утверждает И.А. Ильин, — не то же самое, что «признавать за истину». Все считают истинными геометрические теоремы, географические данные, исторические факты и т.п., и потому уверены, что можно применять эти истины в жизни. Но о вере здесь еще не идет речи. Есть холодные истины, к которым и относятся холодно, их устанавливают, ими пользуются, но равнодушно.

И.А. Ильин утверждает, что каждый человек в своей жизнедеятельности детерминирован стремлением найти *предмет любви* и посвятить ему свою жизнь. Каждому человеку присуща (сознательно или неосознанно) *потребность* — найти некое «безусловное и высшее жизненное содержание» и «прилепиться», выражаясь словами философа, к нему, как к главному источнику, смыслу и свету жизни. И в этом ключ к пониманию психологии веры. Вера является целостным жизненным опытом, мирозерцанием и системой действий. Она вовлекает в свой процесс человека целиком, так как исходит из последней глубины человеческого существа. «О вере можно говорить только тогда, когда истина воспринимается глубиной души, когда на нее отзываются могучие и творческие источники духа, где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека» [10, с. 69]. Вера указывает человеку его жизненный путь, определяет его отношение к себе, к людям, к природе и ко всему священному в жизни. И.А. Ильин отмечает, что люди верят очень часто в слепоте и беспомощности и не знают и не догадываются о том, что человеку надлежит строить свою веру.

Единственно достойным предметом веры, считает мыслитель, является *совершенство*. Человек духовен постольку, поскольку

он добровольно обращен к объективному совершенству, нуждается в нем, отыскивая и любя его. «Любовь к совершенству совсем не есть пустое слово, аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории [10, с. 94]. Любовь к совершенству дарует человеку переживание своей подлинности, чувства соответствия своей истинной природе и своему истинному назначению.

Таким образом, преодолевается та разделенность психической жизни на «жизнь внешнюю» и «жизнь внутреннюю», о которых писал В.Н. Дружинин, преодолевается необходимость постоянно координировать два потока событий, происходящих внутри и во вне. Данное осуществление подлинности своего бытия сущностно отличается от западного понимания: что значит «быть». «Быть» с точки зрения западного человека, считает В.Н. Дружинин, значит максимально раскрыть свои внутренние возможности во внешнем мире путем деяний. За этим стоит стремление к внешнему успеху и достижению. Такова основа основ современной цивилизации, заключает психолог. Подлинный смысл жизни, уверен В.Н. Дружинин, всегда выходит за пределы индивидуального человеческого существования. И тогда жизнь человека превращается в «жизнь-служение» другим людям, делу, миру в целом, Богу.

Для И.А. Ильина человек с чуткой совестью остро переживает каждый вред, наносимый им другому, и испытывает эту трагедию бытия на каждом шагу. Тихий голос шепчет ему, что он «сыт» потому, что есть другие голодные; что его богатству соответствует бедность многих; что он, возможно, наслаждается только потому, что у других людей жизнь слишком безрадостна. По мнению философа, в невозможности отдельного человека любить всех людей заключена «духовная трагедия» человечества. Человеку не дано отменить ее, но ему дано принять трагедию человеческого разделения и «радеть о ее преодолении в духе».

Дружинин-поэт:

Время приборки в дому —
Время седин...
Хочется жить потому —
Что не один.
Жить, надышаться теплом
Строчек ночных!
Жить при стихах, а потом
Жить и без них.

Рукопись в пыльную тьму
Примет архив...
Хочется жить потому,
Что для других [4, с. 50].

Человеку стоит жить на свете только тем, что осмысливает и освещает не только его жизнь, но и его *смерть*. Именно смерть является безошибочным индикатором подлинности смысла жизни. Смерть для И.А. Ильина — особый и величественный «акт личной жизни». Когда тень смерти осеняет человека, то все содержания и ценности жизни переоцениваются. Все то, что в тусклой повседневности, во время безопасного прозябания казалось стершимся, безразличным, обесценившимся — вдруг раскрывает свое подлинное качество, истинный ранг.

Дружинин-поэт:

И придет тишина,
Недоступная разуму,
Между тем, что услышано,
И тем, что сказано.
И кровотока
Замрет движение,
Остановится в стеклах
Мое отражение.
Но, последнюю муку
В звукоряде храня,
Продолжится музыка
За пределы меня [4, с. 21].

Любовь к отчизне позволила И.А. Ильину предвидеть ее будущее. Сбылись его пророчества: русский народ выйдет из революции переутомленным и ожесточенным, России предстоит государственное оскудение — классическое последствие всех длительных революций и войн, выступят десятки авантюристов, которых будут субсидировать иностранные «центры», иноземными врагами и «своими» предателями будут разжигаться национальные обиды и претензии с целью уничтожения России. Но мыслитель верил в возрождение России, этому была посвящена его научная и общественная деятельность. Читая Дружинина-поэта, мы видим, что этого возрождения чаял и он.

Умер И.А. Ильин в 1954 г. в Швейцарии. С 2005 г. прах И.А. Ильина и его супруги Н.Н. Ильиной покоится в Некрополе Донского монастыря. Жизнь В.Н. Дружинина трагически оборвалась в 2001 г.

Дружинин-поэт:

Я уйду не сегодня, а позже.
Полюбив тишину и покой,
Ранним утром себя подытожу
Карандашной последней строкой.
Утром — чтобы никто не услышал
И за плечи не смог удержать?
Прогуляться по городу вышел
И уже не вернется назад
Никогда...
И готовый к отлету,
Чуя тяжесть невидимых крыл,
Я испорчу последнюю ноту:
«Подождите, я что-то забыл!
Мне бы сына и дочку увидеть,
Полку в детском прибить уголке,
Мне бы только исправить эпитет
В неудачной последней строке!... [4, с. 69].

В творческих поисках людей разных поколений — И.А. Ильина и В.Н. Дружинина — просматривается преемственность смысловых идей в российском менталитете. Авторы помогают увидеть миллионы нитей, связывающих нас с духовным сокровищем родной страны и культуры, и, познав это богатство, в современном многоликом мире обрести себя подлинного. Огромное сожаление вызывает потеря на долгий период времени наследия выдающихся деятелей науки, культуры, к которым принадлежит и И.А. Ильин. В настоящее время имеет место постепенное возвращение утраченного, но отсутствие преемственности не позволило опереться в своей деятельности новым поколениям ученых на бесценные сокровища мысли дореволюционного периода, глубина и масштабность которых во многом опережают достижения современной науки.

Литература

1. *Борисова Н.В.* Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
2. *Гостев А.А., Борисова Н.В.* Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
3. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2005а.

4. Дружинин В. Н. Законы отражения. М.: Современный гуманитарный университет, 2005б.
5. Дружинин В. Н. Разговор с эхом. Сборник стихов. СПб.: ИМАТОН-М, 2001.
6. Дружинин В. Н. Психология способностей: избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004а.
8. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. М.: Русская книга, 1993а.
9. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. II. М.: Русская книга, 1993б.
10. Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004б.
11. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003.
12. Ильин И. А. Родина и мы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999а.
13. Ильин И. А. Письма. Мемуары (1939–1954 гг.) // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 12. М.: Русская книга, 1999б.
14. Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых / Науч. ред. А. Л. Журавлев, Т. Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
15. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
16. Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.
17. Маркелов Г. И. Этюды по психологии. СПб.: Общественная польза. 1913.
18. Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
19. Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
20. Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина, 19–20 сентября 2005 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
21. Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина / Отв. ред. С. С. Белова и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
22. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 8. М.: Изд-во «Академия Наук СССР», 1965.
23. Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
24. Ушаков Д. В., Журавлев А. Л., Холодная М. А. Исследования интеллекта и творчества в Институте психологии РАН: научные школы Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина // Современные исследования интеллекта и творчества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–12.
25. Холодная М. А., Журавлев А. Л. Стиль научного творчества В. Н. Дружинина (к 60-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 26. № 4. С. 109–113.

Нестик Т.А.,
Солдатова Г.У.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, с.н.с.
лаборатории социальной и экономической психологии Института
психологии РАН, nestik@gmail.com

Солдатова Галина Уртанбековна, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой
психологии личности, заместитель декана факультета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова, soldatova.galina@gmail.com

Timofey A. Nestik, doctor of science, senior researcher at the Institute of
psychology, Russian academy of sciences

Galina V. Soldatova, doctor of science, professor, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia

Аннотация: В статье дается анализ подходов к исследованию феномена технофобии, рассматриваются факторы отношения личности и группы к цифровым технологиям. Приводятся результаты эмпирического исследования отношения взрослых к интернету, проведенного на общероссийской репрезентативной выборке (2013 г.; N = 1209). Анализируются различия в пользовательской активности и моделях цифровой компетентности между «технофобами» и «технофилами». Делается вывод о влиянии отношения к технологиям на формирование цифровой компетентности.

Abstract: The current article focuses on the problem of technophobia as social-psychological phenomenon. The antecedents of person's attitude toward informational technologies and internet are considered. The results of empirical study of Russian adults' internet attitudes are discussed (2013, N = 1209). The study showed differences in user activities and digital competencies among technophobes and technophiles. The empirical results suggest how attitudes toward internet affect users' digital competence.

Ключевые слова: интернет, цифровая компетентность, технофобия, доверие к технологиям, социальное конструирование технологии.

Key words: internet, digital competence, technophobia, trust toward technology, social constructing of technology.

Растущая скорость изменений в сфере информационных технологий делает актуальной проблему осмысления цифрового мира современным человеком, повышает востребованность осознанного отношения общества к интернет-технологиям и их регулированию. Технофобия как негативное отношение к передовым

цифровым технологиям может рассматриваться в качестве естественной реакции общества на «шок будущего», когда темпы технологического прогресса опережают формирование способности общества осмысливать изменения и вырабатывать социальные соглашения по поводу использования новых технических возможностей [3, 10, 12].

ТЕХНОФОБИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Возникнув в конце 17 века в ответ на промышленную революцию, технофобия продолжает подстегиваться объективными факторами — сокращением рабочих мест в связи с механизацией (19 век), а затем автоматизацией труда (20–21 века); использованием оружия массового уничтожения (газовые атаки Первой мировой войны, уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами во Второй мировой войне); ростом масштабов техногенных катастроф, экологическими последствиями применения химических и биологических технологий.

Не удивительно, что массовые опросы уже в 1970 и 1980 гг. выявили высокое число «технофобов». Например, в 1966 г. более 72% западных немцев считали технологии благом, тогда как в 1984 г. — только 34% [17]. По оценкам исследователей, около половины взрослых людей в современном мире подвержены тем или иным форма технофобии [18].

С появлением интернета к этим факторам добавились угрозы, связанные с киберпреступностью, а также с расширяющимися возможностями слежения и контроля за человеческим поведением с помощью цифровых технологий. В массовом сознании образы «опасной технологии» были закреплены и получили широкое распространение благодаря кинематографу — вспомним такие киноэпопеи, как «Терминатор», «Матрица», «Обитель зла», «Крикуны», противостояние естественного и искусственного в блокбастерах «Я — робот» и «Аватар». Технооптимизму науки противостоит технопессимизм научной фантастики, находящий свое выражение в книгах и комиксах, фильмах, компьютерных играх и т.п. [20]. Не удивительно, что негативное отношение к новым технологиям может быть устойчивым, даже несмотря на позитивное их освещение в СМИ (Metag, Marcinkowski, 2014).

Исследования свидетельствуют о существовании кросс-культурных различий в уровне технофобии. На заре распространения интернета в США тревогу перед компьютерами испытывали

только 34% студентов, тогда как в Японии и Индии соответственно — 58% и 82% (Weil, Rosen, 1995). Такие различия могут быть связаны не только с уровнем технологического и экономического развития страны, но и ее культурой (Zakour, 2007). В частности, долгосрочная ориентация снижает воспринимаемую трудность овладения технологией, индивидуализм ослабляет влияние значимых других на отношение к технологии, а маскулинность культуры повышает значимость ожидаемой пользы от использования технологии (Nistor et al., 2013).

Согласно наиболее часто цитируемому определению, *технофобия* — это 1) внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; 2) страх или тревога, связанная с использованием технологии; 3) враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии [18]. Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологией; 3) самопорицания во время пользования технологией (Rosen, Weil, 1990).

С позиции клинической психологии, технофобия в сфере информационных технологий может проявляться в широком спектре состояний. Л. Роузен выделяет три основных ее типа. Первый тип технофобии — это устойчивое чувство дискомфорта при использовании технологией. Второй — когнитивные предубеждения, связанные с данной технологией. Технофобы этого типа пользуются устройством, упрекая себя за это. Третий тип — это классическое тревожное расстройство. На этом крайнем полюсе шкалы технофобии с такими симптомами как учащенное сердцебиение и потливость ладоней находятся не более 5% обследованных пользователей (Rosen et al., 1993). Выделяют четыре измерения тревоги, связанной с использованием интернета: тревога в связи с использованием интернет-терминологии, тревога при поисковых запросах в интернет, тревога при задержках загрузки информации, а также общий страх совершения ошибки при использовании интернетом [24]. Исследования С. Торпа и М. Броснана выявили у клинических технофобов симптомы, схожие с переживаниями арахнофобов при контакте с пауками [25]. Исследования показывают, что тревожные состояния, связанные с использованием интернета, закрепляются и становятся хроническими, если подверженные им люди не получают соответствующую, прежде всего неформальную, поддержку (Brosnan et al., 2012). Технофобия свя-

зана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и, — в наибольшей степени — самоэффективность [22]. Самоэффективность оказывает более существенное влияние на принятие новых технологий пользователями, чем возраст и предшествующий опыт (Jung et al., 2010; González et al., 2012).

В демографическом отношении технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин (Gilbert et al., 2003). Возможно, это связано с гендерными различиями в подходах к освоению новых технологий. Так, например, мужчины более готовы прикладывать дополнительные самостоятельные усилия для овладения новой технологией или устройством, тогда как для женщин особенно важным является наличие технической поддержки и возможность специального обучения (Wang, Wang, 2010).

В целом отмечают положительную связь тревоги при использовании интернетом с возрастом испытуемых, однако у пожилых людей тревога может быть ниже, чем у молодых, так как они заранее снижают требования к себе, признавая ограниченность своего цифрового опыта (Ha et al., 2011). Более существенным предиктором технофобии является возраст, в котором пользователи начали знакомство с интернетом. При этом технофобия негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования интернетом (Joiner et al., 2012). Иными словами, особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности устранить контакт с ней [22].

В настоящее время существуют несколько *психологических моделей формирования отношения* пользователей к новым технологиям. Так, опираясь на восемь известных моделей поведения пользователей в области ИТ, команда исследователей во главе с В. Венкатеш разработала единую теорию принятия и использования технологий (Venkatesh et al., 2003). Предпосылками ее создания стали концепции спланированного поведения (Ajzen, 1991), модель принятия технологии [19], теория распространения инноваций (Rogers, 1995), социо-когнитивная теория (Bandura, 1986) и др. Модель предполагает четыре *детерминанты* использования новых технологий и четыре модератора — *факторы*, опосредствующие влияние детерминант на установки и поведение пользователей, такие как пол, возраст и опыт взаимодействия с технологией. К детерминантам принятия технологий относятся ожидаемая полезность технологии (преимущества, различного рода выгоды), ожидаемые усилия при ее использовании (например, субъектив-

ная трудность овладения соответствующими навыками, оценка необходимого времени, соответствия сложившимся привычкам и т.п.), социальное влияние (в какой степени пользователи считают владение данной технологией желательным с точки зрения значимых других — коллег, знакомых, друзей, родственников, авторитетных фигур), а также обстоятельства, облегчающие пользование технологией — наличие соответствующих финансовых и временных ресурсов, технической поддержки, обучения и т.п. (Brown, Venkatesh, 2005).

Исследования свидетельствуют о том, что отношение к новым технологиям тесно связано с гедонистической мотивацией (Brown, Venkatesh, 2005; Holbrook, Hirschman 1982; van der Heijden 2004), ожидаемой полезностью технологии, ценовой доступностью и издержками (Brown, Venkatesh 2005), целями использования и привычками (Limayem et al. 2007). У пожилых пользователей стремление к овладению цифровой компетентностью объясняется прежде всего стремлением сохранить собственную автономность, включенность в социальные контакты. Роль удовольствия и положительных эмоций в формировании отношения к новым технологиям особенно велика среди молодежи, тогда как среди пожилых пользователей не менее важным оказывается ожидаемая полезность. Как оказалось, эмоциональные переживания существенно влияют на готовность использовать информационные технологии, однако направленность подобного влияния зависит не от положительности эмоций, а от их социального значения. Например, чувство удовольствия снижает готовность исследовать возможности новой технологии, гнев по поводу новой технологии оказывает опосредованное положительное влияние на готовность ее использовать, так как облегчает получение социальной поддержки, которая в свою очередь ускоряет обучение; подобный же противоречивый эффект оказывает и тревога по поводу новых технологий (Beaudry, Pinsonneault, 2010).

В своем исследовании феномена технофобии М. Броснан указывает на ключевую роль нескольких психологических механизмов. Опираясь на модель принятия технологии [19] и ряд собственных исследований, М. Броснан связывает готовность пользоваться технологией с оценкой ее полезности для решения конкретной задачи. Воспринимаемая полезность, в свою очередь, определяется предшествующим опытом, оценкой трудоемкости освоения технологии, а также уровнем тревоги, который зависит от испытываемого чувства удовольствия при использовании технологии, а также от самоофективности [18].

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное [5, 6]. Под *доверием к технике* понимается специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники. Как показывают исследования А.А. Обознова и А.Ю. Акимовой, доверие к технике может различаться по оценке ее надежности, то есть стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею [9]. По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное *недоверие* к технике. Однако, с учетом того, что технофобы не могут полностью исключить пользование технологией, следует предположить, что отношение к технологии как к социально опасной может сочетаться с высокой оценкой собственной способности к ее использованию.

Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно такое понимание отношения к технологии и глобальным технологическим рискам предлагают конструкционистская и интеракционистская парадигмы, получившие широкое признание в культурной антропологии и социологии электронных технологий: это концепция социального конструирования технологии В. Байджджера и Т. Пинча, модель «одомашнивания» технологии Р. Сильверстоуна, а также акторно-сетевая теория Б. Латура.

Согласно концепции социального конструирования технологии, новая технология обладает интерпретативной гибкостью: затронутые ею социальные группы взаимодействуют друг с другом, разделяя новый продукт или услугу различными смыслами, изменяя представления о том, какими должны быть дизайн, функциональность и правила использования инновационного продукта. Межгрупповое взаимодействие может носить форму конфликта или подчинения интересов одной социальной группы интересам другой: например, при переходе к массовому производству производители ламп приняли стандарты, навязанные производителями электроэнергии. Другой пример «переговоров» приводят Т. Пинч и В. Байдджер в связи с распространением велосипеда. Постепенно на место «мужской» модели с большим передним колесом пришла более привычная нам форма велосипеда, адаптированная для женщин и подростков [23].

В создании новых технологий и научного знания на глобальном уровне активно участвуют непрофессиональные группы. Часть из них оказываются затронутыми технологиями и успешно мобилизуют социальное партнерство, привлекая к своей проблеме внимание спонсоров, СМИ, ученых и чиновников. Например, это нередко удается ассоциациям пациентов, страдающих от одной и той же болезни. Вместе с тем, существуют группы отверженных, интересы которых не учтены в сложившейся социально-экономической системе, и которые защищают их, создавая альтернативные инновационные сообщества. Типичный пример — глобальные и национальные сообщества интернет-хакеров (Callon, Rabeharisoa, 2008). Конструирование представлений о новых технологиях на групповом уровне наиболее интенсивно происходит в пользовательских сообществах — при обмене опытом. Обмен техническими знаниями в пользовательских сообществах имеет свою специфику, хорошо отмеченную Н.В. Богатырь как «кризисное прочтение технологии» [1]. Совместный поиск решения в конкретной проблемной ситуации здесь часто сосредоточен на определении контекста произошедшего, угадывании малозначимых на первый взгляд деталей, когда устройство рассматривается как уникальная комбинация пользователя, особенностей технологии и условий эксплуатации.

Переговоры между релевантными социальными группами приводят к стабилизации отношения к технологии и формированию «технологического фрейма», то есть устойчивой, воспроизводимой системы социальных представлений о конкретной технологии и ее месте в обществе [2, 21].

В концепции Р. Сильверстоуна аналогичный процесс описывается как «одомашнивание» цифровых технологий, аналогичное тому, как 10 тыс. лет назад человек приручал домашних животных. Доместикация понимается как *совместное творчество* [8], в ходе которого пользователи публично конструируют технологию, создают культуру ее потребления (Silverstone, 2006; Sørensen, 2005; Pantzar, 1997). В рамках доместикации информационной технологии в домохозяйстве или организации осуществляется целый ряд процессов (Haddon, 2011): ее присвоение (переговоры по поводу возможного использования и приобретения), инкорпорация (нахождение конкретного места для технологии в доме), объективация (включение в рутинные процедуры, домашние ритуалы, то есть во временную структуру жизнедеятельности), а также конвертация (способы использования технологии для подчеркивания своей социальной идентичности, то есть то, как мы говорим об этой тех-

нологии и показываем ее другим). В масштабах всего общества «одомашниваемая» технология проходит путь от удовольствия для избранных к повседневной необходимости (Pantzar, 1997). Технологии сначала выступают в качестве «игрушек»; затем они становятся «зеркалом» для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта становится привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредотачивается на полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание; наконец, на третьем этапе своего развития технологии начинают использоваться как форма искусства: именно так, по мнению П. Левинсона, менялось отношение к средствам звуко- и видеозаписи (Levinson, 1985).

Как видим, положительное или негативное отношение к информационной технологии может быть парциальным, то есть касаться отдельных ее аспектов, или генерализованным, оно может быть связано с той или иной стадией ее «одомашнивания» в семье или на месте работы. Технофобия может возникнуть на разных стадиях развития самой технологии, каждая из которых олицетворяется разными социальными группами пользователей. При этом отношение к технологии опосредовано отношениями с другими людьми, социальной идентификацией и социальным сравнением, кстати, как и всякий вид отношения человека, что хорошо известно в социальной психологии [13, 14].

Схожий подход предлагает «акторно-сетевая теория» созданная Б. Латуром, М. Каллоном и Дж. Ло. В основу данного подхода легла идея равенства между человеческими и нечеловеческими участниками сети совместной деятельности, что ее принципиально отличает от традиционных представлений [11]. Например, полки с товарами и механизм открывания дверей в торговом центре являются полноправными и *активными участниками* процесса покупки. Современные пользователи являются изощренными «калькуляторами» экономической полезности, благодаря цифровым «протезам», которые позволяют им быстрее искать и обрабатывать информацию (Callon, 2008). Появление интернета, а затем и «интернета вещей» стали зримым воплощением акторно-сетевой теории. Применительно к информационным технологиям это означает, что пользователи принимают участие в их конструировании так же, как и планшеты или смартфоны, которыми они вооружены.

Акторно-сетевой подход позволяет увидеть феномен технофобии в новом свете. В самом деле, негативное отношение к социальным сетям или интернету в целом не сводимо к личности од-

ного пользователя, это результат *взаимодействия* с программами, устройствами, их создателями, другими пользователями и т.д.

При анализе технофобии важно учитывать, что взаимодействие пользователя с технологиями (даже воображаемое, предвосхищаемое, как это было в случае с нанотехнологиями или 3D-принтерами) аналогично взаимодействию между текстом и читателем. Иными словами, смысл технологии является результатом активного взаимодействия автора, произведения и зрителя. Пользователи участвуют в разработке технологий — и в переносном, и в прямом смысле. В переносном смысле пользователь участвует в создании продукта как будущий, предвосхищаемый разработчиками клиент. В соответствии со своими представлениями о пользователе разработчики вкладывают в продукт «скрипты», «правила прочтения», ограничивающие возможности реального пользователя при взаимодействии с продуктом (Woolgar, 1991; Oudshoorn, Pinch, 2003). Эти представления разработчиков могут быть неполными или ошибочными, и то, что должно было казаться привлекательным в новой информационной технологии, на деле окажется обременительным или даже пугающим. Но пользователи участвуют в разработке и в буквальном смысле: к этому привело широкое распространение *открытых инноваций* и сотворчества, то есть вовлечение потенциальных клиентов в проектирование новых устройств и программных продуктов.

Из проведенного нами анализа феномена технофобии и подходов к его изучению можно сделать *вывод* о том, что отношение к технологиям конструируется вместе с компетенциями, которые признаются необходимыми, входят в «технологический фрейм», как результат взаимодействия пользователя не только с технологией, но и другими пользователями, значимыми другими.

Сегодня интернет является пространством, в котором непрерывно конструируются не только новые смыслы, но и новые культурные ценности, нормы взаимодействия, принципы разрешения стоящих перед российским обществом проблем, что тесно взаимосвязано с социально-психологическими изменениями на уровне личности, социальной группы и общества в целом [4, 7, 15, 16]. Эта новая культура цифрового мира рождается в диалоге между различными сообществами, часто разделяющими противоположные убеждения. В этих условиях цель развития цифровой компетентности состоит не в том, чтобы оградить граждан цифрового мира от нежелательной информации или превратить их в грамотных, но безличных потребителей онлайн-услуг. Напротив, судьба интернета во многом зависит от умения пользователей отстаивать

свои взгляды в диалоге друг с другом и делать осознанный выбор. Это означает, что цифровая компетентность не может быть сведена к одним лишь техническим умениям, она включает в себя ответственность и осознанность действий, в частности, понимание необходимости договариваться о правилах «цифровой» жизни с представителями различных интернет-сообществ. Цифровая компетентность тесно связана с умением пользователей обновлять, уточнять и корректировать свои представления об интернете и его будущем. Поэтому столь важным становится понимание различий между технофобами и технофилами с точки зрения их пользовательской активности и цифровых компетенций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, технофобия и технофилия в отношении интернет-технологий являются социально-психологическими феноменами, возникновение которых невозможно объяснить одними только личностными характеристиками пользователей. Технофобия имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Наряду с индивидуальными факторами (самоэффективность, открытость к новому, уровень тревожности, пользовательский опыт, эмоциональное состояние и др.), на формирование технофобии оказывают влияние межличностные факторы (общение с коллегами, друзьями и родственниками по поводу технологии), групповые и межгрупповые факторы (столкновение интересов различных релевантных групп в связи с появлением новых технологий, групповые стереотипы — представления о типичных пользователях данной технологии, ее разработчиках и т.д.), а также факторы социетальные (массовая культура и СМИ, уровень технологического и экономического развития страны, кросс-культурные особенности).

Как показал теоретический анализ, технофобия и технофилия являются разными способами социального конструирования и «одомашнивания» технологий, предполагающими разное видение места технологии в своей жизни и обществе.

В заключение хотелось бы наметить несколько направлений, в которых изучение феномена технофобии представляется нам наиболее перспективным. Во-первых, это исследование отношения личности и группы к новым цифровым технологиям, пока еще только проникающим на российский рынок или находящимся в разработке: 3D-принтеры, расширенная реальность и технологии телеприсутствия, последствия использования BigData для контроля за

пользователями, формирование «интернета вещей», в перспективе — возникновение нейронета. Понимание того, как конструируются представления об этих новых технологиях, не только имеет практическую ценность для инновационных компаний, но и позволит найти способы преодоления технофобии в масштабах крупных социальных групп и всего общества, открывает путь к формированию рефлексивной и ответственной позиции пользователя перед лицом технологических рисков.

Во-вторых, развитие семантического интернета и искусственного интеллекта, а также проникновение экспертных систем в повседневную жизнь ставят еще один вопрос: как формируется отношение к технологии в ситуации, когда сама технология выступает активным «субъектом» отношений? С развитием «умных сред» и «интернета вещей» идея «технического субъекта» перестает быть метафорой. Представьте себе увиденную Вами картину в музее, которая начинает присылать Вам письма, или холодильник, который следит за калориями в Вашей пище и не открывается, потому что, как ему сообщил Ваш смартфон, Вы не сделали сегодня достаточного числа шагов. Развитие цифровых технологий ставит вопрос не только о доверии человека к машине, но и о более широкой гамме психологических состояний, которые ранее считались характерными только для межличностных отношений.

В-третьих, мало изученной остается роль групповых и межгрупповых факторов в возникновении и трансляции технофобии. Не ясны механизмы трансляции отношения к технологии от старожилков к новичкам в малых группах: трудовых и образовательных коллективах, семьях и дружеских компаниях. Мы по-прежнему мало знаем о том, как на отношение к технологиям влияет множественная групповая идентичность пользователей, их представления о других пользователях, разработчиках, инвесторах и иных заинтересованных сторонах новой технологии. Большой интерес в этой связи представляют социально-психологические факторы, влияющие на формирование образа технологии в пользовательских сообществах и социальных сетях. Исследования разных специалистов указывают на то, что было бы ошибкой связывать технофобию с низкой технической и цифровой грамотностью пользователей. Овладевая новыми технологиями, различные группы пользователей конструируют разные технологические фреймы — коллективные представления, оправдывающие и закрепляющие доверие или недоверие к технологии.

Наконец, в-четвертых, все большую актуальность приобретает изучение различных способов участия пользователей в создании

новых цифровых продуктов и услуг. Формируется новая парадигма бизнес-моделей и способов взаимодействия с пользователем, при которой он из потребителя превращается в полноправного создателя (Ramaswamy, Ozcan, 2014; Verleye et al., 2015). Могут ли быть технофобы включены в эти практики? Как они реагируют на вовлечение в диалог и сотворчество через новые цифровые услуги? Какую роль при этом играют другие пользователи? Некоторые исследования позволяют предположить, что неудачный опыт такой совместной деятельности может приводить к технофобии (Heidenreich et al., 2015). Очевидно, что с развитием цифрового мира технофобия превращается из традиционной проблемы инженерной психологии во все более актуальную *социально-психологическую проблему*, возникающую и проявляющуюся в межличностными межгрупповом взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырь Н.В.* Роль пользовательских сообществ в создании и распространении технологических инноваций // Этнографическое обозрение. 2012. №3. С. 88–104.
2. *Богатырь Н.В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. №5. С. 30–39.
3. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
4. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
6. *Купрейченко А.Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
7. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
8. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
9. *Обознов А.А., Акимова А.Ю.* Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. №2. С. 225–231.
10. Россия в глобализующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
11. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
12. Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

13. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
14. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
15. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
16. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. №2. С. 137–140.
17. *Bauer M.* Resistance to new technology: nuclear power, information technology and biotechnology // Resistance to New Technology. Nuclear Power, Information Technology and Biotechnology. Ed. by M. Bauer. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. P. 1–42.
18. *Brosnan M.J.* Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998.
19. *Davis F.D.* Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // MIS Quarterly, 1989, V. 13 (3). P. 319–339.
20. *Dinello D.* Technophobia! Science Fiction Visions of Posthuman Technology. Austin: University of Texas Press, 2005.
21. *Klein H.K., Kleinman D.L.* The Social Construction of Technology: Structural Considerations // Science, Technology, and Human Values. 2002. Vol. 27. №1. P. 28–52.
22. *Osiceanu M.-E.* Psychological Implications of Modern Technologies: «Technophobia» versus «Technophilia» // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 180. P. 1137–1144.
23. *Pinch T., Bijker W.* The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology. Bijker W., Hughes T., Pinch T. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 17–50.
24. *Presno C.* Taking the byte out of Internet anxiety: Instructional techniques that reduce computer/Internet anxiety in the classroom // Journal of Educational Computing Research, 1998. V. 18. P. 147–161.
25. *Thorpe S., Brosnan M.* Does computer anxiety reach levels which conform to DSM IV criteria for specific phobia? // Computers in Human Behavior, 2007. V. 23. P. 1258–1272.

Григорьев Н.Ю.,
Родюков Э.Б.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

INFORMATION TERRORISM
AND PUBLIC SAFETY

Н.Ю. Григорьев, старший преподаватель кафедры социологии Военного университета, кандидат философских наук, социолог, юрист, nugrig@mail.ru
Э.Б. Родюков, доцент кафедры социологии Военного университета, кандидат социологических наук, член-корреспондент АВН, goro@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа современного информационного терроризма. Современное общество немислимо без коммуникаций, вся жизнь среднего европейца, американца, да и уже многих россиян плотно «завязана» на информации. Нарушение работы информационных систем неизбежно влечет за собой потерю чувства реальности, хаос, как общественный, так и экономический упадок. Предугадать негативные последствия террористической атаки на инфосферу представляется практически невозможным, а последствия таких атак могут быть катастрофическими.

Abstract: article is undertaken attempt of the analysis of the modern information terrorism. The Modern society impossible without communication, the whole life average европейца, american, yes and already many россиян tightly "is tied" on information. The Breach of the functioning(working) the information systems inevitably entails the loss a feeling to realities, chaos, as public, so and economic decay. Guess the negative consequences of the terrorist attack on инфосферу introduces practically impossible, but consequences of such attacks can be disastrous.

Ключевые слова: информационный терроризм, коммуникация, слухи, информационное оружие, средства массовой информации.

Key words: information terrorism, communication, rumours, information weapon, mass media.

Информационный терроризм — прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей. На практике, под информационным терроризмом обычно подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации. Как правило, откровенно тенденциозной информации, которая добива-

ется своих целей не качеством манипулятивного воздействия, а его объемом [1].

Информационный терроризм — это, прежде всего, форма негативного воздействия на личность, общество и государство всеми видами информации. Его цель — ослабление и расшатывание конституционного строя. Он ведется разнообразными силами и средствами — от агентуры иностранных спецслужб до отечественных и зарубежных средств массовой информации.

В мирное время прямыми исполнителями акций информационного терроризма в России являются:

- иностранные спецслужбы и организации;
- зарубежные и определенная часть российских средств массовой информации;
- организации сектантов и церковников;
- различного рода миссионерские организации;
- отдельные экстремистские элементы и группы.

Помимо использования официальных средств массовой информации, информационный терроризм опирается на распространение определенного типа слухов. Слухи вообще играют значительную роль в проблеме терроризма. Как правило, они многократно усиливают ту атмосферу страха и ужаса, на создание которой направлены усилия террористов. Среди всех разновидностей слухов наиболее значимыми в рамках информационного терроризма являются два вида: так называемые слухи-пугало и агрессивные слухи.

«Слух-пугало» — это слух, несущий и вызывающий выраженные негативные, пугающие настроения и эмоциональные состояния, отражающий некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. Обычно слухи такого типа возникают или откровенно «запускаются» силами, развязывающими информационный террор, в массовое сознание в периоды социального напряжения (террористические акты, стихийные бедствия, война, подготовка военного переворота и т.д.). Их сюжеты варьируются от просто пессимистических до явно панических. Особое распространение такие слухи приобретают в ситуациях сложных социальных и политических реформ, смены власти, режима или социально-политической системы в целом. В подобных случаях появляется ограниченный набор сюжетов, выступающих в качестве стержней пугающих слухов. Некоторые из них видоизменяются в зависимости от культурных, религиозных или национальных традиций, но основная часть остается неизменной.

Наиболее часто встречаются «слухи-пугала», основанные на якобы неизбежном повышении цен на продукты питания, их исчезновении и приближающемся голоде. Такие слухи были зафиксированы, например, в России в 1917 и в 1990–1991 годах, в Чили в 1971–1973 годах, в Никарагуа в 1980 году, в Афганистане в 1980 году. Принимая такие слухи за «чистую монету», доверяя им, часть населения бросается закупать подчас ненужные продукты в неразумных объемах, в результате чего действительно искажается конъюнктура рынка. Товары быстро исчезают с прилавков или стремительно растут в цене, может возникнуть голод. Классический пример — Россия 1917 года: хотя урожай был даже выше среднего, к октябрю в столичных магазинах исчез хлеб.

«Агрессивный слух» — слух, не просто вызывающий негативные настроения и состояния, отражающие нежелательные ожидания аудитории, а конкретно направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и поведенческого «ответа», жесткого агрессивного действия. Слухи такого рода возникают в ситуациях острых противоречий, связанных с социальными межгрупповыми и межэтническими, межнациональными конфликтами. Приведем несколько известных примеров: «В Леопольдвиле негры вырезают белое население» (Заир, 1960); «Беспорядки в Панаме вызваны кубинскими агентами» (США, 1964); «Новая власть грабит страну, отправляя зерно на Кубу и в Россию» (Никарагуа, 1980), и т.д. Основная функция агрессивных слухов — не просто запугивание, а прямая провокация агрессивных, террористических действий типа геноцида и массовых убийств. Эти слухи строятся отрывочно, «телеграфно». Короткие, рубленые фразы сообщают о конкретных «фактах», «взывающих к отмщению». Они несут сильный эмоционально-отрицательный заряд, формируя аффективную общность «мы» («нормальных людей») в противовес общности «они» («зверствующим нелюдям»). Такие слухи требуют ответной агрессии. Из последних примеров — слухи о «зверствах федеральных войск в Чечне», распространяемые чеченцами, и аналогичные — о «зверствах чеченских боевиков» в отношении федеральных войск.

Информационный терроризм поражает три основных зоны [2]:

а) **бытовую**, когда поражение несет локализованный личностный характер;

б) **научную**, когда разрушаются объективно-закономерные логические связи проверенных научных истин;

в) **социально-политическую**, когда на национально-государственном (всемирном) уровне обманывается все население чело-

вещества-социума-сообщества многочисленных народов-наций-цивилизаций.

Информационным терроризмом занимаются все те, кто обманывают, наговаривают и распространяют ложные или дискредитирующие слухи; пишут антинаучную, аморальную и безнравственную литературу; пропагандируют насилие и унижение личностного и национального достоинства; совершают подлоги и подменяют предметно логические понятийные основы; планируют и создают всеобщую массовую дезориентацию.

Информация и дезинформация, мгновенно проникают в сознание человека. Из-за мгновенно проникающих свойств дезинформации, она сразу разрушает положительное восприятие психики-сенсорики-соматики и поражает этим нервную систему. Объективная информация, полезна для людей. Дезинформация, обладает психоинтеллектуальным ядовитым свойством. Она скрыто и открыто разрушает все нормальные рассудочные связи.

Информационный терроризм, самое опасное асоциальное явление в природе человеческих и национальных взаимоотношений. Вместо чистых источников информационного Доверия, (объективных носителей троичной истинности-подлинности-правды о предметных основаниях) обманутые люди опираются на мнимые источники ложной информации, как на влиятельные факторы объективных авторитетных знаний.

Преступные акции массовой дезинформации на социальные слои, производятся через технические средства печати, радио, телевидения и иные коммуникативные базы сбора, хранения и распространения информации.

К коммуникативным сферам рабочей информации (или дезинформации) относятся:

- а) религия, наука, просвещение, образование;
- б) политика, экономика, идеология;
- в) законодательство, юриспруденция, юрисдикция;
- г) оккультные и сектантские организации;
- д) литература, СМИ, искусство и т.д.;
- е) технические средства индивидуального и общественного извлечения, хранения и распространения материальной, пространственной и временной информации (или дезинформации).

Кроме этого, можно выделить следующие принципы информационного терроризма [3].

1. Приоритетность (действительная и мнимая) и привлекательность темы для граждан. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения СМИ касаются таких, например, проблем,

как угроза миру и безопасности граждан, терроризм, экологические и иные катастрофы и т.п.

2. Неординарность фактов. Это означает, что информация о других экстремальных событиях — голоде, войнах, необычайно жестоких преступлениях и т.д. — доминирует над освещением явлений будничной, повседневной жизни. Этим объясняется, в частности, склонность СМИ к информации негативного характера и сенсациям.

3. Новизна фактов. Привлечь внимание населения в большей степени способны сообщения, еще не получившие широкой известности. Это могут быть новейшие данные о результатах развития экономики или численности безработных, о полете к другим планетам, о новых политических партиях и их лидерах и т.д.

4. Успех. Согласно этому принципу, в передачи и статьи попадают сообщения об успехах политических лидеров, партий или целых государств. Особое внимание уделяется победителям на выборах или в рейтинговых опросах. Культ звезд в политике, искусстве, спорте — типичное явление для СМИ в рыночном обществе.

5. Высокий общественный статус. Чем выше статус источника информации, тем значительнее считается интервью или передача, поскольку предполагается, что их популярность при прочих равных условиях прямо пропорциональна общественному положению людей, сообщающих сведения. В силу действия этого правила наиболее легкий доступ к СМИ имеют лица, занимающие высшие места в политической, военной, церковной или других иерархиях: президенты, военачальники, министры и т.д. Им посвящаются первые страницы газет и главные радио- и телепередачи.

Системы Массовых Коммуникаций формируют «массового» человека нашего времени. В то же время они разобщают людей, вытесняют традиционные непосредственные контакты, заменяя их телевидением и компьютерами. Восприятие формируется не книжной, как раньше, а экранной культурой. На этом фоне отмечается снижение способности к концентрации. «Массовый» человек импульсивен, переменчив, способен лишь к относительно краткосрочным программам действия. Он часто предпочитает иллюзии действительности.

Современное телевидение предоставляет широкие возможности получать текущую событийную информацию. Оно в значительной мере организует досуг, отдых, развлечение. Время, проведенное у телевизора, за последние годы выросло и составляет значительную часть временного бюджета человека, семьи. Так, по данным зарубежных социологов [4], средний англичанин прово-

дит у телевизора 12 лет из 70-летней жизни; в США средняя семья посвящает телепередачам 6,2 часа в сутки; 95% японцев смотрят передачи телевидения ежедневно; 87,4% французов посвящают телевидению большую часть своего свободного времени. Секрет такой популярности заключается, в основном, в следующем:

— во-первых, телепередачи наиболее просты для восприятия (книга, газета требуют некоторого минимума инициативно-волевого усилия);

— во-вторых, они создают эффект личного присутствия при событии;

— в-третьих, по мнению психологов, до 40% всей чувственной информации об окружающем мире, о себе человек получает с помощью зрения.

Зрительный ряд обычно не требует словесного или письменного описания. Информация, получаемая зрителем, носит в значительной мере целостный, образный характер, а потому и весьма доступна. Человек уже привык, сидя в удобном кресле дома, смотреть передачи с исторических по значению конференций, с борта Международной Космической Станции, с арен Олимпийских игр, из столиц далеких государств. Телевидение как бы приблизило к человеку весь мир, сделало его доступным. Однако эта возможность информирования масс часто используется сугубо в политических интересах и выступает как один из ведущих инструментов манипулирования сознанием масс. Приемы этого манипулирования довольно просты, но достаточно эффективны:

— значительная часть телепередач носит развлекательный характер и в основном рассчитана на эмоциональное восприятие. Поэтому режиссеры телетрансляций делают особый упор на **манипулирование иллюзиями**: возможности хорошо зарабатывать, достичь неожиданного успеха. Это делается не только с помощью художественных лент, но и тщательно подобранной документалистики. При помощи этой «машины грез» иллюзии занимают важное место в мышлении человека, создают эфемерное представление об обществе, в котором живет зритель: обществе якобы «равных возможностей», подлинно «свободном», «правовом», «открытом» и «безопасном». Разочарованные, часто обездоленные люди хватаются за призрачную идею «скрытых возможностей» общества, которое не исчерпало якобы своих потенциальных ресурсов. Некоторые телеканалы проводят линию по формированию специальной псевдокультуры, рассчитанной на оглушение масс, на притупление их общественного сознания;

— другой телевизионный прием манипулирования связан с **эффектом дискусионности** различных точек зрения. При помощи этого приема создается видимость беспристрастности, объективности информации. Отрепетированная дискуссия или даже острая словесная перепалка, как правило по ничтожному вопросу, создают видимость борьбы мнений, сопоставления позиций и т.д., цель которых доказать, что другие альтернативные варианты по крайней мере не лучше навязываемого решения, а посему это «лучшее из других зол» следует одобрить и поддержать. В конечном счете пикировка лидеров движений, выступления общественных деятелей зачастую есть не что иное, как тщательно подготовленный политический спектакль, где сегодняшние слова ничего не значат для завтрашней практической деятельности;

— устойчивым телевизионным приемом является **манипулирование словами-стереотипами**. Например, популярные журналисты в своих программах широко манипулируют словами-образами, подкрепляемыми зрительным рядом: «международный терроризм», «угроза демократии», «тоталитаризм», «фашизм», «права человека» и т.д. Частое повторение этих выражений, сопровождаемое определенными видеообразами формирует заданное, и при этом весьма устойчивое представление в сознании слушателей. Поэтому во время политического комментария достаточно воспроизвести соответствующее выражение или наоборот — образ, как в сознании возникают вполне определенные характеризующие «главного врага» ассоциации.

Но все же в информационную эпоху все большую значимость приобретают мировые информационные сети, в частности **Интернет**, где можно создавать свои собственные сайты, отражать на них свое видение проблем, а также подбрасывать лживую информацию на чужие страницы. Существуют (по крайней мере, известны на сегодняшний день) не менее девяти возможных способов использования Интернета для содействия террористическим группам:

— с помощью Интернета можно собирать подробную информацию о целях, включая изображение местонахождения целей и их характеристики. Если террорист получит подробную информацию о такой важной цели, как трубопровод или линия электропередач, он может манипулировать или шантажировать предприятия или правительство;

— с помощью Интернета можно собирать деньги на поддержку какого-либо движения или играть на бирже, чтобы нажиться на разнице курсов акций после осуществления теракта. Некоторые

сайты сепаратистов адресуют пользователей к банку и сообщают номер счета, на который можно послать деньги для их поддержки;

— с помощью Интернета можно объединять людей. Теперь члены диаспоры, религиозной секты в любой стране или регионе мира, или сторонники любого движения (например, экологического), могут постоянно находиться в контакте. С помощью интернет-сайта можно давать указания о времени и месте встреч, формах протеста или вопросах для изучения;

— интернет можно использовать и для дискредитирования отдельных лиц, групп людей или компаний, например, финансовых институтов, а также для прямого лоббирования лиц, принимающих решения. Вымогатели требуют деньги у финансовых институтов с тем, чтобы последние избежали актов кибертерроризма и как следствие — ущерба своей репутации;

— интернет обладает огромным рекламным потенциалом и часто используется в этих целях. С помощью Интернета можно мгновенно обратиться как к массовой аудитории по всему миру, так и к отдельным лицам. Террористические группы ставят доступ к СМИ на первое место среди своих стратегических приоритетов. Террористы могут оставлять сообщения о будущих или уже спланированных действиях на страницах сайтов или рассылать их по электронной почте, а также брать ответственность за совершение того или иного теракта. Поскольку в информационную эпоху коммуникации — это власть, мировое общественное мнение стало приоритетом номер один;

— благодаря Интернету терроризм не ограничен лишь государством, где физически находятся террористы. Более того, в стране, подвергающейся теракту, баз террористов обычно вовсе нет;

— интернет может служить в качестве инициатора психологического террора. Часто психологическим аспектам Интернета не уделяют должного внимания. Благодаря кажущейся надежности Интернета, его можно использовать для того, чтобы посеять панику, ввести людей в заблуждение или обмануть. Интернет также стал благодатной почвой для распространения слухов;

— интернет существенно изменил коммуникационные сети террористов: в них теперь нет четких централизованных командных пунктов. Невольные соучастники террористов, например, хакеры, могут быть использованы «втемную» и не знать, для достижения какой цели их задействуют;

— интернет может быть использован и для отправки засекреченных сообщений, как ранее — симпатические чернила. Преступники могут обмениваться информацией по электронной по-

че и через электронные доски объявлений без опасения быть пойманными.

Технические достижения информационной эпохи предоставили качественно новые возможности средствам массовой информации и коммуникации, превратили их в мощный инструмент влияния.

Характерной особенностью является то. Что в информационной среде в интегрированном виде и разнообразных, зачастую довольно причудливых сочетаниях, одновременно функционирует информация, которая адекватно отражает существующий мир, а также деформированная, искаженная информация. Это обусловлено как сложностью самого процесса познания и неполнотой знания о мире, так и пристрастностью, субъективностью людей, а зачастую — целенаправленным использованием информационных процессов при достижении собственных безнравственных целей и игнорировании наносимого своими действиями ущерба другим людям.

Подтверждением данного факта могут служить результаты проведенного в статье анализа роли информационных потоков в функционировании общества и государства. По сути, выделенные разновидности технологий информационного воздействия воплощают в себе определенные способы трансформации и искажения информационных потоков, в результате чего происходят качественные изменения базовых свойств информации, превращающие ее в реальную силу. Благодаря расширяющимся всемирным сетям оптоволоконных и спутниковых систем, в области распространения информации следует ожидать все новых и новых прорывов, а они, в свою очередь, способствуют появлению новых разработок средств информационного оружия. Это обстоятельство ведет к переосмыслению подходов к коммуникации, а также ряда других социально — психологических процессов и явлений в современном обществе и ставит вопрос об «информационной экологии», защищающей человека от избыточной и недостоверной информации.

Государство должно играть значительно более активную роль в обеспечении ясных и справедливых правил взаимодействия в информационном поле, как, например, это осуществляется в области гражданско-правовых отношений. Необходимо правильно скоординировать деятельность законодательных и правоохранительных органов, чтобы одновременно обеспечить прочный правовой фундамент, задающий параметры развития информационной среды, и не сковать это развитие излишней регламентацией.

Список литературы

1. *Старостина Е.В., Фролов Д.Б.* Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. Вопросы и ответы. М.: «Эксмо», 2005.
2. *Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003.
3. *Горбунов Ю.С.* Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008.
4. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М.: «Юрлитинформ», 2002.

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

SPECIFICS OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RF URBAN POPULATION

Доброхлеб Валентина Григорьевна, д. э. н., проф., в. н. с. ИСПИ РАН, профессор РГГУ, e-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Аннотация: В статье показано, что неоднородность городской системы крупных городов определяется различиями жизни населения. По динамике численности населения в них за период с 2002 по 2014 годы можно выделить три типа: растущие, неизменные, убывающие города. В 104-х «растущих» городах сосредоточено 79% жителей всех больших городов, в 57-ми «убывающих» — 20%. В этих условиях существенным является выявление механизмов, определяющих трансформацию численности и различных структур населения. Было проведено исследование динамики населения в одном из российских городов — Таганроге, население которого сокращается. При анализе изменений в демографической структуре российских домохозяйств особенно выделяется **рост числа одиноко проживающих**. Общей тенденций для всех демографических типов домохозяйств из двух и более человек, является **сокращение доли тех, у кого есть дети до 18 лет** и, соответственно, **увеличение доли домохозяйств, состоящих из одних взрослых**. Следует отметить, что перемены в посемейной структуре проходили на фоне сокращения численности населения России в результате депопуляции, которая в целом была приостановлена в 2012 году, в том числе благодаря мерам пронаталистской политики. Однако во многих городах, с численностью населения более 100 тысяч человек население продолжает сокращаться.

Abstract: The article shows that the heterogeneity of the urban system of big cities is determined by disparities in residents' life. According to the dynamics in the number of residents over the period from 2002 to 2014 there can be identified 3 types of cities: growing, unchanged, decreasing. 104 'growing' cities concentrate 79% residents of all big cities, and 57 'decreasing' cities — 20%. Under these conditions it is important to establish mechanisms determining transformation of the population size and structure. There was carried out a survey of the population dynamics in one of the Russian cities –Taganrog, which population is decreasing. Analysis of changes in the demographic structure of Russian households shows most

¹ Статья подготовлена в рамках бюджетного проекта ИСПИ РАН «Исследование эффективности региональных программ демографического развития России с учетом типологических особенностей территории России и задач демографической стратегии».

notably a **growing number of residents living alone**. Common trend among all demographic types of households with two or more members is **reduction in the share of those who have children under 18 years of age** and, correspondingly, **increase in the share of households consisting only of adults**. It should be noted that the changes in the family structure were going on against the background of reduction in the size of the Russian population as a result of the depopulation that was basically ceased in 2012, largely owing to the measures of pronatalist policy. However, in many cities with the number of residents over 100 thousand people the population is still decreasing.

Ключевые слова: неоднородность городской системы крупных городов, домохозяйство, посемейная структура населения.

Key words: heterogeneity of the urban system of big cities, household, family structure of population.

Россия — страна городов. Особый интерес вызывают города с численностью 100 тысяч жителей и выше. Эволюцию городской системы за годы реформ характеризуют две тенденции: во-первых, относительные пропорции городской системы России за годы реформ увеличились незначительно. Во-вторых, происходит сосредоточение населения в крупных городах. [1].

Неоднородность городской системы крупных городов определяется различиями жизни населения, во-первых, в двух российских столицах, во-вторых, в городах, с населением в миллион и выше, в-третьих, в центрах субъектов федерации, в-четвертых, в иных больших городах. В 2014 году в стране насчитывалось 165 таких городов [2], на которые приходилось 68% городского населения. По динамике численности населения в них за период с 2002 по 2014 годы можно выделить три типа: растущие, неизменные, убывающие города. В 104-х «растущих» городах сосредоточено 79% жителей всех больших городов, в 57-ми «убывающих» — 20% (рис. 1).

Рисунок 1. Соотношение доли населения городов с численностью населения 100 тыс. и более с различной динамикой численности жителей в 2014 г.

При этом возможности социально-экономического развития во многом определяются региональным аспектом. Модернизация России является «образом привлекательного будущего» как элиты, так и для населения. Однако существуют значительные отличия, в том числе в потенциале территорий. Как на микроуровне население отвечает на вызовы современной действительности? Как преодолеть дефицит справедливости, который проявляется не только в количественном неравенстве доходов. Именно он ведет к невозможности реализации человеческих призваний, к перекрытию каналов вертикальной мобильности, к ангажированному подходу к разным по значимости видам общественного труда — общественно необходимому, производительному и оборонному, вспомогательному и паразитарному, в прямом и косвенном поощрении паразитарных профессий и так далее. Именно это закладывает под нацию многочисленные «бомбы замедленного действия, создает широкий слой уязвимых групп населения, которые представляют интерес для внешних манипуляторов [3].

В этих условиях существенным является выявление механизмов, определяющих трансформацию численности и различных структур населения. Было проведено исследование динамики населения в одном из российских городов — Таганроге, население которого сокращается. По темпам убыли жителей он занимает 7 место среди крупных российских городов. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года [4] численность жителей г. Таганрога составляла 281947 человек, сократившись по сравнению с последней переписью советского периода на полпроцента. При этом возрастная структура значительно деформировалась: доля детей и подростков сократилась почти на треть, составив 69,7% в сравнении с 1989 г., а доля людей пенсионного возраста увеличилась на 12,3%. На этот период пришлось открытие «демографического окна», т.е. увеличилась численность людей трудоспособного возраста (на 6%) в сравнении с дореформенным периодом. Вероятно, это был немаловажный фактор, способствующий адаптации населения к шоковым реформам. Более «благополучный» г. Ростов-на-Дону в этот период увеличил население на 6%. Однако изменение возрастной структуры шло в том же неблагоприятном направлении: доля «детского» населения сократилась меньше, чем в Таганроге, но тоже значительно — на четверть. К 2010 году [5] население Таганрога уменьшилось до 257681 человек или 8,7%. Произошло дальнейшее постарение населения. Доля людей старше трудоспособного возраста достигла 27,7%. Почти треть населения составили пенсионеры. Это значительно выше, чем в целом по РФ и в г. Ростове-на-Дону.

Демографическая структура населения является определяющей компонентой социально-экономического развития. При ее анализе на макроуровне выделяются наиболее общие тенденции и закономерности перспектив демографической динамики, на микроуровне — уровне семьи (домохозяйства) раскрывается потенциал, выявляются возможности адаптироваться за счет многообразных внутренних и внешних связей. Посемейную структуру России в значительной мере определяет сложившаяся демографическая гендерная асимметрия. По итогам переписи 2010 года на 1000 мужчин в Таганроге приходилось 1235 женщин. При этом гендерная асимметрия имеет различную направленность в разных возрастных группах. Детей и трудоспособных граждан имеет место некоторое преобладание мужского населения. Для старшего поколения характерно значительное превышение женщин 2407 на 1000 мужчин. Структура населения старших возрастов определяет гендерную специфику проблем в городе.

При анализе изменений в демографической структуре российских домохозяйств особенно выделяется **рост числа одиноко проживающих**. В 2010 году их доля в общем числе домохозяйств дошла до 25,7% (в 1989 г. — 20%, в 2002 г. — 22,3%) [4, 5, 6]. Россия приближается к высокой доле одиноких, характерной для многих европейских стран (30-40%). С 2002 по 2010 г. количество домохозяйств одиночек выросло на 19,4% [4, 5]. Прежде всего, это было характерно для городской местности, где прирост составил 23,3%. Тенденция проявилась во всех возрастных группах, но особенно выделялась в этом плане молодежь до 35 лет. Так, за межпереписной период одиноко проживающих молодых мужчин и женщин стало больше на 36% [4, 5].

Общей тенденций для всех демографических типов домохозяйств из двух и более человек, является **сокращение доли тех, у кого есть дети до 18 лет** (с 52% в 2002 г. до 44% в 2010 г. [4, 5] и, соответственно, **увеличение доли домохозяйств, состоящих из одних взрослых**. Это характерно как для простых семей, таких как семьи, состоящие из супругов без детей, супругов с детьми, матерей с детьми, так и супругов с детьми и родителями. Нынешние домохозяйства с детьми — это часто семьи с взрослыми детьми (выросшими, но так и не создавшими своих семей и проживающими вместе с родителями). Структура домохозяйств, имеющих несовершеннолетних детей, за 2002–2010 гг. изменилось мало: **доминируют однодетные домохозяйства** — 69,4%, с двумя детьми — 25,8%, с и тремя и более детьми — 4,8% [4, 5]. В Таганроге, согласно обследованиям, доля домохозяйств с одним ре-

бенком год от года росла — с 58% в 1988 г. до 73,4% в 2014 г., с двумя детьми, наоборот, стала меньше (с 37,2% до 23%, соответственно). Снизилась доля многодетных домохозяйств (с 4,8% до 3,6%). Как и в России в целом, **преобладающим типом семей в Таганроге остается супружеская пара с детьми до 18 лет** — 28,5% опрошенных домохозяйств, средний ее размер — 3,5 человека. Вместе с тем довольно много (6,4%) супругов со взрослыми детьми. Во всех демографических типах с детьми до 18 лет преобладают однодетные семьи. Несколько больше детей в нуклеарных полных семьях, однако, это в среднем всего 1,35 ребенка на семью, а в неполных и сложных домохозяйствах детей еще меньше — 1,17–1,23 ребенка.

Демографическую динамику города характеризует продолжающееся сокращение численности и интенсификация процесса старения населения. Рост рождаемости, отмеченный в последние годы, не перекрывает уровень смертности. При сложившихся тенденциях в изменении демографической структуры, неблагоприятной ситуации с численностью репродуктивных когорт, а также принимая во внимание экономический кризис, становится реальной угрозой нарастания депопуляции.

До настоящего времени меры демографической региональной политики в г. Таганроге не смогли переломить тенденцию сокращения численности населения. Следует отметить, что перемены в посемейной структуре проходили на фоне сокращения численности населения России в результате депопуляции, которая в целом была приостановлена в 2012 году, в том числе благодаря мерам пронаталистской политики, во многом связанной с введением материнского капитала. Однако во многих городах, с численностью населения более 100 тысяч человек население продолжало сокращаться. Создававшаяся ситуация требует более четких мер семейной и демографической политики в отношении городских поселений с убывающей численностью жителей.

Литература

1. Коломак Е.А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. — 2014. — № 10. — С. 82–96.
2. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6f9ce (Дата обращения 20.01.2016 г.).

3. Стратегия большого рывка (доклад Изборского клуба) URL <http://www.dynacon.ru/content/articles/975/0010> (Дата обращения 29.12.2015 г.).
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Федеральная служба государственной статистики. Статистика России, URL www.gks.ru (Дата обращения 10.02.2016 г.).
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальный сайт Росстата, URL www.gks.ru (Дата обращения 10.02.2016 г.).
6. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. По данным Всероссийской переписи населения 1989 года. Часть III. Семья, жилищные условия, М., Республиканский информационно-издательский центр, 1991.

**Артамонов А.Д.,
Богданов И.Я.****ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН¹****(на материалах исследования мнений
жителей трех регионов)**

Артамонов Анатолий Дмитриевич, Губернатор Калужской области, доктор экономических наук, anisin_nm@adm.kaluga.ru

Богданов Игорь Яковлевич, доктор экономических наук, профессор,
Руководитель лаборатории социологии экономики ИСПИ РАН,
i_bogdanov@list.ru

Аннотация: Бедность — одна из наиболее острых социальных проблем современного общества, характеризующая экономическое положение индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Бедные и нищие среди населения России составляют более 20 000 000 человек. Негативные тенденции привели к усилению дифференциации в обществе, увеличению разрыва между самыми бедными и самыми богатыми, с существенным ухудшением положения беднейших категорий. Исследование, реализованное в 2015 году на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании результатов конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ, в трех регионах (Калужской области, Липецкой области и Удмуртской республики) продемонстрировало значимость развития гражданского общества как важного механизма решения проблем бедности в современной России.

Annotation: Poverty — is one of the most incisive social problems of modern society that characterizes the economic situation of the individual or social group in which they can't satisfy a certain range of the minimum requirements needed for life, saving work capacity, procreation. There are more than 20 million people the poor and needy in Russian population. Negative trends have led to increased differentiation in society, widening the gap between the poorest and the richest, with a significant deterioration in the situation of the poorest categories. Research which was realized in 2015 at the expense of state support allocated as a grant in accordance with the Presidential Decree of 01/17/2014 number 11-rp and on the basis of results of the competition, held by the Fund ISEP, in three

¹ Проект «Развитие современного гражданского общества России как средство преодоления бедности и изменения образа жизни» при государственной поддержке, в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп.

regions (the Kaluga Region, the Lipetsk region and Udmurt republic) has demonstrated the importance of civil society as an important mechanism for solving the problems of poverty in modern Russia.

Ключевые слова: Бедность; гражданское общество; экономический кризис; регионы Российской Федерации; уровень жизни; ценностные ориентации личности.

Key words: Poverty; civil society; economic crisis; regions of the Russian Federation; standard of living; value orientation personalities.

Бедность — одна из наиболее острых социальных проблем современного общества, характеризующая экономическое положение индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Это одна из острейших проблем современной России — экономическое положение 20 000 000 россиян оценивается как бедность или нищета. Т. е. с материальной неустроенностью сталкивает каждый шестой житель страны.

Мировой и отечественный опыт свидетельствуют, что бедность, раз возникнув, независимо от того, каковы были её первичные причины, начинает самовоспроизводиться. Если большая доля населения страны находится за чертой или около черты бедности, возникает своего рода «порочный круг». Низкие доходы значительной части населения не могут стимулировать потребительский спрос на товары и услуги. В результате сокращаются производственные инвестиции, ограничиваются возможности экономического развития и роста заработной платы трудящихся и т. д.

От того, как общество подходит к осмыслению и оценке уровня бедности в стране, зависят возможности решения этой проблемы. Бедность может трактоваться как абсолютная, относительная и субъективная. Абсолютная концепция бедности базируется на установлении минимального перечня основных потребностей (прожиточного минимума) и размера ресурсов, требуемых для их удовлетворения. Всемирный банк в качестве порога абсолютной бедности задает существование на менее чем 1,25 доллара США в день. То есть как минимум 4% населения страны, то есть 6 млн человек, попадают в так называемую «группу глубокой бедности».

По данным предварительного доклада Росстата, ВВП России в физическом выражении в 2015 году снизился относительно прошлого года на 3,7%. Для сравнения в 2014 году ВВП РФ вырос на 0,7% по сравнению с 2013 годом. Реальные располагаемые расходы россиян в 2015 году снизились на 4% по сравнению с показа-

телями 2014 года¹. При этом денежные доходы в среднем на душу населения за 2015 год по сравнению с 2014 годом увеличились на 10,1% и составили 30,311 тыс. рублей. Общая динамика не могла не сказаться на уровне жизни россиян. По данным ежегодного рейтинга британского аналитического центра TheLegatumInstitute, Россия заняла 90 место по уровню жизни населения в 2016 году — между Гватемалой и Лаосом².

Численность безработных в России в 2015 году, по предварительным данным Росстата, составила 4,264 млн человек, что на 7,4% больше, чем в 2014 году. В декабре 2015 года безработица составила 4,426 млн человек, или 5,8% экономически активного населения, сократившись по сравнению с ноябрем 2015 года на 0,2%. При этом в сравнении с декабрем 2014 года этот показатель вырос на 9,5%.

Следствием текущего экономического кризиса могут стать:

- рост числа «работающих бедных», то есть занятых людей, доходы которых не позволяют обеспечить себя и свою семью самым необходимым;
- усиление проблемы мигрантов как значимой социальной категории, представители которой успешно интегрированы в местные рынки труда;
- усиление дифференциации в обществе, увеличение разрыва между самыми бедными и самыми богатыми, с существенным ухудшением положения беднейших категорий по причине инфляции, роста тарифов на ЖКХ, другие услуги и товары.

Все это может привести к ухудшению здоровья населения, снижению продолжительности жизни, распространению алкоголизма, наркомании, социальных заболеваний, социального сиротства. Предлагаемый в рамках проекта подход позволит продолжить разработку проблемы бедности в нашей стране, предложив её типологию и охарактеризовав особенности этого явления для различных регионов и социальных групп (пенсионеров, многодетных семей, детей и подростков и др.). Промедление с принятием срочных мер приводит к консервации уровня жизни большей части населения страны на уровне порога бедности или, в крайнем случае, невысокого материального достатка со всеми негативными последствиями для социальной безопасности отдельных регионов России и страны в целом.

¹ См., например, tass.ru/ekonomika/2611550

² <http://www.li.com/activities/publications/2015-legatum-prosperity-index>

Проблема бедности является следствием разнообразных и взаимосвязанных причин, которые можно объединить в следующие группы: экономические (безработица, низкая заработная плата, низкая производительность труда, неконкурентоспособность отрасли), социально-медицинские (инвалидность, старость, высокий уровень заболеваемости), демографические (неполные семьи, большое количество иждивенцев в семье), социально-экономические (низкий уровень социальных гарантий), социокультурный (образ жизни, габитус, практики), образовательно-квалификационные (низкий уровень образования, недостаточная профессиональная подготовка), политические (военные конфликты, вынужденная миграция), и, наконец, регионально-географические.

Территория Российской Федерации не является однородной по критерию их развития, вследствие чего проблема бедности имеет выраженные региональные особенности¹.

При характеристике регионов мы опираемся на положения «новой экономической географии» (см., например, П. Кругман, Н. Зубаревич² и др.) и выделяем факторы первой и второй природы, характеризующие региональное развитие и, соответственно, неравенство. К факторам первой природы относятся:

- обеспеченность природными ресурсами, которые востребованы рынком (минеральными, земельными и др.);
- выгодное географическое положение (в том числе приграничное положение на путях глобальной торговли), снижающее транспортные издержки и облегчающее трансляцию инноваций.

Факторы второй природы:

- агломерационный эффект и высокая плотность населения, дающие экономию на масштабе;
- развитая инфраструктура, сокращающая экономическое расстояние;
- человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения);
- институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, росту мобильности населения, распространения инноваций и др.

¹ Богданов И.Я. Феномен российской бедности, Москва, 2011 год.

² См., например, Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие регионов России к 2020 году [Электронный ресурс] <http://russia-2020.org/ru/2010/08/23/soc-ec-development-of-rus-regions/>

Все эти аспекты носят долговременный характер, и их необходимо учитывать при анализе особенностей проблемы бедности в отдельных регионах России.

Принятая в нашей стране оценка бедности по прожиточному минимуму не соответствует современным реалиям. В современном обществе бедность должна рассматриваться не как состояние человека или семьи на грани выживания, а как показатель их относительного положения в обществе.

Относительная концепция бедности базируется на соотношении показателей благосостояния с уровнем материальной обеспеченности, преобладающим в конкретной стране или регионе.

Недофинансируя социальную сферу и перекадывая на плечи населения оплату услуг, которые в социальном государстве (каким, согласно Конституции, является Российская Федерация) должны быть бесплатными, сохраняя низкий уровень оплаты труда в бюджетной сфере, сельском хозяйстве и т.д., государство погружает в состояние относительной бедности все большие слои населения. В основе региональной дифференциации денежных доходов лежат, прежде всего, объективные различия регионов в экономическом развитии, социально-демографическом составе населения и природно-климатические условия проживания. Определенную роль играет социальная политика федерального центра и региональных органов власти. Субъективная концепция бедности базируется на оценках материального положения и уровня жизни, сделанных самими опрошиваемыми.

По итогам анализа социально-экономического положения регионов ЦФО было принято решение о выборе для количественного социологического исследования на Липецкой и Калужской областях, которые характеризуются как наиболее стабильные и характерные (типичные) для данного округа. Регионы Поволжья очень сильно различаются по уровню жизни населения, поэтому для изучения был выбран один из наиболее перспективных регионов — Удмуртская Республика, занимающая 38 место в указанном рейтинге (это уровень развития, соотносимый с регионами промышленной зоны Урала). В итоге, осуществлена подготовка к проведению социологического исследования с объемом выборки 1 800 респондентов в следующих регионах России: Калужская область, Липецкая область, Удмуртская Республика.

Обратимся к результатам изучения субъективных оценок бедности, сделанных представителями трех регионов России (Калужской области, Липецкой области и Удмуртской республики), в рамках данного исследования. Выборка была сформиро-

вана как серийная (гнездовая), при которой единицами отбора выступают однородные социальные категории (группы), а не отдельные индивиды. Исследование было направлено на изучение уровня жизни россиян и влияния социально-экономического положения на их установки и поведение, в том числе социально-политическую активность.

Методический инструментарий включал следующие блоки:

а. Жизненные (трудовые, материальные, духовные и др.) ценности и установки.

б. Эмоциональное состояние, уверенность в себе и факторы её определяющие, чувства, тревоги и страхи.

с. Вопросы социальной идентичности.

д. Карьерные перспективы и возможности развития.

е. Представления об успехе.

ф. Готовность к риску.

г. Представления о гражданственности, отношения к социально-политической активности.

h. Социально-демографический статус и положение семьи, в том числе:

- тип занятости;
- семейное положение;
- наличие детей;
- пол.

и. Материальное положение, в том числе:

- уровень доходов;
- наличие материальных затруднений;
- самооценка уровня материального благосостояния.

В структуру выборки были включены:

1) Основные обрабатывающие производства региональной экономики (по экспертной оценке представителей регионов). Всего 4–5 отраслей в каждом регионе.

2) Инфраструктурные отрасли.

Транспорт и связь.

Энергетика и ЖКХ.

Строительство.

3) Сфера услуг

Торговля, бытовые услуги и пр.

4) Социальная сфера.

Образование, здравоохранение, наука и т.д.

5) Особые категории —

Молодежь (до 25 лет).

Пенсионеры.

В результате исследования было получено 1994 анкет, в том числе 658 в Калужской области, 603 в Липецкой области, 733 в Удмуртии. Проведенная работа позволила получить обширный эмпирический материал для анализа уровня жизни россиян, их жизненных (трудовых, материальных, духовных и др.) ценностей и установках, эмоциональном состоянии, социальной идентичности, представлениях о карьерных перспективах и возможностях развития, представлениях об успехе, готовности к риску, а также о гражданственности и отношении к социально-политической активности. Вся эта информация в контексте данных о социально-демографическом статусе и материальном положении респондентов позволит ответить на вопросы о возможностях развития современного гражданского общества России как средства преодоления бедности и изменения образа жизни, и обосновать методические рекомендации по обеспечению повышения уровня жизни в субъектах Российской Федерации.

Не менее 80% выборки в каждом из регионов составили активные работающие жители. Далее, выделяются категории учащихся, в том числе совмещающих учебу с работой, а также пенсионеры (рисунок 1).

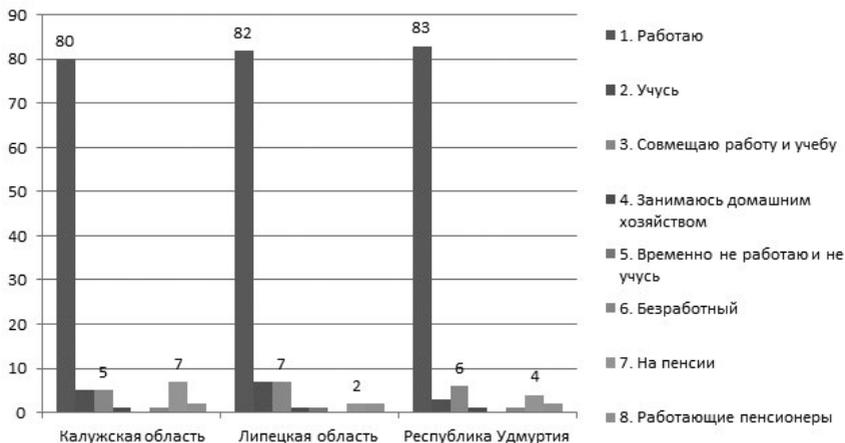

Рисунок 1. Род занятий (% от категории)

При этом значительную часть выборки составляют респонденты среднего и старшего возраста, имеющие опыт работы 15 и более лет (рисунок 2).

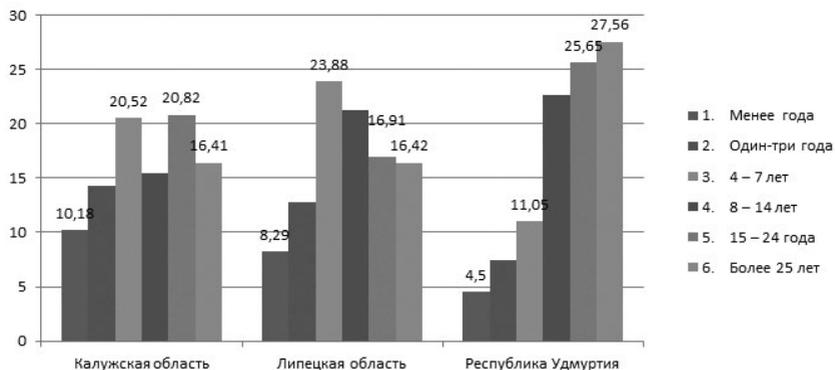

Рисунок 2. Трудовой стаж (% от категории)

В целом это отвечает общей ситуации на российском рынке труда: по данным Росстата, доля молодежи среди работающего населения страны составляет не более 20%. Более 60% в каждой выборке составили женщины, что также в целом отвечает общей демографической ситуации.

Ключевым для данного исследования показателем является самооценка респондентами уровня их материальной обеспеченности. Известно, что выделяется три подхода к характеристике бедности как социального феномена: абсолютная, относительная и субъективная бедность, и для исследования важным является именно последний, субъективный, аспект, существенно определяющий самочувствие и мотивационную сферу человека. Респондентов просили ответить на вопрос, к какой из групп по уровню жизни они принадлежат (рисунок 3).

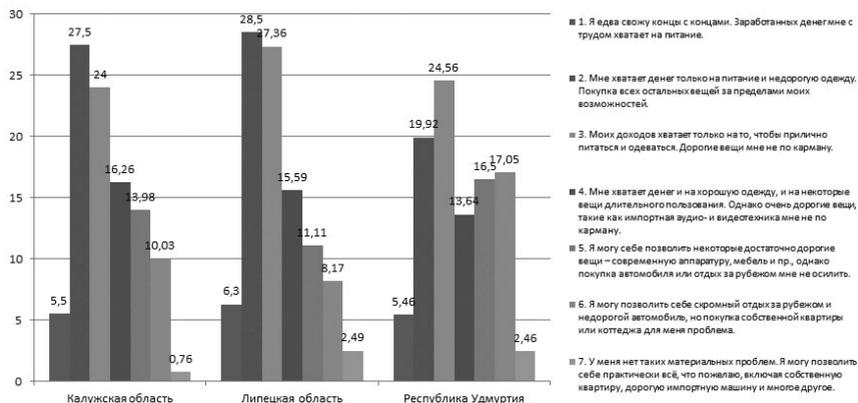

Рисунок 3. Самооценка уровня жизни (% от категории)

Объединив категории 1 и 2, 3–5 и 6–7, получаем укрупненные группы, объединяющие соответственно наименее обеспеченных, среднеобеспеченных и высокообеспеченных, как они сами себя оценивают (рисунок 4). Получилось, что порядка 55% в каждой выборке имеют средний уровень благосостояния, от четверти (в Удмуртии) до трети (Калужской и Липецкой областях) оценили уровень своего благосостояния как низкий или невысокий. Остальные респонденты считают, что их уровень жизни высокий или очень высокий.

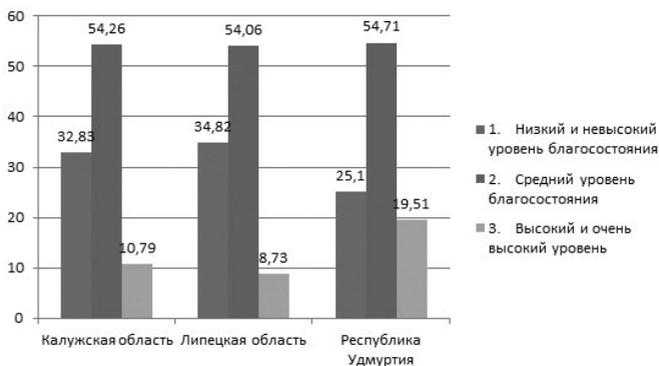

Рисунок 4. Категории, укрупненные на основании самооценки уровня жизни (% от категории)

Самооценка респондентов относительно соотносится со средним значением заработной платы по выделенным категориям (рисунок 5).

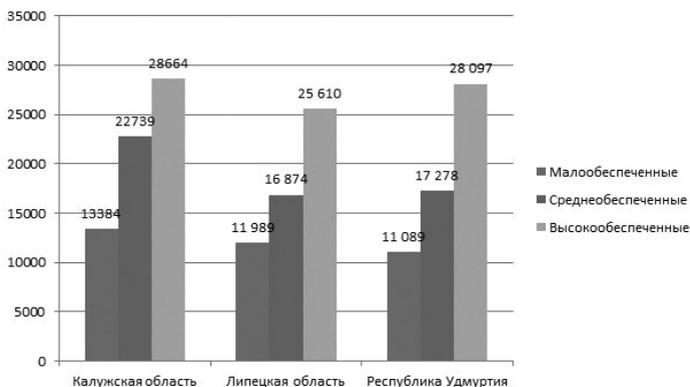

Рисунок 5. Среднее значение заработной платы (рублей в месяц по категориям)

Чем выше самооценка благосостояния, тем выше получаемая ими зарплата. Далее, обратимся к информации о материальном

положении опрошенных и сравним эти данные с данными статистической отчетности. Данные среднего значения заработной платы по каждой из выборок приведены на рисунке 6.

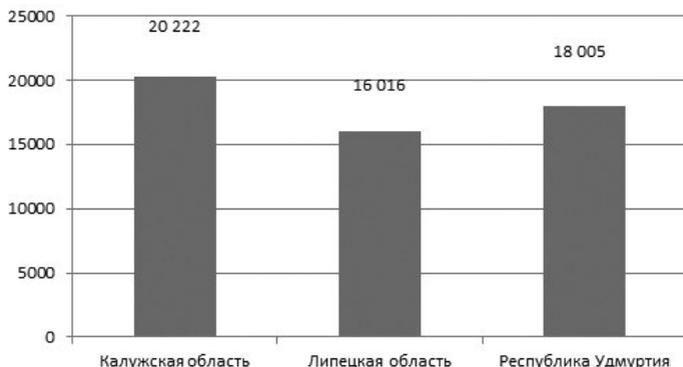

Рисунок 6. Среднее значение заработной платы, по данным опроса (рублей в месяц)

Сравним эти данные с данными статистической отчетности. Действительно, данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в целом повторяют профиль, полученный в результате опроса (рисунок 7).

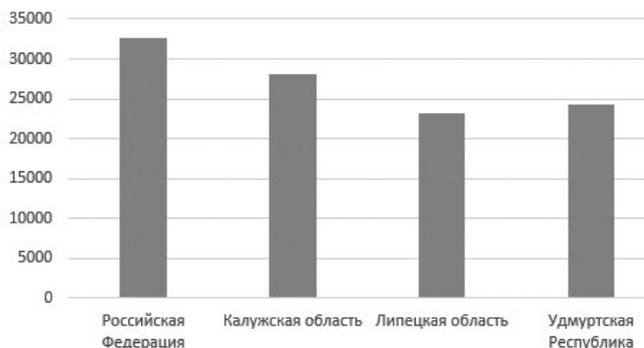

Рисунок 7. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, по данным Росстата (рублей в месяц)

Более высокая по сравнению с двумя другими регионами заработная плата у калужан, жители далее следуют жители Удмуртии, и лишь на третьем месте по уровню заработной платы жители Липецкой области. При этом среднее значение заработной платы в выборках исследования соответственно ниже, чем средняя номинальная начисленная заработная плата по региону.

Важным аспектом изучения уровня жизни в регионах России и влияния социально-экономического положения граждан на их установки и поведение, является изучение жизненных ценностей как основы, определяющей стратегии поведения и, в конечном счете, реальные действия индивида. Согласно теории М. Рокича, ценность есть устойчивое убеждение, что определенный способ поведения или существования есть индивидуально или социально предпочтительный способ поведения или существования в какой-либо ситуации¹. При таком подходе система ценностей является устойчивой совокупностью убеждений. Автор выделяет три типа убеждений: экзистенциальные, оценочные и прогностические, относя ценности к последнему из них. То есть ценности, выступая прогностическими убеждениями, позволяют ориентироваться в желательности или нежелательности способа существования и поведения. Автор также вводит понятия «смысловые (терминальные) ценности» как возможный образ бытия и «операциональные (инструментальные) ценности» как приемлемый способ действия. Аналогичным образом отечественные авторы различают ценности-цели и ценности-средства. Отметим, что такое деление весьма условно, поскольку одна и та же ценность может выступать как целью, так и средством.

Первой ценностью, отношение к которой анализировалось, был труд (рисунок 8).

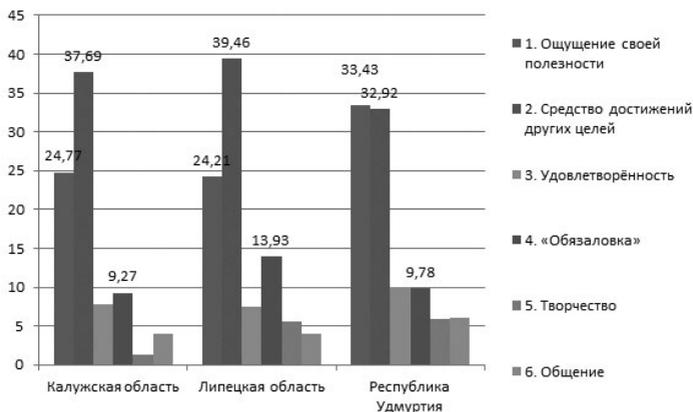

Рисунок 8. Смысл труда (% от категории)

Изначально в шкале не было предложено варианты, рассматривающего смысл труда через призму материальной компенсации, материальной выгоды. Однако большинство респондентов, пре-

¹ Rokeach M. Value survey. Sunnyvale, California: Halgren Tests, 1967; Rokeach M. The nature of human values. N. Y.: TheFreePress, 1973.

жде всего в Калужской и Липецкой областях, труд рассматривается как средство неназванных целей, и в основном речь идет о материально-денежных его аспектах. Таким образом, труд рассматривается респондентами как источник доходов, а также способ чувствовать свою полезность, быть общественно значимым.

Вторая ценность, смысл которой просили проанализировать респондентов — богатство (рисунок 9).

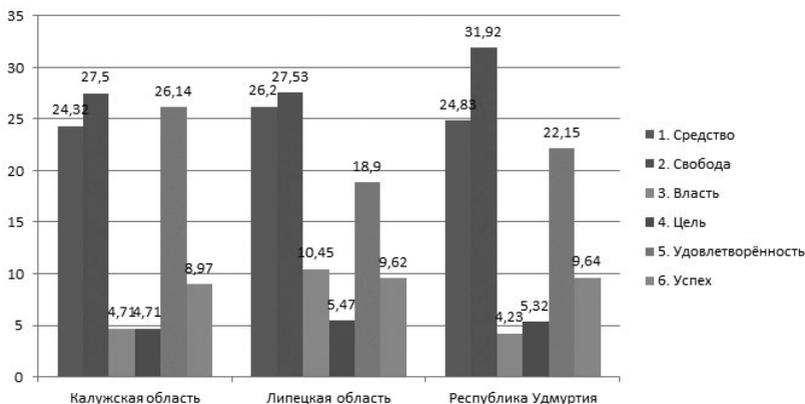

Рисунок 9. Смысл богатства (% от категории)

Большинство респондентов относится к богатству как к средству достижения чего-либо, но не как к самоцели. Это соотносится с в целом негативным отношением респондентов к людям, ориентированным на получение доходов любой ценой, иногда даже в обход закона (рисунок 10).

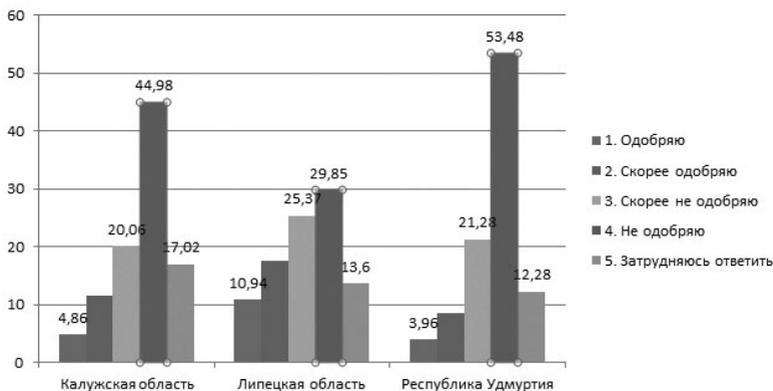

Рисунок 10. Отношение к стремлению людей делать деньги любой ценой (% от категории)

При этом из всех предложенных социальных категорий, чувства к которым просили выразить посредством оценки (где 1 — ненависть и отвращение, а 5 — симпатия), богатые люди были оценены наиболее благоприятно, тогда как хуже других радикальные националисты / фашисты и бюрократы, чиновники (рисунок 11).

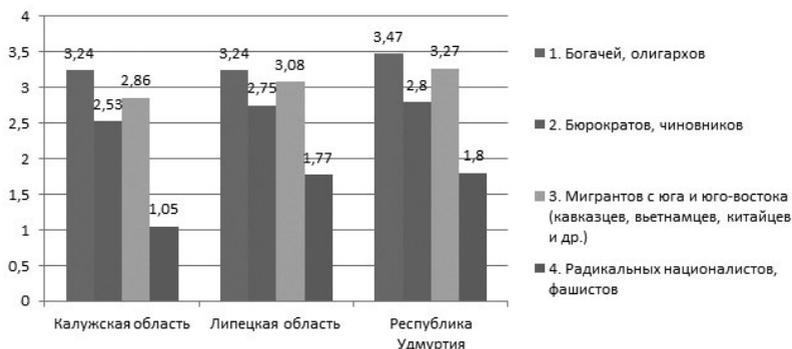

Рисунок 11. Отношение (чувства) к разным социальным категориям (среднее значение баллов)

Рассматривая далее жизненные ценности респондентов, обратимся к данным ими оценкам значимости разных аспектов в жизни современного человека (таблица 1). Респондентов просили дать оценки по семибальной шкале, где 1 — «совсем не важно», а 7 — «очень важно».

Приведенные в таблице средние значения оценок показывают общую важность того или иного аспекта жизнедеятельности, и ранги оценок в трех выборках в целом сходны. На первом месте идут: знания и профессионализм, материальный успех, а также порядочность и нравственные качества. Они формируют устойчивую триаду, состоящую из интеллектуальных, материальных и нравственных ценностей. Эти данные подкрепляются ответами респондентов о том, что, по их мнению, может помочь людям сохранить уверенность в себе, оставаясь личностью (таблица 2).

Оценки респондентов из трех региональных выборок также в целом сходны. Первые ранги занимают профессионализм и мастерство, общая культура и умение общаться, а также трудолюбие (для жителей Калужской области и Удмуртии) и материальные блага (для респондентов из Липецкой области). Примечательно, что важность материальных ценностей для респондентов из Липецкой области выделялась и в ответах на предыдущий вопрос.

Важно частью системы ценностных ориентаций личности, сформированной и закрепленной жизненным опытом индивида в

Таблица 1. Оценка значимости различных аспектов в жизнедеятельности современного человека (среднее значение баллов)

Аспект жизнедеятельности	Калужская область	Липецкая область	Удмуртская Республика
1. Репутация хорошего семьянина	4,85	4,91	5,01
2. Общественное признание	4,79	4,75	5,08
3. Свобода выбора	5,56	5,43	5,72
4. Равенство возможностей для всех	5,29	5,4	5,49
5. Религиозность	3,52	3,74	3,29
6. Материальный успех	5,78	6,03	5,93
7. Индивидуальность, независимость	5,56	5,49	5,6
8. Настоящая дружба	5,61	5,14	5,84
9. Предприимчивость и риск	4,85	4,83	4,89
10. Сексуальная гармония	4,59	4,52	4,9
11. Ощущение собственного превосходства	3,72	4,2	3,77
12. Власть, авторитет	4,34	4,79	4,23
13. Знания, профессионализм	5,94	5,62	6,14
14. Порядочность, нравственные качества	5,81	5,49	5,95
15. Добросовестный труд	5,58	5,24	5,87

ходе процессов социализации и социальной адаптации, является его отношение к родине и проблемам гражданственности. Респондентов просили определить, гордятся ли они своей страной, и как они понимают понятие «гражданство». Большинство респондентов испытывают чувство гордости за свою страну (рисунок 12), и оно тесно переплетается в их понимании с понятиями «патриотизм», «гражданство», «принадлежность к государству» (таблица 3).

Таблица 2. Оценка значимости различных аспектов личности, значимых для уверенности человека в себе (среднее значение баллов)

Аспекты личности	Калужская область	Липецкая область	Удмуртская Республика
Трудолюбие	5,66	5,45	5,95
Деньги, материальные блага	5,46	5,64	5,32
Полезные связи	5,36	5,07	5,02
Положение родителей	4,6	4,49	4,52
Профессионализм, мастерство	5,86	5,67	6,23
Образование	5,64	5,51	5,87
Общая культура, умение общаться	5,83	5,7	6,05
Предприимчивость	5,61	5,41	5,81
Руководящая позиция	4,75	5,02	5,02
Честность, принципиальность	5,03	4,87	5,23
Физическая сила, красота	4,43	4,27	4,35
Вера в Бога	4,2	3,97	3,92
Способность критически оценивать себя	4,79	4,8	5,12
Происхождение, знатность	3,68	4,13	3,62

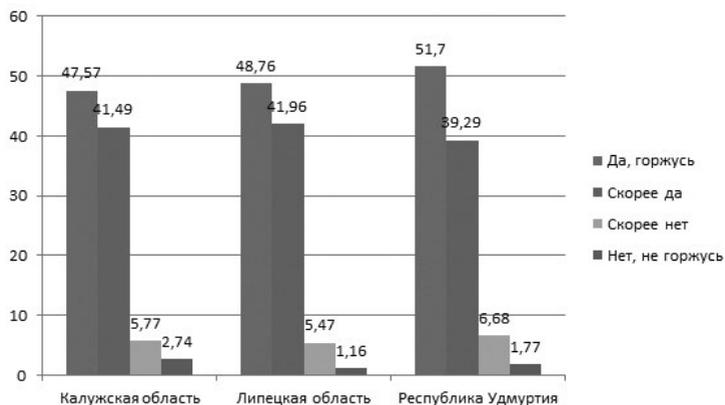

Рисунок 12. Отношение респондентов к своей стране (% от категории)

Таблица 3. Ассоциации с понятием «гражданство» (среднее значение баллов)

Ассоциированные понятия	Калужская область	Липецкая область	Республика Удмуртия
1. С патриотизмом	5,26	5,33	5,65
2. С национальным достоинством	5,38	5,33	5,5
3. С долгом, с обязанностью	5,19	5,2	5,42
4. С принадлежностью к государству	5,17	5,48	5,67
5. С безопасностью, с чувством защищенности	4,86	4,99	5,32
6. С конституционными правами	5,01	4,91	5,46

Для россиян гражданство — это, прежде всего, принадлежность к государству, патриотизм и национальное достоинство. Инструментальные аспекты, характеризующие обязанности государства перед гражданами и граждан перед государством, уходят на второй план.

После изучения ценностных ориентаций и общих представлений предметом изучения стала оценка реальных жизненных ситуаций респондентов, связанных с ними ожиданиях и возможных действиях. Респондентов просили оценить наличие у них тех или иных ресурсов и потребностей (таблица 4).

Таблица 4. Оценка потребностей (среднее значение баллов)

Потребности	Калужская область	Липецкая область	Республика Удмуртия
1. Семьи, домашнего очага	3,9	3,86	3,12
2. Интересной работы	4,2	4,45	3,57
3. Образования, знаний	3,97	4,23	3,69
4. Общения, друзей	3,82	3,86	3,36
5. В деньгах, материальных благах	5,54	5,75	5,34
6. В признании, славе	2,73	2,93	3,21
7. В красоте, искусстве	3,61	4,12	3,82
8. В любви	4,17	4,13	3,93

Чаще все респонденты указывали на то, что нуждаются в деньгах, материальных благах. Налицо дефицит наличия интересной работы, востребованности этой опции. Примечательно, что в одном ряду с такими во многом утилитарными аспектами идет нехватка любви, на которую также указывают опрошенные. Многие отметили, что им не хватает здоровья, времени или возможности для отдыха. Именно материальные трудности наряду с проблемами здоровьем являются главными предметами страхов и тревог россиян (таблица 5).

Таблица 5. Причины тревог и страхов (среднее значение баллов)

	Калужская область	Липецкая область	Республика Удмуртия
1. Материальные трудности	46,5	52,4	47,74
2. Отсутствие жилья	12,46	20,56	11,86
3. Угроза остаться без работы	24,77	27,52	20,05
4. Угроза одиночества	10,94	14,96	12,82
5. Криминогенная обстановка, опасность для жизни	12,77	11,11	18
6. Националистические проявления	5,62	6,3	7,78
7. Терроризм	16,1	13,76	15,96
8. Опасность гражданской войны	18,84	16,91	16,09
9. Обстановка на Северном Кавказе	1,37	1,66	1,36
10. Засилье мигрантов в наших городах	18,39	3,98	8,05
11. Проявление религиозного фанатизма	7,29	4,8	11,05
12. Невозможностью получить (дать детям) образование	8,05	9,78	8,87
13. Состояние моего здоровья или здоровья родных, близких	59,42	47,09	55,93

Для россиян является высокозначимой угрозой остаться без работы. Обращает на себя внимание страх перед опасностью гражданской войны и терроризмом, а также проблема мигрантов в Калужской области.

Значимость материального аспекта в оценках респондентов не случайна — большинство из них с той или иной периодичностью испытывают материальные затруднения (рисунок 13).

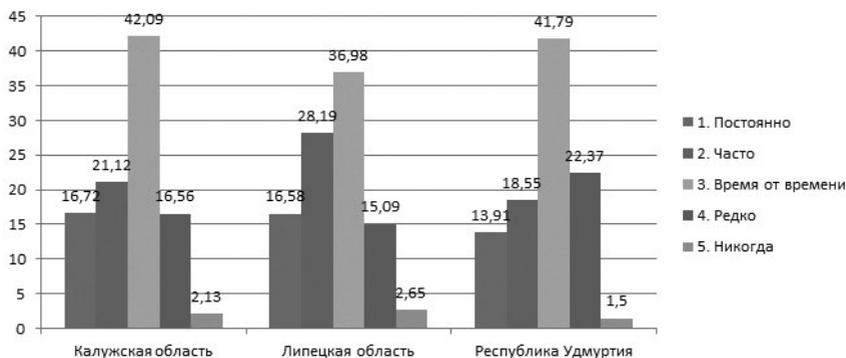

Рисунок 13. Наличие материальных затруднений (% от категории)

В целом, большинство опрошенных с уверенностью и надеждой смотрят в завтрашний день (рисунок 14). Тем не менее, очевидно, что тревога, страх, возмущение, гнев также присутствуют среди их эмоций.

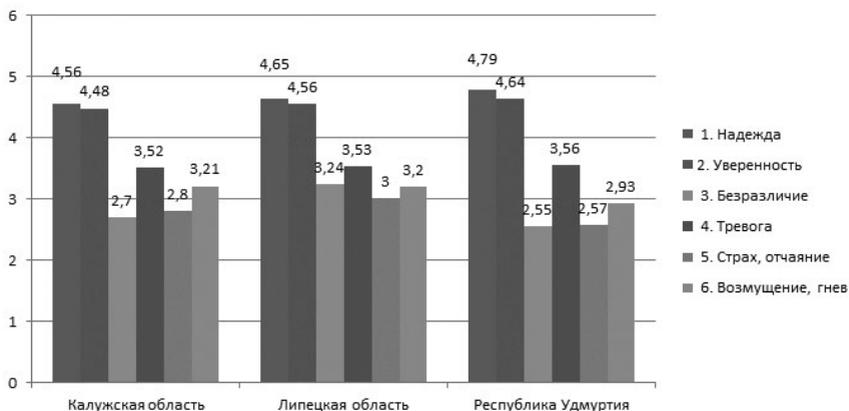

Рисунок 14. Эмоциональное состояние (среднее значение баллов)

Во многом это связано с существенной неопределенностью относительно ближайшего будущего (рисунок 15).

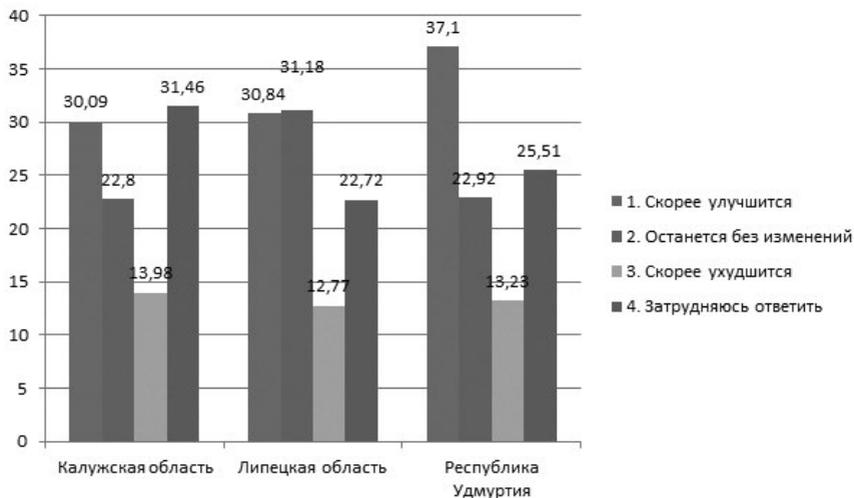

Рисунок 15. Ожидания от собственной жизни в ближайшие три года (% от категории)

Наименее уверенными себя чувствуют жители Липецкой области. Это видно из оценок, которые были даны своей настоящей жизни (рисунок 16).

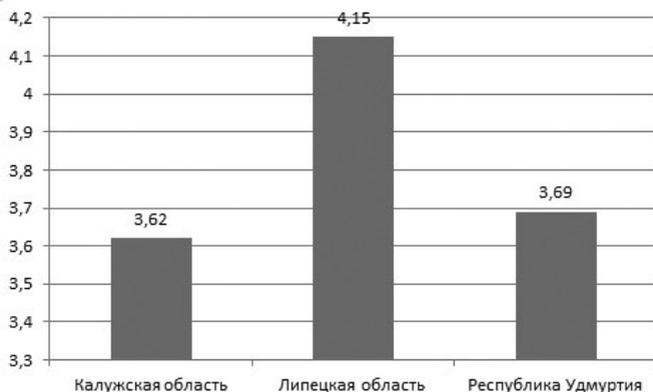

Рисунок 16. Оценка своей текущей жизненной ситуации (среднее значение баллов)

Чем выше оценка, тем меньше респонденты ощущают стабильность и безопасность, и тем больше — неопределенность, потенциальную угрозу и риск. При этом далеко не все готовы рисковать (рисунок 17).

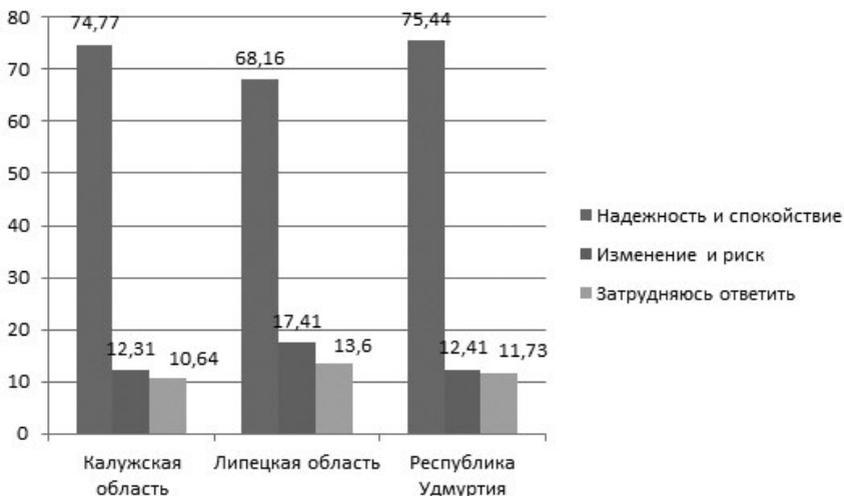

Рисунок 17. Выбор надежности против риска (% от категории)

При наличии выбора большинство предпочло бы надежность и спокойствие изменениям и риску. Это подтверждают ответы о том, как респонденты готовы отстаивать свои права (рисунок 18).

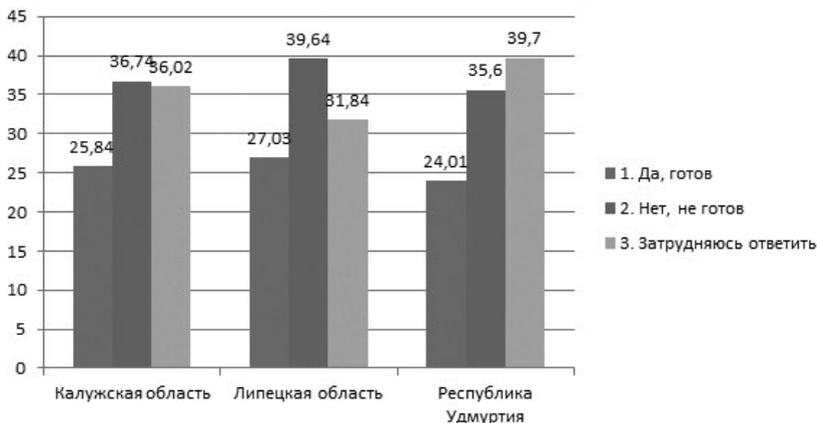

Рисунок 18. Готовность участвовать в массовых выступлениях и акциях протеста в случае ухудшения ситуации (% от категории)

Каждый четвёртый из опрошенных жителей регионов рассматривает возможность активно и публично проявлять свое недовольство в случае ухудшения ситуации. При этом, как следствие на явное недовольство текущим положением, жители Липецкой об-

ласти продемонстрировали большую готовность к активным действиям (рисунок 19).

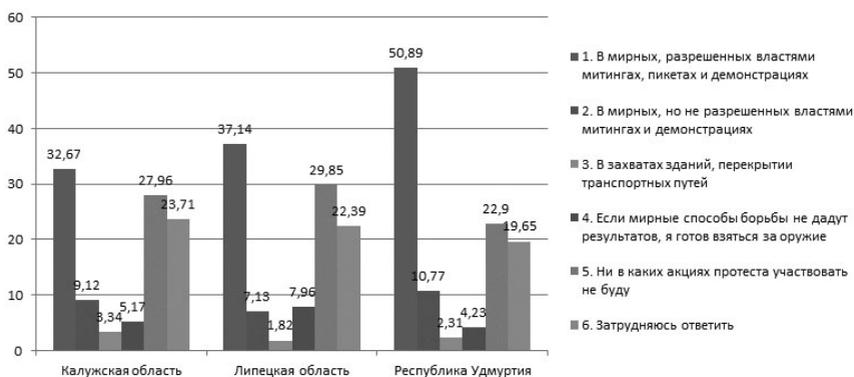

Рисунок 19. Готовность использовать методы защиты своих интересов (% от категории)

Большинство респондентов предпочли бы участие в мирных, разрешенных властями митингах и пр. мероприятиях, тогда как к серьезным мерам готово прибегнуть в Липецкой области — порядка 10% жителей, в Калужской области и Удмуртии — 8,5% и 6,54% жителей соответственно.

Сравнение данных, полученных в результате опроса представителей трех регионов — Калужской и Липецкой областей, а также Удмуртской Республики, показало существенное сходство в ценностных ориентациях, оценке ситуации, ожиданиях и возможных действиях респондентов. Это подтверждает репрезентативность проведенного опроса и позволяет использовать его результаты для подготовки выводов и рекомендаций. Большинство респондентов, вошедших в выборку, оценивают свой уровень жизни как низкий или невысокий средний, что в целом отвечает структуре населения регионов. Они не стремятся к богатству как к самоцели, однако разделяют его значимость как средства, инструмента, возможности для достижения чего-либо значимого. При этом богатые люди («богачи, олигархи») не вызывают большого отторжения, такого, как, например, радикальные националисты или бюрократы, чиновники.

Из ответов на многие вопросы складывается картина существенной материальной неустроенности, когда финансово-экономические трудности вызывают у респондентов страх наравне с терминальным страхом о здоровье — своем и близких. В целом, ценностные ориентации, оценка ситуации, ожидания и возможные

действия респондентов оказались независимыми от их текущего материального положения. На имеющихся данных существенных различий в ценностно-нормативной и инструментальных сферах выявить не удалось.

Проведенный анализ позволяет уточнить представление о бедности в современном мире, задавая тем самым рамки осмысленной проблемы и возможных путей по её решению.

Долгое время развитие проблемы преодоления бедности и повышения уровня жизни основывалось на экспертных мнениях. Реализованное исследование позволяет дать объективную характеристику ситуации, оценить угрозы для социальной стабильности, возникающие для общества вследствие снижения и невозможности корректировки в лучшую сторону уровня жизни россиян, научное обоснование и чёткую статистическую оценку интуитивным представлениям о роли и механизмах воздействия социально-экономического неравенства и бедности на состояние российского общества и социально-политическую активность россиян.

Для того чтобы радикально изменить к лучшему образ жизни большинства граждан современной России и избавить миллионы соотечественников от многовековой позорной участи бедняков, необходимы консолидированные усилия созидательных сил по становлению и успешному развитию гражданского общества. Его задача взять под контроль деятельность государства и его управленческих рычагов, нацелить энергию активной части национально ориентированной элиты и широких гражданских масс на сложную работу по переналадке общественного механизма на справедливое социальное созидание. Такая работа возможна лишь при условии утверждения в обществе устойчивого режима социальной безопасности и выработки механизмов его поддержания и укрепления. В противном случае, проявления общественного недовольства разрушат незавершённые конструкции общества социальной справедливости, отбросив строителей на стартовые позиции их усилий.

Иващенко А.В.,
Кирилина Т.Ю.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ УВОЛЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ, ЕЕ ЭТАПЫ, МЕХАНИЗМЫ, КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ

DISMISSED SERVICEMEN SOCIAL INTEGRATION IN CONDITIONS
OF CIVIL LIFE, ITS STAGES, MECHANISMS, CRITERIA AND INDICATORS

Иващенко А.В., научный сотрудник НИЛ научно-исследовательского центра филиала Военной академии РВСН имени Петра Великого (г. Серпухов), e-mail: avi05@yandex.ru

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной сферы Российского государственного социального университета, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Технологического университета Московской области, e-mail: kirilina_t@rambler.ru

Ivaschenko A.V., employee of the scientific center research laboratory of the branch of Strategic Missile Troops Military Academy, named after Peter the Great (Serpukhov)

Kirillina T. Y, doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Sociology of the social sphere of the Russian State Social University, head of the department of humanities and social sciences of University of Technology, the Moscow region

Аннотация: в статье рассматривается важный социальный феномен — социальная интеграция уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни в период военной реформы. В частности, в работе рассмотрены этапы и механизмы процесса интеграции уволенных военнослужащих, а также определены ее критерии и показатели.

Annotation: dismissed servicemen social integration in terms of civil life during the period of military reform as important social phenomena is under review in the article. In particular, the stages and mechanisms of the integration process of dismissed servicemen are studied as well as determined its criteria and indicators.

Ключевые слова: социальная интеграция, уволенные военнослужащие, реформа ВС РФ, этапы, механизмы, критерии и показатели социальной интеграции уволенных военнослужащих.

Key notes: social integration, dismissed servicemen, Russian military reform, stages, mechanisms and indicators of dismissed servicemen social integration.

Проводимая в стране реформа Вооруженных сил Российской Федерации (2008–2020 гг.) (далее ВС РФ) затрагивает все функциональные основы ВС РФ — численность состава, органы центрального военного управления, организационно-штатную структуру и систему подготовки офицеров, предусматривает поэтапное оснащение армии современным вооружением и военной техникой [2]. Современная военная реформа, решающая важную задачу создания мобильных, оснащенных современной техникой и вооружением, хорошо подготовленных вооруженных сил имеет и некоторые негативные стороны. Одной из них является кадровый вопрос. В результате организационно-штатных мероприятий, по данным Минобороны, уже к концу 2009 года было уволено более 400 тысяч военнослужащих, из которых 117 тысяч — сравнительно молодые офицеры [3]. Особую остроту сложившейся ситуации придает тот факт, что 57,2 тысячи человек были уволены без права на пенсию [3]. Из-за негативного психологического влияния проводимых в армии организационно-штатных мероприятий часть военнослужащих уволилась по собственному желанию. Таким образом, в связи с реформой ВС РФ возникла проблема социальной адаптации лиц, уволенных с военной службы, к условиям рыночных отношений, сложившихся в экономике России, и их интеграции в условия гражданской жизни.

В советское время при государственном регулировании социального и экономического поведения человека интеграция уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни не рассматривалась как фундаментальная социальная проблема, так как государственная система не допускала широкой вариативности индивидуального поведения бывших военнослужащих в данной сфере. Осуществляемые в настоящее время мероприятия привели к острой социальной проблеме, связанной с адаптацией к новым условиям гражданской жизни и интеграцией в нее большого числа бывших военных. Поскольку особый регламент военной службы нередко создает уволенным военнослужащим проблемы при переходе к гражданской жизни в процессе социальной адаптации и интеграции, в сложившейся ситуации необходимо акцентировать внимание на специфике их социального статуса.

Понятие «интеграция» является одним из базовых в понятийно-категориальном аппарате социологических наук. В современной социологической науке под социальной интеграцией понимается процесс превращения относительно самостоятельных, слабо связанных между собой объектов (индивидов, групп, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованно-

стью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и т.д.; процесс установления оптимальных связей между социальными институтами, группами, ветвями власти и управления, в выработке обществом единой идеологии [7].

В свою очередь, социальная интеграция представляется более сложным феноменом и процессом не только потому, что имеет место достаточно большое количество элементов и частей, но и по причине качественно иного характера взаимосвязей. В современной отечественной социологии социальная интеграция определяется как состояние и процесс объединения социальных явлений в единое целое, сосуществование различных элементов общества, гармонизация отношений между различными социальными группами, их взаимозависимость; духовное, социально-политическое и экономическое единство общества, проявляющее себя в создании единой для всех людей системы ценностей и идеалов; наличие упорядоченных отношений между индивидами, группами, организациями; единство разнообразия; характеристика меры совпадения целей, интересов различных социальных групп, индивидов [8].

Анализ различных подходов к проблеме социальной интеграции позволяет определить ее, в отношении уволенных военнослужащих, как процесс объединения в единую систему уволенных военнослужащих и принимающего гражданского сообщества, конструктивное взаимодействие и установление оптимальных, бесконфликтных связей между уволенными военнослужащими и принимающим гражданским сообществом, в результате которого уволенный военнослужащий:

- активно гармонизирует свои внутренние и внешние характеристики (в соответствии с потребностями личности);
- испытывает чувство принадлежности к новой социальной среде на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений;
- занимает активную социальную позицию и приобретает новый социальный статус.

Конечным итогом данного процесса является не только удовлетворение потребностей бывшего военного, но и оправдание ожиданий принимающего гражданского сообщества.

Этапы и механизмы социальной интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни в период реформирования армии определяются их особенностями как социальной группы. Являясь социальным институтом, российская армия представляет собой специфическую структуру и требует особого подхода к ее изучению.

Этапы интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни определены обстоятельствами и факторами увольнения. Анализ последствий современной военной реформы выявил три социальные группы уволенных военнослужащих:

— вынужденные уволиться, то есть уволенные в ходе проводимых организационно-штатных мероприятий, или уволившись в силу личных убеждений вследствие негативного воздействия проводимых мероприятий;

— опосредованно уволенные, так как в результате структурных изменений некоторые воинские подразделения были переведены на гражданскую основу, не подчиняющуюся Министерству обороны, а военнослужащие, соответственно, перешли на гражданские должности. Впоследствии в этих подразделениях произошли организационно-штатные изменения, и ряд бывших военнослужащих были уволены как гражданский персонал;

— уволившиеся добровольно — это в основном военнослужащие, имеющие право на пенсию, получившие жилье и уверенные в своем трудоустройстве в условиях гражданской жизни.

При вынужденном и опосредованном увольнении процесс социальной интеграции проходит следующие этапы:

— адаптационный шок — известие об увольнении: самый тяжелый этап в контексте социально-психологического состояния уволенного военнослужащего (негативные эмоции, страх перед неизвестным будущим и т.д.);

— подготовительный этап — освоение новых социальных норм, координация социально-психологического состояния;

— интеграция в новую социальную среду — принятие или непринятие новых социокультурных норм, ресоциализация в условиях гражданской среды, достижение нового социального статуса и освоение новых социальных ролей.

При добровольном увольнении первый этап отсутствует. Уволившийся военнослужащий практически готов к интеграции в условия гражданской жизни, так как его действия носят продуманный характер.

Существенное место в процессе интеграции занимают механизмы ее осуществления. Социологический анализ механизмов социальной интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни можно рассматривать в рамках рефлексивной социологии П. Бурдьё и теории структуризации Э. Гидденса [1,4].

В общенаучном смысле под механизмом, как правило, понимают «...совокупность/последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие или явление» [9].

Применительно к интегративным процессам, под механизмом интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни следует понимать совокупность последовательных, логически взаимосвязанных и взаимообусловленных шагов, направленных на установление нормативно-правовых, экономических, социокультурных и других отношений с новой социальной средой.

К основным механизмам интеграции можно отнести: институциональный, нормативно-правовой, коммуникационный и социальную мобильность. В современном обществе ключевым механизмом интеграционных процессов является институциональный. Любой индивид подчиняется влиянию общества, которое воздействует на него через различные институты. Заметим, что речь идет в данном случае об институте как о всеобщей характеристике социальной жизни. Институциональные механизмы заключаются в реализации политики интеграции и определении тесных партнерских взаимоотношений между ее субъектами — органами власти различных уровней и объединениями граждан.

Поскольку содействие интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни в период реформирования армии представляет собой многогранную проблему, то ее решение невозможно без тесного взаимодействия различных министерств, служб и соответствующих социальных институтов. Поэтому нужна специальная институциональная единица, в компетенцию которой входило бы решение вопросов не только социальной адаптации, но и интеграции указанной категории граждан. Так как функция интеграции реализуется в обществе через правовые институты, совершенствование правовых механизмов социальной интеграции уволенных военнослужащих является необходимым условием успешной интеграции данной категории граждан в условия гражданской жизни.

В правовой сфере военно-социальной политики государства отмечены особенности социального обеспечения граждан, уволенных с военной службы. Оно осуществляется за счет средств федерального бюджета. Нормы права на социальное обеспечение определены в федеральном законодательстве соответствующими законами, указами, постановлениями и правовыми актами.

Учитывая особый характер служебной деятельности и государственную значимость военной службы, для социального обеспечения уволенных военнослужащих, по сравнению с другими категориями граждан, установлены повышенные размеры пенсий, пособий и компенсационных выплат. Социальное обеспечение уволенных включает в себя также различные льготы, определенные исключительно для данной категории граждан.

Основным законом, который регулирует ключевые моменты в процессе интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни, является Федеральный закон «О статусе военнослужащих» [10]. Вследствие трансформаций, происходящих в ВС РФ, в данный закон внесены поправки, касающиеся социальных гарантий увольняемых военнослужащих в условиях проводимой военной реформы. Они играют существенную роль в системе мер по социальной адаптации и интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни.

Существенную роль в полноценной и глубокой социальной интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни играет социальная мобильность.

Социальная структура общества характеризуется динамичностью, которая связана с социальной активностью индивидов. П.А. Сорокин определяет социальную активность как общую интегративную характеристику внутренних возможностей субъекта в осуществлении деятельности, направленной на поддержание и развитие социальной целостности [6]. Итогом активности, сориентированной на процесс развития индивида в структуре общества, является социальная мобильность.

В рамках рассматриваемой проблемы (интеграция уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни) ключевыми являются типы социальной мобильности, так как они влияют на такие важные критерии, как понижение или повышение социального статуса. Процесс интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни, прежде всего, происходит на уровне индивидуальной мобильности, которая происходит как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Причем их мобильность после увольнения из рядов ВС РФ в большинстве случаев связана с социальными, трудовыми, а иногда и с территориальными перемещениями.

Исследования показали, что для большинства военнослужащих (51,1%) после увольнения приоритетную роль играет проблема трудоустройства в условиях гражданской жизни. В отношении бывших военнослужащих можно отметить три определяющих типа профессиональной мобильности:

— обстоятельства, характерные для каждого этапа профессионального развития индивида (адаптация к профессии, новой сфере деятельности и др.);

— объективные обстоятельства, присущие каждому периоду профессионального развития индивида (необходимость в определенных специалистах на производстве и их профессиональная специализация);

— субъективные обстоятельства, присущие любому периоду профессионального развития индивида (внутриличностные конфликты, стремление к самореализации).

В непривычных для большинства уволенных военнослужащих условиях рыночных отношений им сложно найти свою профессиональную нишу, которая бы сохранила их достаточно высокий социальный статус, обусловленный высшим образованием, высокими профессиональными навыками, занимаемыми должностями в ВС РФ. Немаловажным фактором является также достойная оплата труда. Так на вопрос: Что для Вас является первостепенным при трудоустройстве на гражданскую профессию? $\frac{3}{4}$ респондентов (76%) ответили — надежность и гарантия трудоустройства; 65,3% отметили достойную оплату труда; 15,9% — сохранение/повышение социального статуса; 10,7% — легкость и быстроту освоения [5, с. 33].

Поэтому требования, выдвигаемые ими в условиях современного рынка труда к новой профессии, не для всех достижимы (например, в банке вакансий Московской области 64% от всех предложений составляли рабочие и низкоквалифицированные профессии). Для сохранения своего социального статуса или достижения более высокого многие военнослужащие стремятся получить второе высшее образование либо пройти переподготовку или переобучение. Существенную роль при этом играет готовность уволенного военнослужащего к смене профессии. Это состояние ориентирует его на активный поиск своего места в новых обстоятельствах, анализ собственных возможностей, изучение информации о конъюнктуре современного рынка труда, поиск оптимальных для себя условий.

Неосведомленность уволенных военнослужащих о состоянии рынка труда или нежелание спуститься по социальной лестнице на более низкий уровень (менее квалифицированная работа, недостаточная оплата труда и т.д.) может сопровождаться маргинальностью, то есть неопределенным состоянием личности по отношению к устойчивым социальным группам. Бывшие военнослужащие, исключенные из системы привычных социальных связей, испытывают негативное психоэмоциональное состояние, что может отрицательно сказаться как на ближайшем окружении (на микроуровне), так и на обществе в целом (на макроуровне). Данную категорию военнослужащих можно отнести к следующим группам маргиналов: социомаргиналы — группы, находящиеся в процессе незавершенного социального перемещения; экономические маргиналы, возникающие при потере работы и материального благо-

получия. Наличие маргинальной страты среди уволенных военнослужащих способно привести к социальной нестабильности в обществе.

Немаловажное место в процессе интеграции уволенных военнослужащих занимают коммуникативные механизмы. В общем плане коммуникация является способом общения, который позволяет передавать и принимать различную информацию.

В современном обществе наблюдается слабая социальная активность гражданского населения, это касается и процесса интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни. Одним из важнейших условий активизации граждан является знание о том, какие действия происходят в интеграционных процессах, какое значение они имеют для самого гражданского населения и как они могут участвовать в этом процессе. Особенно значимыми в такой ситуации, в первую очередь, становятся СМИ, которые могут быть инструментами информирования и просвещения. Существенное место в этом процессе могут занимать не только федеральные средства массовой информации, но и СМИ регионального и местного уровня, а также различные общественные организации (проведение просветительских мероприятий).

Не умоляя значимости СМИ, отметим, что в современном мире значительное место в системе распространения и получения информации занимают интернет-технологии. Более половины уволенных военнослужащих (64%) отмечают, что необходимую информацию, в процессе увольнения из рядов ВС РФ они получили из интернет-источников. Использование новейших информационных и телекоммуникационных технологий способствует решению множества задач, в том числе и по информированию гражданского сообщества о характеристиках, интегрирующихся в него уволенных военнослужащих.

Конструктивное использование информационного пространства в период реформирования ВС РФ позволяет объединять все формы и системы работы в области социальной адаптации и интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни, а также подготовить гражданское сообщество к активному принятию его новых членов. Таким образом, в качестве коммуникативных механизмов в процессе интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни целесообразно использовать совокупность различных каналов информирования населения.

Существенным для оценки эффективности процесса социальной интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни в период реформирования армии является определе-

ние критериев и показателей социальной интеграции данной категории граждан.

Критерии социальной интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни это — признаки, на основании которых формируется оценка качества процесса социальной интеграции.

К основным критериям социальной интеграции уволенных военнослужащих относятся: идентификационно-мировоззренческий; личностно-оценочный; поведенческий.

Идентификационно-мировоззренческий критерий позволяет осмыслить самоощущения уволенных военнослужащих, оценить свои возможности в сравнении с другими гражданами, а также отношение принимающего сообщества к уволенным военнослужащим. Данный критерий дает возможность понять мировоззренческие установки уволенных военнослужащих, их позиционирование во взаимоотношениях с обществом, насколько успешно уволенный военнослужащий смог «включиться» в общество, как проходит данный процесс

Личностно-оценочный критерий дает возможность выяснить, как уволенный военнослужащий оценивает свой новый социальной статус в социальной структуре общества, уровень удовлетворенности своих потребностей, а также свое социально-экономическое благополучие.

Поведенческий критерий позволят установить, какую стратегию поведения выбирает для себя уволенный военнослужащий, как он определяет характер собственного поведения и какую модель социальной интеграции считает приемлемой для себя. Поведенческий критерий помогает выяснить готовность личности к деятельности; конкретные результаты, достигнутые в процессе ее осуществления; основные качества, проявляемые на поведенческом уровне.

Показатели социальной интеграции военнослужащих, уволенных из рядов ВС, — это характеристики процесса социальной интеграции, позволяющие фиксировать его состояние и тенденции развития.

Идентификационно-мировоззренческий критерий может быть изучен по следующим показателям:

удовлетворенность включенностью уволенного военнослужащего в новую для него среду;

— оценке социальной комфортности;

— оценке уволенным военнослужащим успешности своей интеграции в общество;

— степени включенности уволенных военнослужащих в новые трудовые отношения (удовлетворенность новой работой, позитивные отношения с членами коллектива и т.д.);

— степени включенности в новые социокультурные отношения (активное участие в общественной жизни);

— личностно-психологическому самочувствию (ощущение полной принадлежности к новому обществу — «свой среди своих»).

Личностно-оценочный критерий включает в себя следующие показатели:

— уровень притязаний уволенного военнослужащего;

— самооценку нового социального статуса;

— оценку социально-экономического благополучия;

— уровень социального оптимизма.

Показателями поведенческого критерия являются:

— готовность уволенного военнослужащего к реализации собственной стратегии интеграции в общество;

— оценка социальной мобильности;

— выбор стратегии социальной интеграции в условия гражданской жизни;

— оценка социальной и гражданской активности;

— барьеры, которые видит уволенный военнослужащий в реализации собственной стратегии интеграции в общество;

— пути и способы, избираемые уволенным военнослужащим для преодоления барьеров социальной интеграции;

— оценка социальной мобильности: динамика экономического статуса уволенного военнослужащего, его карьерный рост.

Мотивы деятельности, готовность к реализации собственной стратегии интеграции в общество, предпринимаемые реальные шаги по реализации выбранной стратегии во многом определяет социальную мобильность уволенного военнослужащего, стратегию его поведения.

Процесс социальной интеграции уволенных военнослужащих напрямую зависит от ряда факторов, таких как:

— срок выслуги в рядах ВС и возраст уволенных военнослужащих;

— статус занимаемой во время службы в армии должности;

— полученная военная специальность (соответствие гражданским специальностям, востребованность данной специальности на рынке труда);

— личностно-психологические особенности уволенного военнослужащего (социальная активность).

- причина увольнения;
- место проживания уволенных военнослужащих (места компактного проживания или мегаполисы).

Например, для уволенных военнослужащих с выслугой менее 10 лет первостепенное значение имеет социально-экономическое благополучие. Представители данной группы не получили права на социальные льготы, как, например, право на жилье и право на пенсионное обеспечение. Военнослужащие, прослужившие менее 10 лет, имеют не очень высокий статус в ВС, и, как следствие, его сохранение не является обязательным в новой трудовой деятельности, что значительно упрощает поиски работы.

Сравнительно короткий срок службы не оказал существенного влияния на личностно-психологические характеристики и социокультурные установки бывшего военнослужащего. Отсутствие социокультурной дистанции помогает быстро находить новые социальные связи, успешно адаптироваться к ним и полноценно интегрироваться в условия гражданской жизни за достаточно короткий промежуток времени.

Для уволенных военнослужащих с выслугой от 10 до 20 лет, приоритетными являются социально-экономические характеристики. Данная социальная группа уже имеет право на получение жилья, но не имеет права на пенсионное обеспечение. Для них первоственной задачей является трудоустройство. Военнослужащие, прослужившие 10–20 лет, — это самая активная социально-экономическая группа (трудовой капитал гражданского сектора экономики). Они трудоспособны, имеют определенный опыт работы и желают продолжить трудовую деятельность. Однако их военная специальность не всегда соответствует конъюнктуре современного рынка труда. Для этих военнослужащих большую роль играют переподготовка / переобучение и адаптация к новым трудовым отношениям. Успех данного процесса во многом зависит от правильно сформированной социальной политики государства и военно-социальной политики в данной сфере.

Успешность интеграции в новые трудовые отношения определяется личностно-психологическими характеристиками, выработанными за годы службы. Притязания бывших военнослужащих и ожидания новой социальной среды не всегда совпадают, что значительно осложняет процесс адаптации и создает проблемы в процессе интеграции. Имея значительный срок выслуги и определенный статус в военной иерархии, уволенные военнослужащие хотели бы сохранить свой, достаточно высокий социальный статус. Однако, принимая во внимание сложные условия рынка труда

(в первую очередь уровень безработицы и высокую конкуренцию), уволенные военнослужащие с выслугой 10–20 лет соглашаются на менее престижную работу. Поэтому требуется более продолжительный период социальной адаптации и интеграции.

Уволенные военнослужащие с выслугой более 20 лет имеют право на пенсионное обеспечение, жилье и ряд других социальных льгот. Проблемы в процессе их адаптации и интеграции в условия гражданской жизни обусловлены высоким социальным статусом, приобретенным за годы службы в армии, и социокультурными особенностями военной среды (например, штабная культура).

Сохранение статусной значимости (даже формально) зачастую является обязательным условием для трудоустройства данной возрастной группы. Процесс адаптации занимает продолжительное время, так как сформированные за годы службы стереотипы норм поведения и личностные установки имеют для них большое значение. Межличностные связи в гражданском сообществе (или в новых социальных условиях) нередко носят формальный характер, что позволяет нам говорить о незавершенной/неполной интеграции.

Значительным в процессе интеграции уволенных военнослужащих в условия гражданской жизни, является интеграционный потенциал принимающего гражданского сообщества. Без конструктивной реализации функций гражданского общества и общественных организаций осуществление социальной интеграции уволенных военнослужащих сталкивается с рядом проблем. Во-первых, институты социальной адаптации и интеграции уволенных военнослужащих недостаточно эффективно выполняют свои функции. Во-вторых, отсутствуют инструменты согласования интересов различных акторов социальной интеграции уволенных военнослужащих: федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, работодателей, иных бизнес-структур, общественных организаций. В-третьих, нет четкого разграничения полномочий различных акторов в процессе социальной интеграции бывших военнослужащих и финансирования. Представляется целесообразным перенести акцент политики интеграции на уровень местного самоуправления. В-четвертых, социальная интеграция уволенных военнослужащих нуждается в системе общественного контроля со стороны гражданского сообщества.

Сегодня реализация социальной интеграции уволенных военнослужащих наталкивается на фундаментальные проблемы: недостаточно эффективную деятельность институтов социальной

адаптации и интеграции уволенных военнослужащих; отсутствие инструментов согласования интересов различных акторов и четкого разграничения их полномочий в процессе социальной интеграции уволенных военнослужащих; необходимость общественного контроля со стороны гражданского сообщества. Без развития гражданского общества, общественных организаций успешная интеграция невозможна.

Литература

1. Бурдье П. Структуры, habitus, практики. — В кн. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
2. Военная реформа 2008–2020: цифры и факты. — М.: ПИР Центр, 2011.
3. Гаврилов Ю. Генеральское сокращение // Российская газета: Федеральный выпуск №4772 от 15 октября 2008 г.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005.
5. Иващенко А.В. Проблемы социальной интеграции уволенных военнослужащих: исторический опыт и современность: монография / Р.Г. Мумладзе, Т.Ю. Кирилина, А.В. Иващенко. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. — 128 с.
6. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социс. — 2003. — №2.
7. Социология: в 3-х томах: словарь по книге. — М.: Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В.И. Добренев, А.И. Кравченко, 2003–2004.
8. Социология: Энциклопедия / Сост: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко: Издательство: Книжный Дом, 2003.
9. Универсальный словарь по русскому языку. — СПб.: Питер, 2009. — С. 845.
10. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. №7 «О статусе военнослужащих»; Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. №22 (с изменениями на 27 февраля 2012 года и на 14 июня 2012 года).

Назаров М.М.,
Кублицкая Е.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Назаров Михаил Михайлович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, e-mail: mnazarov@hse.ru
Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, e-mail: eakubl@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются особенности социальных настроений в столичном мегаполисе. Основанием анализа являются репрезентативные социологические исследования, проведенные авторами в Москве в 2008–2015 гг. Утверждается, что принятие и осуществление решений в области социального управления должно учитывать достаточно тревожный уровень оценок, характеризующих текущие социально-экономические параметры жизни москвичей. Утверждается, что массовые настроения испытывают на себе влияние динамичного внутри- и внешнеполитического контекста последнего времени, равно как и кризисных тенденций в экономике. Наряду с ростом доверия Президенту РФ и ряду других государственных и общественных структур, более половины респондентов указывают на не обеспечение таких норм, как равенство граждан перед законом, соблюдения прав человека, социальных гарантий, безопасности граждан. Особенности социальной ситуации в столичном мегаполисе рассматриваются в контексте показателей социальной напряженности и протестных ориентаций.

Annotation: The article discusses the features of social attitudes in Moscow. Representative surveys form the basis of the analysis. It is considered that authorities need to take into account negative trends in well-being took place in 2008–2015 period. Authors posed that social attitudes experienced current influences of international and local social-political changes as well as crisis developments in economy. The growth of trust to Russian president and other power institutions have been accompanied with criticism of political system. According to nearly half of respondent's there is lack of proper compliance with such democratic norms as the equality of citizens before the law, respect for human rights, social guarantees, and citizen's security. The peculiarities of social situation in Moscow are analyzed within the context of social tensions and protest orientations.

Ключевые слова: социальные настроения, уровень жизни населения, доверие институтам власти, политическая система общества, социальная напряженность, протестные ориентации.

Key words: social mood, the standard of living of the population, trust in the institutions of government, political system of society, social tensions, protest orientation.

В данной работе приводятся результаты проекта: «Как живешь Москва?», реализуемого в мониторинговом режиме сотрудниками Сектора социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений Института социально-политических исследований РАН. Предметом анализа являются оценки населением социально-экономических и политических трендов, уровня благосостояния, властных отношений, политико-идеологические представления и др. Эмпирическим основанием исследования являются данные опросов жителей Москвы: 2008 г. (N=650), 2014 г. (N=747), 2015 г. (N=741). Выборка квотная, метод сбора первичной информации — самозаполняемый опросник¹.

Общая оценка социально-политической и социально-экономической ситуации в стране

Обсуждая особенности современной социальной ситуации в Москве, начнем с рассмотрения того, как ее жители оценивают общее положение в стране — в его политическом и экономическом аспектах. Сравнительные данные по этому вопросу, полученные в ходе замеров 2008, 2014 и 2015 гг. приведены в таблицах 1 и 2.

Интерпретация данных предполагает учет особенностей, переживаемых страной временных периодов. Развитие российской экономики в 2015 году характеризовалось кризисными тенденциями. Это явилось результатом как долгосрочных негативных трен-

Таблица 1. Оценка положения в стране на сегодняшний день (в % от числа опрошенных), Москва

	Социально-политическое положение в стране		
	2008	2014	2015
Благополучное	25,1	42,8	27,3
Неблагополучное	38,9	37,3	39,5
Кризисное	12,8	12,9	28,7
Затрудняюсь ответить	22,2	7,0	4,5

¹ Полевой этап исследования в 2015 г. проводился совместно с членами временного творческого коллектива проекта, представляющими Факультет социального управления и социологии РГСУ — проф. Лесковой И. В., проф. Юдиной Т. Н., проф. Кириловой Т.Ю.

Таблица 2. Оценка положения в стране на сегодняшний день (в % от числа опрошенных), Москва

	Социально-экономическое положение в стране		
	2008	2014	2015
Благополучное	14,8	26,2	7,6
Неблагополучное	43,2	42,2	38,6
Кризисное	21,8	23,4	49,0
Затрудняюсь ответить	19,2	9,2	4,9

дов, когда замедление темпов роста российского ВВП наблюдалось на протяжении последних 3–4 лет. Не последнюю роль при этом сыграло серьезное падение цен на энергоносители и соответственная реакция на это российских финансовых властей. Последнее, в частности, выразилось в существенных колебаниях и ослаблении курса национальной валюты. Не следует в этой связи и недооценивать роль антироссийских экономических санкций, особенно с учетом продолжающейся оставаться зависимости страны от экспорта нефти, газа и др.

Анализ приведенных в таблицах данных показывает, что в 2014 году цифры положительных оценок респондентами социально-политического и социально-экономического положения в стране были существенно выше, чем в последующем 2015 году. Другими словами, ситуация эмоционального подъема, в известной мере «эйфории», которые были присущими 2014 году, сменились иными оценками в 2015 году. Так, число тех, кто оценивал социально-политическую ситуацию в стране, как «кризисную» увеличилось с 12% до 28%; аналогичные оценки социально-экономической ситуации увеличились с 23% до 49%.

Зафиксированные особенности (в ее социально-экономическом аспекте) отражают, по всей видимости, динамику благосостояния жителей столицы. Характерно, что если в 2014 году указали на значительное или некоторое улучшение своего благосостояния 45% респондентов, то в 2015 году таковых оказалось существенно меньше — 27%. Показательной является и обратная тенденция. За год число тех, кто указал на некоторое или существенное ухудшение своего благосостояния выросло практически в двое — с 17% до 33% опрошенных. В социо-структурном плане, чаще отмечали улучшение благосостояния лица, находящиеся в социально активных возрастных категориях «25–49 лет»; мужчины чаще, чем женщины; чаще респонденты с высоким до-

ходом, нежели, чем респонденты с низким доходом. Таким образом, в целом ощущение негативной динамики в развитии ситуации, по крайней мере, в его экономическом измерении, является яркой чертой современных массовых настроений среди жителей Москвы.

Актуальные проблемы жителей столицы

Представляется, что рассмотренные выше оценки социально-политической и экономической реальности последних лет составляют контекст восприятия действительности, окружающей москвичей. Обратимся в этой связи к представлениям респондентов о тех проблемах, которые беспокоят их в повседневной жизни (см. таблицу 3).

Абсолютным лидером по числу упоминаний в ранжированном ряду проблем является дороговизна жизни. На эту черту современной жизни москвичей указали 49% респондентов. Причем эта позиция является ведущей по числу упоминаний по данным всего рассматриваемого нами периода. Второе место по числу упоминаний занимают три позиции: «дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание», «рост наркомании, алкоголизма» — на каждую из них указали по 34% респондентов; «произвол и бюрократизм чиновников» — 32%. Третью группу по числу упоминаний составляют такие проблемы, как «расслоение общества на богатых и бедных» (28%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (27%).

Существуют также и другие проблемы, на которые указали достаточно большое число опрошенных (доля упоминавших каждую из них находится в пределах от 20% до 25%): «неопределённость жизненных перспектив», «рост преступности», «ухудшение отношений между людьми разных национальностей», «экологическая обстановка», «работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах», «низкий уровень культуры населения», «неконтролируемый поток мигрантов».

Показательно, что относительно ряда проблем наблюдается положительная динамика оценок во времени. За период с 2008 по 2015 гг. снизилось число упоминаний таких проблем, как: «рост преступности» (с 32% до 23%), «экологическая обстановка» (с 33% до 20%), «работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах» (с 32% до 25%), «неконтролируемый поток мигрантов» (с 31% до 24%). Вместе с тем, для такой проблемы, как «безработица» наблюдается негативная динамика. Произошло увеличение числа упоминаний с 6% до 17% за рассматриваемый период.

Таблица 3. Перечень проблем, которые беспокоили респондентов больше всего (в % от числа опрошенных), Москва (можно было дать несколько вариантов ответа)

	2008	2014	2015
Дороговизна жизни	53,2	44,6	49,3
Дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание	32,4	29,5	34,1
Рост наркомании, алкоголизма	34,7	34,3	34,7
Произвол и бюрократизм чиновников	26,8	30,4	32,3
Расслоение общества на богатых и бедных	33,4	24,3	28,9
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	27,3	23,7	27,8
Работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах	32,2	25,6	25,1
Неконтролируемый поток мигрантов	31,3	30,2	24,3
Рост преступности	32,4	28,4	23,1
Неопределённость жизненных перспектив	33,9	22,8	21,9
Низкий уровень культуры населения	35,0	25,5	21,2
Экологическая обстановка	33,6	24,0	20,8
Ухудшение отношений между людьми разных национальностей	24,8	24,9	21,2
Безработица	6,6	14,9	17,1
Угроза террористических актов	15,7	24,3	13,0
Религиозная вражда, межконфессиональная напряжённость	8,2	10,1	11,3
Состояние дорог и переходов для инвалидов	8,9	16,4	8,9
Несвоевременная выплата зарплаты	4,9	6,2	4,7
Ничего не беспокоит	2,2	1,7	1,3
Другое	1,8	0,9	1,0

Перейдем теперь к рассмотрению ситуации в столице, обратившись к анализу социально-бытовой сферы по месту жительства. Мнения опрошенных по этому вопросу приведены в таблице 4.

Какие области социально-бытовой сферы вызывали наибольшую тревогу у москвичей? Наибольшее число неудовлетворительных оценок было зафиксировано в отношении качества и стоимости коммунальных услуг (49%) и медицинского обслуживания (40%). Имеющиеся данные позволяют сопоставить оценки респондентов о состоянии различных областей социально-бытовой

Таблица 4. Оценки состояния социально-бытовой сферы по месту жительства (в % от числа опрошенных), Москва

	Хорошая		Удовлетворительная		Плохая		Затруднились ответить	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Жилищные условия	44,0	34,3	47,6	56,4	7,8	8,8	0,7	0,5
Обеспечение промтоварами	52,0	47,9	39,4	41,8	6,1	8,5	2,6	1,8
Медицинское обслуживание	22,0	10,0	51,5	47,4	24,3	40,4	2,6	2,2
Обеспечение лекарствами	36,9	22,0	42,7	48,0	15,3	25,2	5,1	4,7
Условия для отдыха и досуга	43,9	39,1	40,3	43,2	12,2	14,3	3,6	3,4
Условия для развития и обучения детей	41,0	40,1	40,9	42,8	9,5	12,3	8,6	4,7
Чистота и порядок на улицах города, придомовых территориях, в подъездах домов	33,9	23,3	46,5	52,6	18,8	21,1	0,8	3,0
Качество и стоимость коммунальных услуг	14,0	6,5	42,4	40,5	38,5	49,8	5,1	3,2
Безопасность пешеходных дорог, подъездных путей к жилым домам	23,3	19,6	49,7	51,1	24,0	26,0	3,0	3,2

сферы в 2014 и 2015 гг. Применительно к состоянию дел в большей части областей мнения респондентов остаются более или менее стабильными. Вместе с тем, есть две области, которые характеризуется существенной негативной динамикой оценок жителей столичного мегаполиса даже на таком коротком временном интервале. Речь идет о медицинском обслуживании и об обеспечении лекарствами. Применительно к медицинскому обслуживанию число

респондентов, оценивших состояние дел в этой области, как плохое увеличилось с 24 до 40%. В отношении снабжения лекарствами динамика также отрицательная — наблюдается рост негативных оценок с 15% до 25%.

Приведенные тренды являются, по нашему мнению, далеко не случайными. Именно в течение последнего года в столице, равно как и других городах страны вступили в свою активную фазу реформы, направленные на оптимизацию работы таких отраслей, как медицина, образование, наука. Поэтому, приведенные выше негативные оценки оказываются сопряженными с оценками политики правительства Москвы по оптимизации (реформированию) ряда важнейших сфер жизни населения. Данные об этом приводятся в таблице 5.

Показательно, что в отношении реформ в сфере медицинского обслуживания, наряду со сферами образования оценки респондентов были негативными. На свое несогласие с проводимыми в этих областях реформами указали более 50% опрошенных. Характерно, что отрицательное отношение к ходу реформ в этих областях оказывается равномерно распределенным в социально-демографических группах по полу, возрасту, образованию. Отличия

Таблица 5. Оценки политики правительства Москвы по оптимизации (реформированию) следующих сфер жизнедеятельности населения (в % от числа опрошенных), Москва

	Поддерживаю	Не поддерживаю	Затрудняюсь ответить
Реформы образования, педагогики (укрупнение Вузов школ, детских садов)	42,0	51,0	7,0
Реформы медицинского обслуживания (объединение поликлиник, медицинских центров, обеспечения лекарствами)	37,9	56,5	5,5
ЖКХ (жилищные условия, реформы капремонта, качество и стоимость коммунальных услуг)	29,3	61,9	8,8
Наука (реформирование Академии наук и других учреждений науки)	43,0	37,3	19,7
Транспорт (дорожные развязки, переходы, безопасность пешеходных дорог, подъездных путей к жилым домам)	66,5	25,5	8,0

наблюдаются в связи с уровнем дохода — в более высокодоходных группах населения наблюдается относительно большая доля сторонников реформ, тогда как в группах с меньшими доходами — большая доля тех, кто реформы не поддерживает.

Отдельно остановимся на вопросах миграции. Как известно, Москва является одним из самых крупных центров, принимающих мигрантов, не только на постсоветском пространстве, но и в Европе. В последние годы влияние миграции на демографическую ситуацию в городе увеличивается. С 90-х годов прошлого столетия численность населения увеличивалась в основном за счет мигрантов, так как естественный рост москвичей стал отрицательным. Очевидно, что Москва в той или иной мере нуждается в трудовой миграции, которая является одним из факторов социально-экономического развития. За счет этого обеспечивается рабочая сила для таких секторов экономики города, как строительство, транспорт, коммунальное хозяйство. Наиболее заметную роль в увеличении миграционных потоков в Москву в последние годы играют представители государств постсоветского пространства.

Судя по данным исследования, вопрос неконтролируемого потока мигрантов относится к одной из актуальных проблем в жизни москвичей. В 2008, равно как в 2014 гг. на это указали 31% и 30% респондентов, соответственно. В 2015 г. доля упоминаний этой проблемы несколько уменьшилась — 24%. Насколько устойчивой будет эта тенденция сказать трудно. Тем более, что среди негативных факторов в повседневной жизни москвичей вопрос миграции имеет ряд проявлений. По данным опроса 2015 г. значительная часть участников исследования указали, что им пришлось сталкиваться: с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры (50%); хулиганским действиям и другим нарушениям общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряжённость в национальные отношения (45%); неприязненным отношением к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в Москву (38%). Согласно нашим данным, высокий уровень негативных проявлений в данной сфере не претерпел существенных изменений за последние 7–8 лет.

Приоритет указанных проблем изменяется, хотя и не кардинально, внутри отдельных социально-демографических групп. Так, о неуважительном отношении мигрантов к московским традициям и культуре более активно высказываются лица старше 40 лет; хулиганские действия на национальной почве чаще отмечаются респондентами в возрасте моложе 40 лет. Менее обеспеченные мо-

сквичи более активно указывают на негативные проявления в сфере межнациональных отношений.

Таким образом, нарастание неконтролируемой миграции приводит, среди прочего, к нарушению сложившегося этноконфессионального равновесия, возрастающей дифференциации населения по национальным и религиозным признакам. Налицо сложности межкультурной адаптации норм и традиций, которые сопровождаются снижением толерантности совместно проживающих старожилов столицы и приезжих. Высокий уровень социальной и межнациональной напряженности также обусловлен ростом культурной дистанции между мигрантами и коренными москвичами, повышением конфликтности в сфере межнационального и межкультурного взаимодействия.

Отношение к социально-политической системе и социальным институтам

В ходе сравнительных исследований в Москве зафиксированы достаточно устойчивые представления респондентов относительно существующей политической системы российского общества. Как следует из имеющихся данных, большая часть москвичей признает, что политической системе нашего общества присуще много недостатков. При этом опрошенные выступают за устранение этих недостатков путем реформирования. Характерно, что подобной установки придерживались 53% респондентов в 2008 г. и 58% — в 2015 г. По всей видимости, это отражает наличие устойчивого большинства населения, которые несмотря на все недостатки сложившегося типа политического устройства, рассматривают в качестве предпочтительного — путь постепенного реформирования.

Наряду с этим, для значительной по численности группы населения, составляющей пятую часть опрошенных, свойственными оказываются остро негативные оценки. Они выступают за радикальное изменение политической системы, поскольку ее нынешняя модель их не устраивает. Обратим внимание, что доля подобных настроений оказывается практически неизменной для разных, с точки зрения особенностей социально-политической и экономической ситуации 2008 и 2014–2015 гг. В социально демографическом плане, сторонники радикальных изменений политической системы чаще находятся среди мужчин, нежели среди женщин; также они чаще представлены в возрастной группе 40–49 лет; среди лиц с низкими доходами, по сравнению с массивом в целом.

Очевидно, что отношение к политической системе общества соотносится в той или иной мере с уровнем доверия населения к действующим институтам власти и некоторым значимым общественным и государственным структурам. Информация об этом приведена в таблице 6.

Остановимся сначала на уровне доверия к институтам государства и общества, который был зафиксирован среди москвичей в

Таблица 6. Доверие российским институтам* (в % от числа опрошенных), Москва

	2008	2014	2015
Президент РФ	40,3	67,6	77,2
Правительство РФ	30,3	49,9	51,6
Совет Федерации	16,6	44,6	43,5
Государственная Дума	9,4	33,7	35,0
Администрация Президента РФ	17,7	46,5	53,0
Совет Безопасности	19,8	47,4	49,7
Полиция	5,4	26,6	23,0
Суд	12,9	34,0	31,6
Прокуратура	10,8	37,8	33,7
ФСБ	23,8	54,8	53,9
Армия	23,7	51,7	52,6
Профсоюзы	13,7	39,8	34,0
Церковь	46,8	52,9	54,8
Религиозные организации	9,1	28,4	21,2
Политические партии, движения	5,2	20,7	19,3
Органы местного самоуправления	10,9	31,6	29,3
Мэр города	25,7	43,1	45,9
Телевидение, радио, газеты	7,4	34,5	29,6
Российская академия наук	–	52,3	55,7
Банковские, предпринимательские структуры	10,0	27,6	23,0

*Приведено наполнение позиции «доверяю» по шкале «доверяю»/«не доверяю»

2015 году. При этом обратим внимание на лидирующие и отстающие по уровню доверия институты. На первом месте находился Президент РФ, которому доверяли 77% москвичей. Далее следовала группа институтов, которым доверяли от 50% до 55% процентов опрошенных: Церковь, Академия наук, ФСБ, Армия, Совет безопасности, Администрация Президента, Правительство РФ. Наименьшим уровнем доверия (от 20% до 30%) из указанного выше перечня институтов пользовались у населения: полиция; политические партии и движения; религиозные движения; банковские и предпринимательские структуры; телевидение, радио, газеты.

Перейдем к вопросу о динамике уровня доверия к государственным и общественным институтам во времени. Как следует из приведенных данных в целом уровень доверия к институтам оказался в 2014–2015 гг. выше, чем это было в 2008 г. Показательно, что наше обращение к аналогичным данным за 2007 и 2010 гг. показывает примерно такой же уровень доверия, как в 2008 году. С одной стороны, повышение уровня доверия к большинству институтов в 2014 и в 2015 гг. можно отнести к погрешностям инструментария исследования, например, систематическому смещению в выборке и т.п. моментам. С другой стороны, и мы придерживаемся именно этой точки зрения, речь должна идти о том, что серьезные изменения в социально-политической и экономической ситуации (воссоединение с Крымом, гражданская война на Украине, международные санкции в отношении РФ, рост международной напряженности в целом, усложнение социально-экономической обстановки в РФ) привели к формированию новой социально-психологической атмосферы в обществе. Это, среди прочего, выразилось в дальнейшем росте уровне доверия Президента РФ и, так или иначе, распространялось на другие государственные институты.

Обратим внимание, что для большинства институтов выросший уровень доверия был более или менее одинаковым, как в 2014, так и в 2015 гг.. Для некоторых институтов в этот период было свойственным относительно небольшое падение доверия: полиция — с 26% до 23%; профсоюзы — с 39% до 34%; религиозные организации с 28% до 21%; телевидение, радио, газеты — с 34% до 29%. Единственным, кто продемонстрировал существенный рост доверия в 2015 г. по сравнению с 2014 г. был президент РФ — 67% до 77%.

Поскольку региональный фокус данного исследования был сосредоточен на Москве, то отдельно обратим внимание на динамику уровня доверия москвичей к мэру города. В течение последнего времени этот показатель был стабильно высоким, с тенденцией к

росту: 43% — в 2014 г., и 46% — в 2015 г. Наши многолетние замеры настроений в Москве показывают, что нынешний уровень доверия москвичей к градоначальнику находится на уровне максимума в новейшей истории столицы.

Говоря о положительной динамике в уровне доверия респондентов к государственным и общественным институтам, не стоит упускать из виду следующее обстоятельство. Высокий уровень доверия властям, прежде всего Президенту РФ, отнюдь не снимет с повестки дня вопрос о наличии острых проблем социально-экономического характера. (Подробно об этом было сказано в предыдущем разделе). Наряду с этим, следует отметить и собственно политический аспект, который выражается, в частности, в представлениях респондентов о том, в какой мере государство обеспечивает основополагающих демократических норм общества. Показательно, что в 2015 году более половины респондентов, указали на то, что государство не обеспечивает следующие демократические нормы: равенство всех граждан перед законом (61%); социальные гарантии (59%); соблюдение прав человека (52%); безопасность граждан (52%). Несколько меньшее, но также большое число респондентов указало на то, что государством не обеспечивается свобода политического выбора (37%); свобода слова (36%).

Идеологические представления и доверие к СМИ

Результаты исследования фиксируют идеологические представления, распространенные среди жителей столицы. Это было выявлено в связи с изучением вопроса об отношении респондентов к необходимости общенациональной идеи, сплачивающей россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка. В ходе опроса 2015 г. за необходимость общенациональной идеи высказались 78% опрошенных; против — 13%; 9% — затруднились ответить. Какие идеи социально-политического характера оказываются наиболее популярными у москвичей? Сравнительные данные по итогам замеров 2014 / 2015 гг. показаны в таблице 7.

Имеющиеся данные достаточно наглядно демонстрируют, что идея патриотизма является в последние два года ведущим, наиболее популярным массовым представлением среди москвичей (применительно к составляющим национальной идеи). Характерно, что поддержка патриотизма в этот период, согласно данным, продолжала расти. Последнее вполне объяснимо, учитывая особенности международной и внутренней ситуации в стране в 2014–2015 гг.

Таблица 7. Отношение к политико-идеологическим ценностям (в % от числа опрошенных), Москва

	2014	2015
Патриотизм	59,7	70,6
Национальная гордость	43,2	43,9
Свобода и права человека	43,8	46,6
Социальная справедливость и равенство	39,5	39,3
Общественный порядок	21,7	36,7
Безопасность	31,2	33,1
Державность (возвращение России статуса сверхдержавы)	31,4	18,7
Духовность	17,4	30,6
Религия, религиозные традиции	29,2	14,7
Социализм	14,9	5,7
Интернационализм	4,0	6,9
Общественное самоуправление	7,4	4,8
Самодержавие		
Затрудняюсь ответить	4,5	3,1

Выделим также еще несколько политико-идеологических ценностей, которые находят поддержку у значительного числа опрошенных. Во-первых, обратим внимание на представления, доля упоминаний каждого из которых, находилась в пределах 39% — 46%: свобода и права человека, социальная справедливость и равенство; национальная гордость. Во-вторых, за отмеченной выше группой ценностей, следуют представления, в отношении которых также было зафиксировано достаточно большое число упоминаний: общественный порядок (36%); безопасность (33%). Показательно, что фундаментальных различий с точки зрения поддержки этих ценностей в различных социально-демографических группах зафиксировано не было.

Как представляется, современные практики реформирования тех или иных сфер жизни должны реализовываться с учетом доминирующих в обществе политико-идеологических ценностей, о которых говорилось выше. Их можно представить, как пересечение двух содержательных векторов. С одной стороны, это условно говоря, вектор массового сознания, в котором доминирует патриотическая составляющая, а также акцент на безопасности и общественном порядке. С другой стороны, здесь выделяется — в плане

значимости для населения — вектор индивидуальных прав и свобод. Наряду с этим, существенную роль в общественных настроениях играет составляющая социальной справедливости, присущая российскому обществу в течение как советского, так и постсоветского периодов.

Обсуждение проблематики составляющих общенациональной идеи соотносится также вопросом о столичной идентичности. В этой связи обратим внимание на ответы участников исследования на следующий вопрос: Можете ли вы сказать о себе: «Я горжусь, что я москвич»? Доля положительных ответов составила 60%; отрицательных — 23%; 17% — затруднились ответить.

Среди ведущих факторов, которые в наибольшей степени объединяют москвичей, респонденты указали на следующие: общность территории (44%); общая историческая память (40%); культурные традиции (37%). При этом москвичи позиционируют себя в широком интернациональном и конфессиональном контексте — на значимость национального происхождения и религии указало существенно меньшее число опрошенных — 22% и 7%, соответственно.

Среди факторов, разъединяющих москвичей на первый план вышли социально-экономические и культурные обстоятельства. Наибольшее число упоминаний по данному вопросу собрали: расслоение на богатых и бедных (62%); падение уровня духовности и культуры (40%).

Очевидно, что упомянутый выше фактор растущего социально-го расслоения негативно действует на общественные настроения. Это, в частности, проявляется в ответах респондентов на следующий вопрос: «Чи интересы выражает и защищает российское государство?». Здесь со значительным отрывом от остальных «лидируют» две позиции — «богатых» (47%); «государственной бюрократии» (39%).

Формирование политико-идеологических представлений в обществе происходит под влиянием ряда обстоятельств. Важную роль в этой связи имеет деятельность средств массовой информации (СМИ). Остановимся на этом вопросе подробнее.

Нынешний этап развития современных медиа характеризуется т.н. цифровизацией, которая, в свою очередь, сопряжена с ростом используемых телевизионных каналов и радиостанций, бурным развитием интернета. Все это приводит к усилению конкуренции в медиапространстве различных точек зрения, политических представлений и ценностей. Одним из значимых показателей является уровень доверия жителей столицы к основным типам медиа. Информация по этому вопросу приведена в таблице 8.

Таблица 8. Каким источником информации о социально-политической жизни страны вы доверяете больше всего? (в % от числа опрошенных), Москва

	2015
Интернету	46,8
Телевидению	44,5
Разговорам с друзьями, знакомыми	30,8
Газетам	30,3
Радио	20,8
Журналам	6,6
Затрудняюсь ответить	9,0

Показательно, что в современном информационном пространстве отсутствует какой-то один, доминирующий с точки зрения доверия населения источник. С одной стороны, на период исследования респонденты в наибольшей степени доверяли интернету (46%) и телевидению (44%). С другой стороны, весьма важным, в плане доверия, является межличностное общение — разговоры с друзьями и знакомыми (30%).

Очевидно, что доверие к средствам массовой информации характеризуется особенностями в различных социально-демографических группах. Наиболее ярким дифференцирующим обстоятельством является возраст: респонденты в более молодых возрастных группах чаще доверяют интернету, тогда как представители более старших возрастных групп — телевидению. Большая доля респондентов доверяет интернету также в более высокодоходных группах опрошенных.

В практике управления информационной политикой целесообразно также учитывать данные исследования о том, насколько объективно, по мнению опрошенных, в СМИ освещаются отдельные области жизни общества. В фокусе анализа находилось отношение жителей столицы представлению в медиа таких вопросов как социально-политическая и социально-экономическая обстановка, внешнеполитические события, межнациональные отношения, религия, состояние культуры и образования. Отношение респондентов к большинству из них распределилось примерно следующим образом: «объективно» — 25%; «иногда объективно, иногда нет» — 50%; «не объективно» — 25%. Таким образом, значительная часть респондентов трактует уровень объективности медиа весьма невысоко. Наиболее критично в отношении объективности медиа настроены опрошенные в социально-активном возрасте 25-39 лет.

Заключение

Принятие и осуществление решений в области социального управления предполагают учет текущих настроений жителей столичного мегаполиса. Результаты последних исследований позволяют говорить о достаточно тревожном уровне оценок, характеризующих текущие социально-экономические параметры жизни москвичей. В 2015 г. более чем в два раза, по сравнению с предыдущим годом выросла доля респондентов, расценивающих социально-экономическое положение в стране как кризисное (с 23% до 49%). Причем за год число тех, кто указал на некоторое или существенное ухудшение своего благосостояния выросло практически в двое — с 17% до 33% опрошенных.

Очевидно, что массовые настроения испытывают на себе влияние динамичного внутри- и внешнеполитического контекста последнего времени. Одними из важнейших в этой связи были события на Украине. Исследование 2015 г. подтвердило высокий уровень поддержки решения о принятии в состав Российской Федерации Крыма и Севастополя — за него высказались

89%, против — 4%, затруднились ответить — 7% респондентов. Также высоким оказался уровень поддержки народных республик в Донецкой и Луганской областях.

Среди представителей властных институтов государства наибольшей поддержкой пользовался Президент РФ. Согласно данному исследованию (равно как и замерам других социологических центров) рейтинг Президента страны продолжал расти. Среди москвичей уровень доверия составил 77% к середине 2015 года. Достаточно высоким уровнем доверия пользовались Правительство РФ, Совет безопасности, Администрация Президента, ФСБ, Армия, Церковь, Академия наук (от 50% до 55% процентов опрошенных). Наименьшим уровнем доверия из исследуемого перечня институтов у населения пользовались: полиция; политические партии и движения; религиозные движения; банковские и предпринимательские структуры; телевидение, радио, газеты (от 20% до 30%).

Отношение к социально-политической системе общества оказывается среди москвичей достаточно стабильным во времени. Если порядка 60% опрошенных (признавая многочисленные недостатки) выступали за ее постепенное реформирование, то 20% респондентов настаивали на ее радикальном переустройстве. По мнению достаточно большого числа опрошенных государство не обеспечивает следующие демократические нормы: равенство

всех граждан перед законом (61%); социальные гарантии (59%); соблюдение прав человека (52%); безопасность граждан (52%); свобода политического выбора (37%); свобода слова (36%).

Очевидно, что оценки социально-политической и социально-экономической ситуации в стране соотносятся с текущими проблемами жизни людей, их повседневной практикой москвичей. Лидером по числу упоминаний в ранжированном ряду проблем является дороговизна жизни (49%). Второе место по числу упоминаний занимают три позиции: «дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание», «рост наркомании, алкоголизма» — на каждую из них указали по 34% респондентов; «произвол и бюрократизм чиновников» — 32%. Третью группу по числу упоминаний составляют такие проблемы, как «расслоение общества на богатых и бедных» (28%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (27%).

Одной из актуальных в жизни столицы продолжает оставаться проблема миграции. Показательно, что динамика негативных проявлений в связи с этой проблемой оказывается практически без изменений в течение последних 7–8 лет. Многие участники исследования отметили, что им приходилось сталкиваться: с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры (50%); хулиганским действиям и другим нарушениям общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряжённость в национальные отношения (45%); неприязненным отношением к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в Москву (38%).

В последние годы власти Москвы активизировали работу по реформированию различных сторон жизнедеятельности города. В этой связи наблюдается положительная динамика оценок респондентов, таких, например, проблем, как работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах. Вместе с тем, есть две области, которые характеризуются существенной негативной динамикой оценок жителей столичного мегаполиса в 2014–2015 гг. Применительно к медицинскому обслуживанию число респондентов, оценивших состояние дел в этой области, как плохое увеличилось с 24 до 40%. В отношении снабжения лекарствами динамика также отрицательная — наблюдается рост негативных оценок с 15% до 25%.

В рамках исследования были зафиксированы политико-идеологические представления, которые пользовались поддержкой у населения. Наибольшую поддержку получила идея патриотизма (70%). Причем здесь наблюдается рост положительной динамики, что вполне объяснимо, принимая во внимание особенности

международной обстановки и внутренней ситуации в стране в последние годы. Среди других лидирующих ценностей выделим такие, как свобода и права человека; социальная справедливость и равенство; национальная гордость — доля упоминаний каждой из них, находилась в пределах 39% — 46%.

Среди жителей столичного мегаполиса достаточно развитой оказывается региональная идентичность. В частности, 60% респондентов были согласны с утверждением «Я горжусь, что я москвич». Среди ведущих факторов, которые в наибольшей степени объединяют москвичей, респонденты указали на следующие: общность территории (44%); общая историческая память (40%); культурные традиции (37%). При этом москвичи позиционируют себя в широком интернациональном и конфессиональном контексте: на значимость национального происхождения, религии и религиозных традиций указало существенно меньшее число опрошенных — 22% и 7%, соответственно.

**Вавакина Т.С.,
Журавлев А.Л.,
Позняков В.П.**

**ПРАГМАТИЧНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ
КАК БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ДЕЛОВОМ ПАРТНЕРСТВЕ**

PRAGMATISM AND MORAL AS THE BASIC PRINCIPLES OF INTERACTION
WITHIN BUSINESS PARTNERSHIP

Вавакина Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Высшей школы психологии, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, эл. адрес: vavakina@gmail.com

Журавлев Анатолий Лактионович — член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, эл. адрес: adm3@psychol.ras.ru

Позняков Владимир Петрович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, член-корреспондент Международной академии психологических наук, эл. адрес: poz_n_v@mail.ru

Vavakina Tatiana Sergeevna, a Candidate of science (psychology), associate professor of the Organization-psychology Department at Higher school of the psychology, the associated employee of the Laboratory of the Social and Economic Psychology of the Institute of psychology of the RAS, e-mail: vavakina@gmail.com

Zhuravlev Anatoly Laktionovich, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Sc. D. (psychology), professor, Director of the IFederal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Pozniakov Vladimir Petrovich, Doctor of Psychology, Leading research fellow, Laboratory of the Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Social and Ethnic Psychology Department, Moscow University for the Humanities; corresponding member of the International Academy of Psychological Science (IAPS), e-mail: poz_n_v@mail.ru

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного анализу роли базовых принципов взаимодействия людей — прагматичности и нравственности — в рамках делового партнерства. Показаны достоверные связи оценок важности для предпринимателей прагматичности и нравственности в деловом партнерстве с их ценностными ориентациями.

Summary: The article presents the results of the empirical research devoted to the analysis of a role of the basic principles of interaction between people — pragmatism and moral — within business partnership. Interrelations of estimates of importance for businessmen of pragmatism and moral as principles of business partnership with valuable orientations of the personality are shown.

Ключевые слова: российские предприниматели, экономическая психология, социальное взаимодействие, деловое партнерство, психологические отношения, ценностные ориентации.

Keywords: Russian entrepreneurs, economic psychology, social interaction, business partnership, psychological attitude, valuable's orientation.

Публикация подготовлена при поддержке РФНФ (Проект №15 06 12036 «Разработка и развитие интерактивной информационно-исследовательской базы данных «Социальная психология российского предпринимательства»).

Актуальность исследования

Данная статья продолжает изложение результатов серии исследований делового партнерства, которое является важной составляющей предпринимательской деятельности. В наших исследованиях мы ориентировались, в первую очередь, на работы, выполненные в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Это исследования взаимодействия в сфере совместной трудовой деятельности и управления ею [2, 3, 18 и др.]. Исследования психологии российского предпринимательства, выполненные в ИП РАН [4, 6, 11] заложили основы психологии предпринимательства как нового научного направления социальной и экономической психологии [5], а также способствовали расширению и углублению научных представлений о социально-психологических особенностях взаимодействия в предпринимательской среде. В рамках этих исследований получило свое начало изучение социально-психологических факторов партнерства и конкуренции как основных видов делового взаимодействия [7, 13, 15 и др.]. В самостоятельное направление можно выделить исследования ценностных ориентаций российских предпринимателей [8, 12 и др.]. Наша работа посвящена исследованию *отношения* предпринимателей к деловому пар-

тнерству. Взаимодействие партнеров во многом определяет их успех в организации и развитии бизнеса. Теоретической основой исследования являются положения концепции психологических отношений субъектов экономической деятельности [6, 10 и др.] и ресурсно-ценностного подхода к анализу делового взаимодействия [14 и др.].

В исследовании приняло участие 179 предпринимателей. Выборка представлена респондентами из Москвы, Центрального региона России и Сибири. Во всех регионах было соблюдено распределение по полу: 2/3 мужчин и 1/3 женщин, что соответствует представленности мужчин и женщин в современной предпринимательской среде. В исследовании участвовали предприниматели всех возрастных категорий, средний возраст респондентов находится в диапазоне 36–40 лет. Предприниматели представляли разные сферы малого и среднего бизнеса.

Прагматичность и нравственность как базовые принципы взаимодействия

В этой статье сделана попытка ответить на вопрос, какие компоненты взаимодействия формируют базис для успешного сотрудничества в рамках делового партнерства и с чем это может быть связано? Деловая сфера жизни любого человека не существует обособленно, она включена в жизнедеятельность человека в целом. Особенно важно это принимать во внимание, когда мы говорим о представителях такой социально-психологической группы как предприниматели. Деловая сторона жизни человека характеризуется тем, что включает в себя и деловой, и личностный компоненты взаимодействия людей. В контексте исследования социально-психологических особенностей делового партнерства представляется важным обратить внимание на эти две составляющие делового взаимодействия.

Не вызывает сомнения *деловой компонент*, отражающий требования самой экономической деятельности. Он необходим для решения конкретных задач, встающих на пути достижения цели, и, как правило, хорошо осознается участниками делового партнерства. Именно деловой компонент определяет утилитарность взаимодействия партнеров в бизнесе. В деловом партнерстве утилитарность понимается как прагматичность, практичность, рациональность, нацеленность на конкретный результат экономической деятельности.

Наряду с этим, деловая сфера включает и *личностный компонент*. Он отражает те стороны социального взаимодействия

партнеров, которые непосредственно соотносятся с конкретной личностью, ведущей данную экономическую деятельность. В контексте этих рассуждений мы приходим к необходимости рассмотрения тех социально-психологических проблем, которые соотносятся с нравственностью личности, этикой делового взаимодействия.

Нам представляется интересным выявить отношение людей к некоторым относительно универсальным нормам взаимодействия. Конечно же, характер самого взаимодействия во многом будет определяться конкретной ситуацией. Так, если формальное взаимодействие довольно жестко задается и регламентируется, то к партнерству это можно отнести с определенными оговорками. В этом случае весьма существенным становится человеческий фактор, особенности личности (как руководителя, так и подчиненного), которые могут определять свой особенный стиль общения и взаимодействия конкретных людей [2]. Менее регламентированным является паритетное взаимодействие (в нашем случае — деловое партнерство).

Все люди, которые потенциально могут становиться деловыми партнерами, с одной стороны, в процессе социализации в условно едином социокультурном пространстве усваивают некоторую систему общепринятых принципов и норм взаимодействия. С другой стороны, каждый человек в той или иной мере избирателен, устанавливая взаимоотношения с другими людьми, выбирая конкретного партнера и придерживаясь определенных принципов и норм взаимодействия с ним. В связи с этим возникает интерес к проблеме нормативной регуляции делового партнерства.

В контексте делового партнерства можно сформулировать наиболее общие *базовые принципы*, понимаемые как внутренние убеждения человека, определяющие его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности. Так, *прагматичность* по определению является необходимым принципом экономической деятельности. Однако в сфере взаимодействия с другими людьми этот наиболее очевидный принцип не является единственным. У разных исследователей, обращавшихся к данной проблематике, *утилитарно-индивидуалистической* ориентации во взаимодействии, в той или иной степени, противопоставляется *ценностно-нормативная* ориентация. Таким образом, даже в рамках экономической деятельности существенное значение во взаимодействии субъектов имеют социальные нормы и общественные ценности. Мы полагаем, что в этом случае правомерно говорить о таком принципе взаимодействия людей как *нравственность*, пони-

маемая как следование выработанным обществом этическим нормам [9, 16, 17 и др.]. Таким образом, мы рассматриваем два наиболее общих базовых принципа взаимодействия: *прагматичность* и *нравственность*.

Наряду с ними, среди наиболее существенных показателей, характеризующих принципы, нормы и правила взаимодействия в рамках делового партнерства, были установлены следующие: *взаимность* (которая способствует формированию общности норм, принципов и ценностей взаимодействия), *справедливость* (эквивалентность), *равенство*, а также *доверие* и *ответственность*. Кроме того, могут существовать и более частные нормы и правила, регулирующие взаимоотношения партнеров. Итак, нами были выявлены те аспекты социального взаимодействия, которые формируют нормативный базис делового партнерства [1].

1. Базовые надситуационные принципы взаимодействия: прагматичность и нравственность, которые могут сосуществовать одновременно и призваны уравновешивать друг друга.

2. Инструментальные принципы партнерства, которыми руководствуется большинство людей, когда речь идет о паритетном взаимодействии, причем не только о сотрудничестве (но и в ситуации, например, честного состязания, соперничества): справедливость, взаимность, равенство.

3. Базовые нормы партнерства: доверие и ответственность.

4. Условно «неприемлемые» нормы партнерства: намеренное влияние, манипулирование, скрытность и лицемерие.

Ранее полученные результаты исследования факторов эффективности делового партнерства показали, какие характеристики, проявляющиеся во взаимодействии между людьми, могут способствовать, а какие препятствовать эффективности делового партнерства. Однако, открытым остается вопрос: почему люди в разной степени ориентируются на универсальные принципы взаимодействия, руководствуются при этом разными нормами и правилами? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости рассмотрения особенностей ценностно-смысловой сферы личности.

В нашем исследовании, наряду с авторским опросником «Отношение к деловому партнерству» использовались и стандартные методики, связанные с оценкой ценностных и смысложизненных ориентаций личности, в частности, методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич) и тест «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев).

Основные результаты исследования

Прежде всего, отметим, что не было выявлено значимой связи между оценками респондентов важности придерживаться в деловом партнерстве базовых принципов социального взаимодействия «прагматичность» и «нравственность». Это позволяет сделать вывод о том, что данные принципы могут сосуществовать относительно независимо один от другого и, вероятно, призваны уравновешивать друг друга в ситуации взаимодействия с другими людьми.

Перейдем к анализу роли *прагматичности* и *нравственности* как базовых принципов взаимодействия предпринимателей в рамках делового партнерства. Мы попытаемся решить эту проблему через анализ связей оценок этих базовых принципов со смысловыми ориентациями личности и значимостью для деловых людей различных мотивов, побуждающих их к деловому партнерству. Исследование выявило значимые связи между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» и оценками значимости смысловых ориентаций личности.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» и оценками значимости смысловых ориентаций личности

Смысло-жизненные ориентации (СЖО)	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Цели в жизни	0,176*	
Процесс жизни		0,158*
Локус контроля — Я	0,145*	

Примечание: р — уровень значимости корреляции: *** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=179.

Мы не выявили корреляции оценок важности в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» с общим показателем осмысленности жизни (ОЖ). Однако примечателен тот факт, что эти принципы связаны с тремя субшкалами, отражающими две конкретные смысловые ориентации и показатель локуса контроля.

Рассмотрим два показателя. Первый — «Цели в жизни», характеризующий целеустремленность, наличие или отсутствие в жизни респондентов целей в будущем, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Второй — «Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)», характеризующий представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни. С этими двумя показателями достоверно связана оценка значимости для делового человека принципа «прагматичность». Это полностью согласуется с представлением о том, что именно данный принцип позволяет человеку достигать намеченных целей, реализовать свои планы в конкретной деятельности.

Что касается нравственности как принципа взаимодействия, то ранее отмечалось, что это своего рода антитеза жесткой прагматике, позволяющая более чутко и гибко подходить к способам достижения собственных целей, принимая во внимание социальные нормы, общественные ценности, потребности, интересы других людей, достижение согласия, гармонии во взаимоотношениях с другими людьми. Возможно, именно поэтому оценка важности для человека принципа «нравственность» связана с таким показателем, как «Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность жизни», который определяет удовлетворенность своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом. Содержание этой шкалы совпадает с представлением о том, что смысл жизни состоит прежде всего в том, чтобы жить. Таким образом, прагматичность позволяет не только ставить, но и реализовывать цели в жизни, в то время как нравственность достоверно связана с процессом жизни и удовлетворенностью этим процессом здесь и сейчас.

Еще более четкое понимание роли базовых принципов взаимодействия приходит в результате анализа связей оценок важности этих принципов со значимостью для деловых людей различных мотивов, побуждающих их к деловому партнерству. Оценка таких мотивов осуществлялась по четырем характеристикам — возможным вариантам ответа на вопрос: В какой мере Ваше участие в деловом партнерстве определяется для Вас следующими факторами: возможностью использовать материальные, экономические, финансовые, информационные и др. ресурсы партнера, которые необходимы для совместного достижения целей взаимодействия

(экономико-ресурсная мотивация); другими причинами, «политическими» соображениями, возможностью использовать в своих целях социальные связи, опыт, компетентность, личное расположение к Вам партнера и т.п. (социально-ресурсная мотивация); желанием сотрудничать с конкретным человеком, иметь дело именно с этим партнером, ценностью для Вас именно этого человека (субъектно-ценностная мотивация); ценностью делового партнерства для Вас лично, Вашей оценкой важности партнерства как такового (ценность партнерства).

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» и оценками мотивов, побуждающих к деловому партнерству

Мотивы делового партнерства	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Ценность делового партнерства	0,194**	0,156*
Экономико-ресурсная мотивация	0,219**	
Социально-ресурсная мотивация	0,176*	
Субъектно-ценностная мотивация		0,203**

Примечание: р — уровень значимости корреляции: *** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, $N=179$.

Высокая ценность делового партнерства для участника делового взаимодействия, оценка важности партнерства как такового предполагает высокую значимость для него обоих базовых принципов: и прагматичности для достижения цели, и нравственности для выстраивания и поддержания благоприятных взаимоотношений со своими деловыми партнерами. Наряду с этим, прагматичность явственно соотносится с ориентацией на использование экономических и социальных ресурсов, в то время как нравственность — с желанием сотрудничать с конкретным человеком, желанием иметь дело именно с ним; ценностью для человека именно этого партнера. Полученные результаты полностью подтверждают правомерность использования применительно к анализу социального взаимодействия, делового партнерства ресурсно-ценностного подхода [14 и др.].

С позиции представляемого нами ресурсно-ценностного подхода к анализу делового взаимодействия, существенной ха-

характеристикой взаимодействия его участников (партнеров) является содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придает этому взаимодействию конкретный смысл. Утилитарно-практическая ориентация выражает отношение к социальному обмену со стороны пользы, выгоды, т.е. как к обмену ресурсами, которые можно использовать. Так, в случае доминирования утилитарной, прагматической ориентации одного из участников взаимодействия другой участник (партнер) выступает для него по преимуществу объектом воздействия, а само взаимодействие — ресурсом, используемым для достижения личных прагматических целей. При этом в качестве ресурсов могут рассматриваться и сами психологические отношения, складывающиеся между участниками взаимодействия. Именно в этом смысле можно говорить о «социально-психологическом капитале» или о «человеческих отношениях» как ресурсе повышения эффективности деятельности организации. Такую ориентацию в деловом взаимодействии мы обозначаем как *ресурсную*.

В случае же, когда доминирующей, преобладающей является ценностно-нормативная или нравственная ориентация, другой участник взаимодействия воспринимается и оценивается не как объект воздействия для достижения своих личных прагматических целей, но как равный себе субъект, имеющий отличные от собственных потребности, цели и интересы, которые следует уважать и учитывать при взаимодействии с ним. Само же взаимодействие рассматривается при этом не как один из ресурсов достижения личной выгоды, пользы от него, но как самостоятельная ценность, заключающаяся в формировании, поддержании и развитии благоприятных для обоих партнеров взаимоотношений. Такую ориентацию в социальном взаимодействии мы обозначаем как *субъектно-ценностную*.

Что способствует, а что препятствует эффективности делового партнерства? На прагматичность или нравственность в большей степени стоит ориентироваться? Что более важно для успешности взаимодействия? В нашем исследовании использовался комплекс показателей эффективности делового партнерства, которые фиксировались через ответы на вопросы интервью. Мы провели факторный анализ и остановили свой выбор на 4-факторном решении, описывающем 82,23% общей дисперсии.

F1. Оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами (28,83% объясняемой дисперсии). В этот фактор вошли переменные:

- насколько активно Вы сами инициируете деловое партнерство? (факторная нагрузка 0,833);
- насколько легко Вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами? (0,787);
- насколько комфортно Вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами? (0,704).

F2. Оценка успешности результата взаимодействия с партнерами (23,41%):

- оцените, пожалуйста, каков вклад успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат Вашего бизнеса (работы) (0,851);
- как Вы оцениваете в целом успешность Вашего взаимодействия с деловыми партнерами? (0,820).

F3. Эмоциональная удовлетворенность взаимодействием (15,12%):

- как бы Вы оценили положительные эмоции, удовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами? (0,957).

F4. Эмоциональная неудовлетворенность взаимодействием (14,87%):

- как бы Вы оценили отрицательные эмоции, неудовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами? (0,979).

Анализ данных показал значимые корреляции оценок важности придерживаться в деловом партнерстве базовых принципов с факторами эффективности, связанными с собственно успешностью делового партнерства: F1 «Оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами» и F2 «Оценка успешности результата взаимодействия с партнерами». Кроме того, мы сочли необходимым проанализировать связи с отдельными показателями, входящими в эти факторы: насколько активно Вы сами инициируете деловое партнерство; насколько легко Вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами; насколько комфортно Вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами; как Вы оцениваете в целом успешность вашего взаимодействия с деловыми партнерами.

Выявлено, что эти принципы, безусловно, важны для эффективного делового партнерства. Существуют некоторые плюсы и в том, и другом случае: деловым людям, ориентирующимся на нравственность, легче выстраивать деловое взаимодействие; предприниматели, ориентирующиеся на прагматичность, более комфортно чувствуют себя в деловом партнерстве.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» и показателями эффективности делового партнерства; факторами эффективности делового партнерства и оценками отдельных, входящих в них показателей

Факторы эффективности делового партнерства	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
F1 Успешность ПРОЦЕССА	0,232**	0,239***
F2 Успешность РЕЗУЛЬТАТА		0,157 [†]
Оценки показателей эффективности делового партнерства		
Активность инициирования делового партнерства	0,270***	0,273***
Легкость выстраивания взаимодействия		0,178 [†]
Комфортность во взаимодействии	0,258***	
Успешность взаимодействия	0,163 [†]	0,240***

Примечание: p — уровень значимости корреляции: *** p <= 0,001; ** p <= 0,01; * p < 0,05. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, N=179.

Значим тот результат, что оба принципа тесно связаны с успешностью процесса взаимодействия деловых людей. Это подтверждает наше предположение о важной роли реализации этих принципов в социальном взаимодействии, задающих нормативный базис делового партнерства, позволяющих достигать цели и выбирать достойные средства их достижения.

Отдельно стоит отметить, что не обнаружено связей оценки важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» с оценками эмоциональной удовлетворенности и неудовлетворенности взаимодействием с деловыми партнерами. Кроме того, не было выявлено и корреляций с характеристиками, непосредственно связанными с эмоциональной стороной деловой партнерства: оценкой надежности партнеров; оценкой опыта взаимодействия с партнерами: взаимопониманием, содействием, поддержкой партнеров и конфликтами в отношениях участников взаимодействия. Не было выявлено также связей с оценкой вклада успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат бизнеса, а также с

социально-демографическими характеристиками предпринимателей: возрастом, образованием, стажем делового партнерства, числа партнеров. Это позволяет предположить, что принципы «прагматичность» и «нравственность» имеют отношение прежде всего к социальному взаимодействию, но не к обычным взаимоотношениям людей. Они дистанцированы от конкретной ситуации взаимодействия. Кроме того, в большой степени их можно считать не зависящими от основных социально-демографических показателей.

Остается вопрос, кто из деловых людей высоко оценивает важность принципа «прагматичность», а кто — принципа «нравственность». Мы предположили, что это может быть тесно связано с ценностными ориентациями личности. Действительно, выявились связи, как с терминальными, так и с инструментальными ценностями. Не удивительно, что высокие оценки важности придерживаться во взаимодействии с партнерами принципа «нравственность» связаны с высокой значимостью ценности «любовь». Интересными оказались результаты, касающиеся инструментальных ценностей. Предприниматели тем более ориентируются на «прагматичность», чем менее для них значимы воспитанность, чуткость, непримиримость к недостаткам в себе и других и чем более важна образованность. В свою очередь, чем более важны для человека честность, доброта и воспитанность, и чем менее значимы рационализм, независимость и собственность, тем выше он оценивает важность придерживаться во взаимодействии с партнерами принципа «нравственность».

Заключение

Надо признать, что в бизнесе с большей силой, чем во многих других сферах жизнедеятельности человека, проявляются прагматичность, утилитарность, эгоистически-стратегические тенденции, которые, в свою очередь, для сохранения баланса в отношениях между людьми, для эффективности делового партнерства неизбежно требуют опосредования этическими принципами, внимания к нравственной стороне взаимодействия. В связи с этим следует обратить внимание на ситуацию взаимодействия деловых партнеров, непосредственно — на те принципы и нормы, которые лежат в основе и во многом определяют сам характер делового взаимодействия. Именно в деловом партнерстве этот вопрос становится принципиальным. В конечном итоге, сходство или различие в осознании принципов и норм взаимодействия будет опре-

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между оценками важности придерживаться в деловом партнерстве принципов «прагматичность» и «нравственность» и оценками значимости ценностных ориентаций личности

Ценностные ориентации	Базовые принципы взаимодействия	
	Прагматичность	Нравственность
Здоровье	0,178*	
Счастье других	-0,197**	
Любовь		0,153*
Творчество	-0,165*	
Инструментальные ценности		
Честность		0,245***
Жизнерадостность		0,143*
Образованность	0,178*	
Воспитанность	-0,132'	0,191*
Чуткость	-0,167*	
Рационализм		-0,169*
Независимость		-0,160*
Собственность		-0,155*
Непримиримость к недостаткам в себе и других	-0,184*	
Эффективность в делах		-0,175*
Доброта		0,231**

Примечание: р — уровень значимости корреляции: *** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p < 0,05$. Извлечение из матрицы интеркорреляций: приведены только значимые корреляции, $N=179$. Методика ЦО М. Рокича (прямые-обратные корреляции должны интерпретироваться с учетом знака, указанного в таблице, ранги уже инвертированы).

делять качество и жизнеспособность деловых взаимоотношений конкретных партнеров.

Итак, в случае истинного (паритетного) партнерства и та, и другая сторона, являясь субъектами с присущими им характеристиками, в принципе вольны в той или иной мере самостоятельно делать выбор в пользу определенного партнера, принимать решение о формате взаимодействия и общения с ним, определять степень близости отношений, а главное формировать тот уникальный

микро-социальный контекст, в котором готовы существовать оба партнера. Здесь речь идет о том, что наиболее ценно, важно партнерам во взаимодействии с другим человеком, что допустимо или не допустимо делать или говорить, что поощряется, одобряется, а что может полностью разрушить существующий союз. При этом нельзя забывать, что этот процесс обоюдный, встречный, взаимно направленный, приводящий в идеале к общности понимания, признания и принятия конкретных, вполне определенных условий взаимного сосуществования и сотрудничества. Подводя итоги, еще раз отметим, что здесь изучается деловое партнерство предпринимателей. Однако деловые отношения и отношения партнерства могут быть рассмотрены не только на примере данной социальной группы, но и других групп людей, решающих определенные задачи в рамках своей профессиональной деятельности и объединяющих усилия со своими коллегами, представителями различных организаций, включая конкурентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавакина Т.С. Деловая культура, нормы и принципы делового партнерства в среде российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. С. 220–226.
2. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
3. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
4. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
5. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. №3. С. 46–64.
6. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
7. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И. Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. №4. С. 102–115.
8. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций предпринимателей в условиях макросоциальных преобразований // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №1. С. 46–60.
9. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
10. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.

11. *Позняков В.П.* Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
12. *Позняков В.П.* Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007. С. 513–528.
13. *Позняков В.П., Вавакина Т.С.* Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2. С. 100–103.
14. *Позняков В.П., Вавакина Т.С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор проблемы психологии и эргономики. 2014. №2 (69). С. 3–11.
15. *Позняков В.П., Титова О.И.* Конкурентные и партнерские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 181–204.
16. Психологическое исследование нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
17. Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
18. Совместная деятельность: методы исследования и управления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992.

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Российский государственный университет нефти и газа

им. И.М. Губкина

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел./факс: (495) 938 58 43

e-mail: sigarevae@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 04.04.2016

Формат 62 × 94 1/16

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

12,75 усл. п.л.